В. ОВЕЧКИН

РАЙОННЫЕ БУДНИ

КУРСК
1953

В. ОВЕЧКИН

РАЙОННЫЕ БУДНИ

КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КУРСК-1953

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
г. Курск, ул. Ленина, 77,
Книжное издательство*

УПРЯМЫЙ ХУТОР

В феврале 1943 года фронт остановился на Миусе.

Рота Алексея Дорохина отрыла окопы в садах хутора Южного. Глубоко промёрзшую землю долбили ломами и пешнями, взятыми у местных жителей. Хутор стоял на взгорье — одна длинная, извилистая улица, два порядка хат; усадьбы нижнего порядка круто спускались к широкому, ровному, как стол, лугу. Метрах в ста от края усадеб вилась по лугу замёрзшая, засыпанная снегом вровень с берегами речка. За речкой, за лугом, в полукилометре — такое же взгорье и хутора. Там закрепились немцы.

Окопы нужны были для укрытия от артиллерийского огня и бомбёжек, а когда было тихо, бойцы отогревались в хатах. Гитлеровцам, поспешно удиравшим из хутора, не удалось сжечь его дотла. Сгорели только камышовые крыши, кое-где выгорели деревянные рамы в окнах, а стены, сложенные из самана — земляного кирпича, и потолки, густо смазанные толстым слоем глины и земли, огонь не взял.

— Не берёт ихний огонь русскую землю, — говорил, сильно тряся головою, старик, хозяин хаты, где расположился лейтенант Дорохин со своими телефонистами, связными, старшиной. — Это что ж, дело поправимо — крыша. А пока морозы держат — и потолок не протечёт. Жить можно.

Со стариком ютились в хате невестка — солдатка и мальчик лет двенадцати, внук. Мальчик бегал за

хутор, где упал сбитый зенитками «Юнкерс», таскал оттуда листы дюраля, плексигласса. Старик заделал окна, которое — наглухо, досками и дюралем, которое — кусками плексигласса, вместо стекла, на косяк двери навесил дверцу с разбитого «зиса» и уже поглядывал наверх — соображал что-то насчёт крыши. Под копной старой гнилой соломы у него было припрятано с десяток брёвен, довоенного ещё, видимо, запаса. Дня три похаживал он вокруг копны, не решаясь обнаружить, на искушенье ротным поварам, свой клад, наконец, не вытерпел, вытащил два бревна, начал их обтёсывать на стропила, вязать.

— Не рано ли, дед, вздумал строиться? — спросил его Дорохин.

— А чего время терять, товарищ лейтенант... Не будете же больше отступать? Или на фронте — неустойка?..

— Отступления не предвидится. Я не о том. На самой передовой живёшь. Угодят снарядом — пропали твои труды. Обожди, пока продвинемся дальше.

— Пока продвинетесь, у меня уже всё будет наготове. Вот обтешу стропила, повяжу их на земле. Камыша нажну на речке.

— Речка вся простреливается. Видишь, где немцы. На тех высотах. Из ручных пулемётов достают.

— Ночью, потихоньку. Днём я на речку не пойду... Только вы уж, товарищ лейтенант, будьте добреньки, прикажите вашим поварам, чтобы не зарились на мой лесок. От немцев — прятал, от своих — не таюсь. Оно-то, конечно, и поварам трудно, местность у нас безлесная, соломой ваши кухни не растопишь, но и нам теперь, как фронт пройдёт, ох, не легко будет с нуждой бороться! Каждая палка в хозяйстве понадобится... Вон в том дворе, через две хаты — куча кизяков. Пусть берут на топливо. Хозяев там нет. Хозяин в полиции служил,

сбежал... Эти обрезочки можно бы дать вам на дрова... А впрочем, я их тоже в дело употреблю. Распущу на рейки — боронку сделаю легкую, на одну корову.

«Жаден старик, — подумал Алексей. — Корову где-то прячет. Крынку молока бойцам жалеет дать».

— Где же ваша корова? — спросил он.

— Отогнали на хутор Сковородин, к родичам. Подальше от фронта. Корову тут держать опасно.

— А невестке, внуку не опасно жить на передовой? Почему их не отправил к родичам? Коровой больше дорожишь?

— Не отправил, да... Попробуйте вы их отправить, товарищ лейтенант!.. Был у нас промеж собою семейный совет. Нельзя жилище бросать без присмотра. Всё же хата, хоть полхаты осталось! Садик у нас, деревья — чтоб не вырубили. Копёшка сена вон для корму — как это всё бросить? Я говорю: «Буду здесь жить, пока передовая не пройдет». А Ульяна говорит: «Я вас, папаша, одного не оставлю. Вдруг, что-нибудь с вами случится?» А Мишка говорит: «И с дедушкой, и с тобой может случиться, и меня возле вас не будет? Не пойду отсюда!» Так и порешили — держаться кучкой, семейство небольшое. Было — большое. Два сына — на фронте... А корову как не жалеть, товарищ лейтенант. Весна придёт, тягла нет, чем пахать-сеять? На корову вся надёжа...

Огрубел, что ли, Дорохин за полтора года войны, притупились в нём инстинкты хлебороба — речи хозяйственного старика не вызывали у него сочувствия. Ему рано было думать о наступающей весне, о пахоте. Дошли только до Миуса... Вот здесь, на снегу, на этом самом месте, где обтёсывал старик брёвна, лежали три дня тому назад, прикрытые плащ-палаткой, его лучший командир взвода сержант Данильченко, с которым шёл он от Сталинграда, и замполит Грибов. Кажется, остались ещё пятна крови на снегу...

— Брёвна мы твои, дед, не тронем, не волнуйся. А вот этими стружками прикажи невестке нагреть воды. Да побольше. Нам бы хоть голову помыть, в бане давно не были... Хозяин! Должен бы знать солдатскую нужду!

— Извиняюсь, товарищ лейтенант! Это мы мигом сообразим. Баньку сообразим! Вон в том сарайчике поставим чугунок, натопим. Котёл есть. Ульяна! Поди сюда! Слыхала об чём речь? Шевелись, действуй! Через час доложи товарищу командиру об выполнении приказания!.. Воевал и я, товарищ лейтенант. Много времени прошло. Ещё в японскую, в Манчжурии. Отвык, конечно, обабился в домашности... Разведчиком был!..

Утром, когда Дорохин, проведя ночь в окопах с наблюдателями, пришёл в хату позавтракать, старик — звали его Харитоном Акимычем — предстал перед ним с георгиевской медалью, приколотой к обтёрханной, замызганной стёганке.

— А-а... Сохранил?

— Сберёг... Не для хвастовства прицепил — для виду, чтоб ваши ребята меня приметили. Проходу нет по хутору. Пароль, то, сё. Ночью часовые чуть не подстрелили. За шпиона переодетого принимают меня... А мне теперича придётся по всяким делам ходить.

— Ночью нечего болтаться по хутору.

— Так днём-то вовсе нельзя — неприятель заметит движение... У нас ночью общее собрание было. В поле, вон под теми скирдами.

— Какое собрание?

— Колхозное. Правление выбирали.

— Колхозное?.. Где же он, ваш колхоз-то?

— Как — где? Вот здесь, в этом хуторе. В каждом дворе есть живая душа. Не в хате, так в погребе.

Старшина Юрченко подтвердил:

— В каждом дворе, товарищ лейтенант. Не поймёшь — передовая у нас или детские ясли? На том краю, где третий взвод разместили, у одной хозяйки — семеро детей. Слепили горку из снега, катают-

ся на салазках. Не обращают внимания, что хутор, как говорится, в пределах досягаемости ружейно-пулемётного огня. В бинокль оттуда же всё видно, как на ладони! Немец боеприпасами обеднял, экономит, а то бы!..

— Членами правления выбрали Дуньку Сорокину и Марфу Рубцову, — продолжал рассказывать старик. — А в председатели обратали, стало быть, меня.

— Тебя? Ты — председатель?

— Начальство!.. За неимением гербовой... Есть ещё один мужик на хуторе, грамотнее меня, молодой парень, инвалид. Ну, тот — тракторист. Может, по специальности придётся ему поработать.

— Есть тракторы у вас?

— Тракторов нету. Угнали куда-то, — старик махнул рукой, — ещё при первом отступлении. Успеют ли к весне повернуть их сюда?..

— Как ваш колхоз назывался тут до войны?

— «Заря счастья». Так и оставили... Назад нам дороги нету, товарищ лейтенант. Как вспомнишь, что у нас было при надувальном хозяйстве...

— При каком хозяйстве?

— Дед, должно быть, хочет сказать: при индивидуальном хозяйстве, — пояснил старшина.

— Вот то ж я и говорю — надувальное хозяйство. Кто кого надует. И середнячок иной поглядывал: как бы соседа прижать да самому в кулаки выскочить?.. К этому нам возвращаться несподручно... Так что, можно сказать, по первому вопросу сомнений не было никаких. Единогласно постановили: «Колхоз «Заря счастья» считать продолженным»... А вот чем пахать будем? Два коня у нас есть. Одры. Немцы бросили. И двенадцать коров осталось. На весь хутор. На восемьдесят пять дворов. А земли — семьсот пятьдесят гектаров...

— Ничего у вас, дед, сейчас с колхозом не выйдет, — сказал Дорохин. — В штабе полка был разговор: если задержимся здесь и будем строить долговременную оборону — всё население с Миуса при-

дётся вывезти в тыл. Километров за пятьдесят. Чтоб не путались у нас тут под ногами.

Харитон Акимыч подсел к столу, за которым завтракали Дорохин и старшина, долго молчал, тряся головой. Старик был крепок для своих восьмидесяти лет, не велик ростом, тощ, но широк в плечах, не горбился, в руках его чувствовалась ещё сила, с лица был свеж и румян и только сильно тряс головой — может быть, ещё от старой контузии. Похоже было — всё время поддакивал чему-то, словам собеседника или своим мыслям.

— Вы из какого сословия, товарищ лейтенант? — спросил он, помолчав. — Из крестьян или из городских?

— Из крестьян. Был бригадиром тракторной бригады.

— В нашей местности весна в марте открывается. Уже — половина февраля... Чем год жить, если не посеем? Как можно — от своей земли итти куда-то в люди?..

— Вам отведут землю в других колхозах, во временное пользование. Без посева не останетесь.

— Посеять, то уж и урожая дождаться, скосить, обмолотить, до осени жить там. А тут же как? Вы, может, раньше тронетесь. Пары надо поднимать под озимь, зябь пахать. А люди, тягло — там. Разбивать хозяйство на два лагеря? Нет, для такого колхоза я не председатель, что бригада от бригады — на пятьдесят километров!.. Земля-то наша, товарищ лейтенант, вся вон туда, назад, в тыл. Окопов там не будет. Никому не помешаем. Ночами будем пахать!..

Со двора послышалось — не первый раз уже за утро:

— Воздух!..

День начинался беспокойно. Только что пятерка «Юнкерсов» отбомбилась над расположением соседнего справа полка. Ещё горело что-то там, в селе Тёплом.

Дорохин, старшина и связные выскочили из ха-

ты. Дорохин захватил котелок и, стоя под стеной хаты с теневой стороны, глядя в небо, торопливо дохлёбывал жирный мясной кулеш.

— Эти, кажись, прямо к нам... Мишка! Ульяна! — закричал дед с порога в хату. — Не прячьтесь под печку! Там хуже — привалит! На двор, дураки!

— Марш к нам в окопы! — скомандовал Дорохин. — Вот в этот ход сообщения... Довольно, не бегать! Замри!..

В голубом морозном ясном небе разворачивалась над хутором девятка пикирующих бомбардировщиков «Ю-87».

— Лаптёжники... Сейчас устроят карусель, — сказал старшина. — Вот — начинают...

— Пригнись! — толкнул Дорохин деда в спину и сам спустился в окоп.

Головной бомбардировщик, нацелившись в землю неубирающимся шасси, похожим на лапы коршуна, взревел сиренами, круто пошёл в пике.

— А, шарманку завёл! — погрозил ему кулаком старшина. — Шарманщики! Пугают... Бомб маловато.

Для первого захода бомб у «Юнкерсов» оказалось достаточно. Небольшие десяти-двадцатикилограммовые бомбы сыпались густо, рвались пачками. В садах будто забили фонтаны из снега пополам с землёю.

— Ну, это ещё ничего, — сказал Харитон Акимыч, выглядывая из окопа, сильнее обычного тряся головой. — Давеча один кинул бомбу на выгоне — с тонну, должно быть! Хозяева! На такой маленький хутор такие агромадные бомбы кида...

Трах! Трах! Трах! Трах!.. взметнулись один за другим четыре фонтана в соседнем дворе.

— Лежи, председатель! — потянул Дорохин за ногу деда. — Зацепит осколком по голове — хватит с тебя и маленькой бомбы. Хозяйственник какой!..

Хутор ощетинился огнём. Били из окопов станковые и ручные пулемёты, трещали винтовочные вы-

стрелы, били откуда-то из глубины обороны зенитки. Один «Юнкерс» на выходе из пике закачался, клюнул носом, низко потянул за бугор. Остальные продолжали свою «карусель» — один, сбросив бомбы, разворачивался, взмывал вверх, другой заходил на его место, пикировал.

— Всыпали одному! — закричал старшина. — Смотрите, товарищ лейтенант! Захромал! Ага! Удираешь!..

— Не удерёт! Не в ту сторону завернул, с перепугу. Прямо на зенитки пошёл. Там ему добавят!..

За вторым заходом бомб сыпалось меньше. За третьим — что-то падало с неба на землю, но не рвалось.

Старик вылез на бруствер.

— Это что же они такое кидают, а?.. К чему это? Вон — бочку кинули. А то что летит?.. Плуг, что ли? Вроде — конный плужок... Оглашенные!

— Это тебе, дед, на хозяйство, в колхоз! — захохотал Дорохин. — Ах, хулиганы! Халтурщики! Где же ваши боеприпасы? Довоевались?..

... В чистом голубом небе таяли белые облачка от разрывов снарядов зениток. «Юнкерсы» ушли. Ещё один бомбардировщик, когда ложились они уже на обратный курс, заковылял, задымил, но не упал сразу. Далеко отстав от ушедших вперёд, долго тянул за собою по небу чёрный хвост дыма, пока, наконец, показалось и пламя. Свалившись на крыло, пошёл вниз. Упал он далеко, километрах в пятнадцати. В стороне его падения взметнулся к небу огромный столб дыма. Спустя несколько секунд донесся глухой тяжкий взрыв...

В хуторе пахло порохом. Где-то что-то горело, дымило. Через улицу напротив во дворе кричала женщина:

— Митя, родной!.. Что они с тобой сделали! А-а-а!..

— У Гашки Морозовой сына убило, — сказал

Харитон Акимыч. — А, может, поранило... Ульяна! Сходи к ней, помоги.

— Пошли туда санитара! — приказал Дорохин старшине.

Одна небольшая фугаска упала возле самой хаты. Взрывной волной развернуло угол. Старик, сняв шапку, яростно скрёб затылок, соображая, чем и как заделать угол.

— Такого уговора не было, чтоб и стены валять... Ах, ироды, губители!

— Вот тебе и колхоз! — сказал Дорохин. — Убирайтесь вы отсюда, пока целы, живы! Видишь, боеприпасов им ещё не подвезли, бочками швыряются, а как закрепится оборона — тут такое будет!..

— Как же это всё покинуть, товарищ лейтенант? Когда на глазах, ну что ж, развалили — починю, ещё развалят — починю! А без хозяина — что же тут останется?..

— Воздух!..

— Ложи-ись!..

Какой-то шальной «Мессер», возвращаясь на аэродром, снизился, ураганом пронёсся над хутором, расстреливая остаток боекомплекта в людей, закопошившихся во дворах... Запоздало застучали вслед ему пулемёты и сразу умолкли. Немец, прижимаясь к земле, перевалил за бугор, пошёл где-то лощиной — исчез...

— С цепи сорвался! — сказал, поднимаясь с сугроба, Харитон Акимыч. Из трясущейся бороды его и с лысины сыпался снег. — Черти его кинули!.. Чтоб ты там в балке носом землю зарыл!..

В наступившей тишине с края хутора донёсся отчаянный вопль женщины...

— Марья Голубкова, кажись, — приложив ладонь к уху, прислушался старик. — Та, про которую ваш старшина говорил — семеро детей... Что говорить, жизнь нам тут предстоит не сладкая, товарищ лейтенант. Но как же быть?.. Лучше бы вы с ходу

продвинулись ещё хотя бы километров на полсотни туда!..

— И там бы в каком-то селе остановились. Там тоже — народ, жители. Нам-то — не легче... Нет, сам буду просить наших интендантов, чтоб подогнали ночью машины! Погрузим вас, со всем вашим барахлом, и отвезём подальше в тыл!.. Что за война, когда вокруг тебя женщины голосят?..

На Миусе простояли долго. Здесь застала Дорохина и весна — всё в том же хуторе Южном.

Бывает на войне — и разбитые, отступающие части противника, и наступающие войска изматываются так, что ни те, ни другие не могут сделать больше ни шагу. Где легли, в какую-то предельную для человеческой выносливости ночь, там и стабилизировался фронт. Тут — дай один свежий батальон! Без труда можно прорвать жиденькую оборону, наделать паники, ударить с тылу!.. Но в том-то и дело, что свежего батальона нет ни у тех, ни у других.

Так было на Миусе в феврале. Весною стало иначе. Дороги высохли, подтянулись тылы. Пришло пополнение. Оборону насытили войсками, огнём, боевой техникой. Миус — фронт. Командование готовило его к крупным операциям.

Всё ушло, зарылось в землю. В каждом батальоне было отрыто столько километров ходов сообщения, сколько и положено по уставу, блиндажи надёжно укрыты шпалами и рельсами с разобранных железнодорожных путей, каменными плитами, землёю. Можно было пройти по фронту из дивизии в дивизию ходами сообщения, не показав и головы на поверхность.

И немцы имели достаточно времени для того, чтобы привести себя в порядок.

Теперь уже хутора и сёла на передовой казались совершенно опустевшими. Ни малейшего движения

незаметно было днём во дворах и на улицах. Сунься днём по улице какая-нибудь машина или подвода — сейчас же по этому месту начинали бить немецкие тяжёлые миномёты и орудия.

И всё же в хуторе Южном, на самой передовой, ближе которой метров на триста к немцам было выдвинуто лишь боевое охранение, жили люди. От хутора уже почти ничего не оставалось — одни развалины. Люди жили в погребах. Днём прятались в погребах, а с наступлением темноты вылезали, копали огороды, сажали, сеяли у кого что было — картофель, свёклу, кукурузу, просо. Где-то в балке, в нескольких километрах от хутора, был оборудован полевой стан колхоза. Там находились пахари, с коровами и единственной парой лошадей. Обрабатывали колхозные поля тоже ночами, а на день укрывали скот в каменоломнях.

Не однажды жителей хутора Южного выселяли в тыл. Подходили ночью машины, забирали людей, солдаты проверяли по всем закоулкам — не остался ли кто? А спустя некоторое время хуторяне, по одному, кучками, с узлами и налегке, возвращались опять домой. С вечера будто никого не видно было в хуторе, а утром Дорохин, приглядевшись, замечал вдруг, что полоски вскопанной земли на огородах стали шире. Уже вернулись! Где-то прячутся. Не солдаты же его занимаются по ночам огородничеством!

Кончилось тем, что командир дивизии, инспектировавший оборону, застал как-то Харитона Акимыча с колхозниками ночью в хуторе и, выслушав их горячую просьбу не срывать колхоз с родных мест в весеннюю пору, сказал:

— Ладно, живите... Для вас, для таких старателей, эту землю освобождаем... Только береги людей, председатель! Дисциплину заведи военную! Маскировка, никаких хождений! За ребятами — особый догляд! А то ещё станут бегать в окопы, гильзы собирать. Малышей, таких, что не нужны здесь мате-

рям, не помогают на огородах, отправьте всё же куда-нибудь.

— На полевой стан их отправим. Там в каменоломнях — такие укрытия! Что-нибудь вроде яслей сообразим.

— Берегите детей... Ну, желаю вам первыми среди здешних колхозов стать крепко на ноги!

— Спасибо, товарищ генерал!..

— Были первыми, и будем первыми!..

* *

— У нас народ упрямый, товарищ лейтенант, — говорил Харитон Акимыч Дорохину. — А упрямый, скажу, потому что — дюже был хороший колхоз. У нас колхоз был не простой.

— Золотой?

— Вот именно — золотой. Передовой был колхоз, на всю округу. В газетах про нас писали. Пять человек послали от нас председателями в другие колхозы — нашей закваски, нашего воспитания. Где бригадиры ни свет ни заря на ногах, ходят по полям, дело направляют? У нас. Где самые боевые доярки, телятницы? Запевалы? Э-э, работали!.. Председатель у нас был из двадцатипятитысячников. Отец родной! В душу тебе влезет, расскажет, докажет, самого отсталого человека доведёт до сознания!.. Какие люди были! Это меня по нужде выбрали. Семьдесят восемь солдат пошло из нашего колхоза в армию, бригадиры, трактористы, вся краса колхоза!..

— И я, Акимыч, пошёл на фронт не из плохого колхоза, — сказал Дорохин. — Кубань. Слыхал про такой край?.. У нас там всё покрупнее вашего. Степи — глазом не окинешь. Станицу за час из края в край не пройдёшь. Такой колхоз, как у вас, это, по-нашему — бригада!.. Семь автомашин было в колхозе. Домохозяек возили в поле и обратно на машинах. В сороковом году построили электростанцию на реке Лабе, собирались электричеством пахать... Что там сейчас, после немцев?..

Однажды ночью Харитон Акимыч пришёл в блиндаж к Дорохину — его уже все солдаты знали и пропускали, как своего, — с бородатым, лохматым, старым на вид человеком, инвалидом на деревяжке.

— Вот наш тракторист, — представил старик инвалида, — Кузьма Головенко. Оставался дома по случаю непригодности к военной службе. Увечье получил не на фронте. В каком году, Кузьма? В тридцать восьмом? Из Кургана с базара ехал, под поезд угодил, выпивши... Тракторист был так себе, получше его ребята работали, — как и я, скажем, в те годы в председатели не годился. Но теперь придётся подтянуться!

— Кто же из вас старше? — спросил Дорохин.

— Мне, товарищ лейтенант, тридцать два года,— ответил Головенко.

— Что ж ты так себя запустил? Не стрижёшься, не бреешься. Не в дьяконы ли постригался тут, при немцах? — спросил старшина.

Головенко потеребил клочковатую нечёсаную бороду, глуповато ухмыльнулся, промолчал. Был он бел и пухл лицом, от долгого сиденья в погребах, и очень грязен.

— Парень ждёт со дня на день, — ответил за него Харитон Акимыч, — что его — за машинку и в конверт. Вернётся наша эмтээс — судить его будут за дезертирство. Назначали его трактора угонять, с девчатами и теми механиками, что по брони остались, а он бросил машину, вернулся с дороги домой. Вот какое с ним положение... А я ему говорю: надо сделать, Кузьма, так: пока вернётся эмтээс, чтоб ты уже тут отличился перед советской властью! Всю землю чтоб нам попахал!.. Там ещё, товарищ лейтенант, мои члены правления ожидают, Марфа Рубцова и Дуня Сорокина. Как бы их пропустить сюда?

— Да что у меня тут — контора колхоза?

— Дело есть к вам.

— Какое дело?.. Ну, пусть зайдут.

В блиндаж вошли две женщины, одна лет пяти-

десяти, с сухим, строгим, в глубоких морщинах, лицом, чернобровая, другая лет двадцати пяти, круглолицая кареглазая блондинка, статная, с сильными налитыми плечами. Обе, видно, принарядились в лучшее, что осталось у них, старшая — в белых носочках и тапочках, молодая — в поношенных, больших, не по ноге, грубых сапогах, но в шёлковой нарядной блузке, с бусами, чуть подкрасила губы. На блузке у неё, под платком, накинутым на плечи, Дорохин заметил орден Трудового Красного Знамени.

— Это — Евдокия Петровна, — представил Харитон Акимыч молодую. — Бывшая доярка, трёхтысячница. Между прочим, невеста, девушка. Перебирала до войны женихами — тот работящий, да некрасивый, тот красивый, да неласковый. Когда мы её теперь выдадим замуж?.. А это старый член правления, и до войны была в правлении — Марфа Ивановна.

— Здравствуйте, — пожал им руки Дорохин. — Садитесь.

Встал, уступив им место на своём ложе, вырезанном в земле, присыпанном травою и застланном плащ-палаткой и шинелью. Женщины чинно сели.

— Ну, девчата, просите лейтенанта! — сказал Харитон Акимыч, тряся головой. — Да получше просите, пожалостливее!

— О чём? Чем я вам могу помочь?..

— Ты не говорил, что ли, Акимыч? — спросила старшая.

— Нет. Рассказывайте вы, по порядку.

Помолчали.

— Трактор бы нам надо, товарищ лейтенант, — начала Дуня.

— А ещё что? Молотилку, комбайн, крупорушку?.. — рассмеялся Дорохин. — Вон у артиллеристов тягачи стоят без дела. Попросите, может, вспашут вам гектаров сотню. Только вряд ли вспашут. Кто же разрешит им расходовать боевое горючее?

— Нет, нам не так чтобы на время. Нам надо трактор насовсем.

— Насовсем? Ишь ты!.. Ну, обратитесь к командиру дивизии, к командарму — может быть, выделят вам из трофейных тягачей. А у меня в роте — какие же тракторы?

— Мы тебе, Дуня, можем, — сказал старшина Юрченко, — жениха хорошего выделить. Прикажет товарищ лейтенант, построю роту — выбирай любого. Только опять же не насовсем — пока здесь стоим.

— Погодите, товарищи, не смейтесь, — сказала Марфа Ивановна. — Дело серьёзное. Трактор есть. Надо его вытащить.

— Трактор есть, — подтвердил Головенко.

— Откуда вытащить?

— Из речки, — сказал Харитон Акимыч. — В речке трактор, в Миусе. Утопили.

— Вот он знает место, — указала Дуня на Головенко, — где утопили.

— Знаю... Значит, товарищ лейтенант, дело было так. Когда угоняли трактора, один был не на ходу. Какая-то ерундовая неисправность, чего-то нехватало, я уж не помню чего, в коробке скоростей одной какой-то шестерни, что ли. Не то чтобы совсем — утильсырье. Трактор этот я знаю. Из нашей бригады. Хороший трактор. Но — ехать нечем. А тут горячка: «Давай, давай!» Ну, куда ж — давай. Зацепили его тросом, с того берега на другой, и утопили в Миусе. Магнето, динамку, конечно, сняли. Ещё кое-что сняли по мелочи. Ну, это мы найдём...

— Где — найдём?

— У меня есть.

— Натаскал?

— Натаскал... Вернулся домой, пошёл на усадьбу эмтээс, по мастерским прошёл — там чего только нет! Бросили впопыхах. Смазал солидолом, уложил в ящики, закопал в землю... Спекулировать собирался, думаете? Нет. Кабы для спекуляции — держал бы в секрете...

— Не знаю, как насчёт железа, — сказал Харитон Акимыч, — а вот дерево, товарищ лейтенант, — сто лет пролежит в воде и гниль его не берёт! Отчего оно так получается? Только чтоб уж совсем было в воде. А если на земле, на воздухе, и в мокроте — быстро сгниёт.

— Так вы чего от меня хотите? — спросил Дорохин. — Чтобы я вам трактор вытащил? Чем?

— Вы же сами сказали про ваших пушкарей, что у них тягачи стоят без дела.

— У них — не у меня.

— Ох, какой вы!.. — вспыхнула Дуня. — «Не мое дело». «Обратитесь к такому-то»... Нам без трактора никак не обернуться! Не посеем — жить нечем, голодать будут люди!.. Он же здесь в этом хуторе стоял, здесь его и утопили. Это место как раз перед вашими окопами, потому и пришли к вам!.. Если б захотели помочь... Вы свои люди тут в дивизии. Вам скорее тот командир даст тягача!..

— Товарищ лейтенант! — сказал Харитон Акимыч. — Вы не обижайтесь на Евдокию Петровну. Она у нас немножко нервенная. Её за орден при немцах три раза в гестапо таскали...

— Вот я расскажу, товарищ лейтенант, как у нас работа идёт, — встала Марфа Ивановна. — Акимыч говорил, вы из хлеборобов, поймёте. Двенадцать коров у нас работают. По две пары в плужок запрягаем — три плуга. И две лошади — сеялку тягают. А ещё ж надо и заборонить. Три гектара в день вспахать, засеять — больше мы не в силах, как ни крутись! За две недели сорок гектаров посеяли. Ну, ещё сорок посеем. Что это — для колхоза?..

— Вряд ли и трактор вас выручит. Неизвестно ещё, в каком он состоянии. Может, придётся его ремонтировать.

— Отремонтируем, — сказал Головенко.

— Когда? Вам же он нужен сейчас, к севу.

— Ничего! — сказал Харитон Акимыч. — Пусть даже до конца апреля провожжается он с ремон-

том. Май — самое лучшее время по нашей местности просо сеять. Пшеницы-то на семена у нас уже почти и нет. А просо есть, соберём у колхозников. Его немного требуется. Широкорядным — пять килограммов на гектар хватит. Набузуем побольше проса — тоже хлеб! С пшённой кашей не пропадёшь!

— А горючее?..

— Вот уж насчёт горючего дойдём до самого командира дивизии! Неужели не пожертвует нам на хозяйство хоть сколько-нибудь горючего?..

— Я две бочки автола на усадьбе эмтээс закопал, — сказал Головенко.

Дорохин притушил папиросу.

— Где же вы его утопили? Ну, пойдёмте, покажите.

Все вышли по ступенькам из глубокого блиндажа на воздух, выбрались из окопа, прилегли на бруствере. Была тёмная звёздная ночь.

— Вон там, — протянул руку Головенко.

Под кручей на равнине невдалеке смутно поблёскивало чистое плёсо неширокого извилистого Миуса, в берегах заросшего камышом.

— Там был мост. По мосту его отбуксировали на ту сторону, а потом отсюда, на тросах, тремя машинами затянули до половины речки...

— Какой там грунт? — спросил Дорохин.

— Грунт — ил, местами песок, — ответил Харитон Акимыч. — Мягкий грунт.

— Я прошлым летом, при немцах, купался там, — сказал Головенко. — Нарочно полез, чтоб пощупать, как он стоит. Засосало по брюхо. Но можно выручить. Подрыть под передком, завести брёвна, набросать камней...

— Тремя машинами, говоришь, затянули? Колёсниками?

— Да. И этот, что утопили — колёсный. Сэтээз.

— Ну, теперь не меньше трёх гусеничных «Сталинцев» надо, чтобы вытащить!..

Все долго молчали, глядя в ночную даль. С противоположных высот изредка взлетали в воздух ра-

кеты. Трассирующие пули бесцельно, от скуки, пускаемые вверх часовыми в немецких окопах, бороздили небо в разных направлениях, будто звёзды, сорвавшись с мест, убегали друг от дружки в какой-то игре. С луга тянуло сыростью, холодком. В расположении соседнего батальона слева, занимавшего оборону по линии железной дороги, в посадке щёлкали соловьи.

— Птицам божьим, что война, что не война, они своё дело делают — поют, — заметил Харитон Акимыч.

Дуня лежала рядом с Дорохиным, касаясь его локтём, кусала сорванную на бруствере травинку.

— Но дело не в том, что тяжело тащить, — сказал Дорохин. — И три тягача можно попросить... А вы так простудитесь, Евдокия Петровна. Земля холодная.

Девушка приподнялась на колени.

— И так не годится. Видите, постреливают. Вот этот огонёк, что прямо вверх чуть поднимется и будто на месте замрёт — это сюда.

Дуня спустилась в окоп.

— Обдумано всё правильно. Можно и подкопать, и камней набросать. Одного только вы, друзья, не учли. Немцы-то где?

— Так немцы — вот они. Ракеты пущают, — ответил Харитон Акимыч.

— Слышно им будет, если мы подгоним тягачи к самой речке?

— Ещё как слышно! Вон у них кто-то железом цокает, что-то ремонтируют — нам же слышно.

— То-то и оно!.. Старый солдат, а тоже не сообразил!

— Да я уж сам поглядываю, товарищ лейтенант... Не выйдет наше дело!..

— Они же подумают — танки идут! Такого огонька всыпят!.. Командир артполка не даст тягачей. Да я и просить не стану. Глупо просить. И командир дивизии не разрешит. Это же целая боевая операция! Надо ставить артиллерии зада-

чу на прикрытие нас огнём!.. Что вы, товарищи! Бросьте об этом и думать!..

— А если зацепить его тросом в воде, — сказала Дуня, — а другой конец вывести подальше, туда аж?.. — махнула рукой.

— Куда — подальше? Километра за три?..

Все засмеялись невесело.

— Распроклятый Гитлер, навязался, собака, на нашу голову!.. — вздохнула Марфа Ивановна. — Разорил, разграбил нас. Начинай сызнова. Да какое — сызнова! Когда сходились в колхоз, ведь у людей были лошади, инвентарь, свели, снесли в кучу, с того и начали. А теперь — ничего нет! Ни брички, ни хомута, ни ярма!..

— Нет, на этого утопленника вы пока не рассчитывайте. Надо искать вам другой выход.

— Выход — один. Чтоб больше пахать, надо коней из сеялки выпрячь. Чтоб больше посеять — надо пахоту остановить. Как ни выгадывай — ничего не получается!.. Вот ещё поставим всех, кто не занят на плугах, лопатами копать землю. Ну, извиняйте, товарищ лейтенант, что побеспокоили. Девчата! Кузьма!..

— Погодите. Чтоб Евдокия Петровна не считала меня бюрократом бездушным, я вас чаем напою. Никитин! — окликнул Дорохин ординарца. — Собери-ка там на стол.

Долго сидели гости у Дорохина в блиндаже за «столом» — кубом, вырезанным из земли посреди блиндажа, застланным, вместо скатерти, чистой простынёй, — ели консервы, поджаренное сало, пили чай с галетами, вспоминали, каким был их колхоз в хуторе Южном до войны. Старшина поиграл на баяне...

Долго не спал после ухода гостей Дорохин. Прошёл по окопам, проверил посты во всех взводах, вернулся, прилёг, а заснуть не мог. Вспомнилась Кубань, бригада, ребята-рулевые, с которыми работал много лет. Разбросала война всех неведомо куда. Ни от одного не получил на фронте письма Да и как они могли ему написать? Они не знали,

где он, так же как и он не знал их адресов. Их станица освобождена, как и эти сёла на Миусе, лишь в феврале... Долго, не смыкая глаз, думал об Ольге. Где она? Что с нею? Где была при немцах? Как пережила лихое время? Пережила ли?..

На своё письмо, посланное в станицу бывшей кухарке тракторной бригады тёте Поле, он ещё не получил ответа. Ольге не писал. Почему? Хотелось сначала узнать от других, что она жива и ждёт его...

Случилось так, что дня через два Дорохин сам послал связного на полевой стан колхоза «Заря счастья» за Харитоном Акимычем и трактористом.

В роту Дорохина приходил заместитель командира батальона по политчасти и сказал ему, между прочим:

— Сегодня, лейтенант, будешь спать под музыку. Где-то какую-то важную высотку хотят отнять у немцев. Воевать будут ночью. Танки пойдут туда. А шум поднимут по всему фронту дивизии, чтоб сбить немцев с толку. Артполк выставит тягачи на передовую. У тебя, у Левченки, у Нестерова будут шуметь. Готовьтесь, в общем. Достанется и вам, на чужом пиру похмелье!..

Дорохин послал связного за председателем колхоза, а старшине приказал:

— Сходи, Юрченко, в артдивизион, попроси от моего имени капитана Сухарева — пусть эти ребята, что будут здесь ночью демонстрировать танковую атаку, захватят буксирные тросы. Скажи для чего. Слышал, о чём просили нас люди?

— Слышал. Достану тросы, товарищ лейтенант! — откозырял старшина. — Для Дуни — постараемся!

— Глупости говоришь! Дуня тут не при чём.

— Так я не про вас. Про себя говорю — постараюсь для Дуни.

— А, про себя. Ну — старайся...

Харитон Акимыч пришёл уже в сумерках, с бородатым Головенко, Марфой Ивановной и Дуней.

— Попробуем вытащить ваш трактор, — сказал им Дорохин. — Приготовьте, что нужно — камень, брёвна. Вот старшина даст вам в помощь двух бойцов. Тягачи придут с полуночи. А женщин я не звал. Вам тут делать нечего. Тут будет жарко! Предупреждаю, товарищи колхозники, работать будем под огнём!

— Это что ж такое случилось? — спросил старик. — Третьего дни сами сомневались — нельзя, шум поднимем, а нынче — можно?

— Нельзя было, а нынче можно, вот и всё, что могу вам сказать. И не расспрашивайте.

— Да нам-то и не к чему знать. Нам бы своё дело справить... Ну, что ж, спасибо, товарищ лейтенант!.. Кузьма! Ту каменную загату разберём, что ли?

— А чем подвезёте камень?

— Чем подвезём?..

— Забыл сказать связному, чтоб вы с подводой прибыли... Наши лошади в хозвзводе... А вот женщины пойдут к вам в хозяйство, пусть пришлют оттуда ваших лошадей. Идите домой. Этой ночью не разрешаю вам тут болтаться. До свиданья! Желаю успеха. Юрченко, командуй!

Отпустив людей, Дорохин засветил каганец, прилёг, стал читать газеты, и заснул. Выдалось несколько тихих часов — никто не звонил из батальона и штаба полка, не тормошили связные... Проснулся он поздно ночью. Глянул на часы, покурил. Вышел из блиндажа, посмотрел туда, где в темноте чуть поблёскивало на изгибе чистое плёсо Миуса. Не видно и не слышно было ничего. Оставив в своём блиндаже за себя командира первого взвода, Дорохин вылез из окопа, пошёл лугом к речке.

— Хорошо работаете, — сказал он старшине, столкнувшись с ним нос к носу у берега. — К нам в окопы ничего не слышно.

В речке бесшумно возились дед, Головенко и

один боец. Другой боец подавал им камни с берега.

— Ну, что там? — спросил Дорохин, подойдя к воде.

— Н-ничего, — дрожащим шопотом ответил старик. — Самое глубокое место вымостили... Т-теперь легче п-пойдёт... П-после такого купанья бы п-по сто грамм, а то п-пропадёшь...

Головенко исчез вдруг под водой, но тотчас же вынырнул, забарахтался.

— Тш-ш!.. Что ты? Хватай за руку!

— Яма, чорт!..

— Т-тонуть будешь — всё одно не шуми! Н-нельзя!..

Головенко выбрался на берег, голый, стал прыгать — одна нога по колено на деревяжке, — размахивать руками, согреваясь.

— Заколел!..

— С н-непривычки, — отозвался Харитон Акимыч. — Н-не рыбак... А я, б-бывало, чуть лёд сойдёт, в-верши ставлю...

— Хорошо стоит, товарищ лейтенант. Не дюже засосало. Если с места сорвём — пойдёт!..

В стороне ещё кто-то маячил. Дорохин пригнулся, увидел на фоне звёздного неба женскую фигуру, подошёл.

— Это кто? Дуня? Зачем вы здесь?

— Я на лошадях приехала, за ездового.

— Где же ваша повозка?

— В хуторе. Товарищ старшина забраковал — скрипит, стучит. Носилками носят камень.

— Я им ещё четырёх бойцов дал, товарищ лейтенант, — сказал старшина.

— Не нужна повозка? И вам тут делать нечего... Ну, какого чорта стоите? — чуть не в полный голос выругался Дорохин. — Думаете, мы такими уж бесчувственными стали на войне, что нам и девушку в братской могиле похоронить — ничего не стоит?..

Дуня отошла.

— Погодите. Я вас проведу через окопы. Ну,

работайте, — обернулся к старшине, — да скорее кончайте. В ноль пятнадцать всех лишних — назад в окопы! Тягачи я встречу в хуторе сам, укажу им проход...

Старшина, сняв пилотку, скребя затылок, долго глядел в ту сторону, где скрылись в темноте Дорохин и Дуня.

— Товарищ лейтенант! А, может, я пойду тягачи встречать? — сказал он негромко, сделав несколько шагов вслед им. Но Дорохин уже не мог его услышать.

От луговой сырости, от молодой травы, от раннего апрельского первоцветья воздух был душный, пряный, хмельной. В камышах у берегов Миуса крякали дикие утки. Испуганно попискивали встревоженные выдрой кулички. На плёсе била щука. В хуторе, в садах, заливались соловьи.

... Лошади были привязаны вожжами к сломанному сухому дереву на улице. Снарядом срезало начисто верхушку, остался только ствол, голый, без сучьев. Уставшие за день работы в борозде лошади, понурившись, дремали. То у той, то у другой вдруг подкашивалась нога в коленке и морда чуть не касалась губами земли. В хуторе было тихо, безлюдно. Во дворах чернели развалины хат. Кое-где среди развалин торчали, как памятники на кладбище, чудом уцелевшие дымоходы на печах. Сады цвели.

Дорохин с трудом распутал вожжи.

— Каким-то бабьим узлом завязано...

— Да это им тут не стоялось без меня, рвались, запутали.

— Куда им рваться!.. Ну, поедешь домой?

Подсадил девушку в повозку. Кинул ей конец вожжей, зашёл наперёд, поправил уздечки, выдернул у одной лошади из чолки репей. Держась за грядку, пошёл рядом. Лошади шли шагом.

За хутором, на развилке двух дорог, — одна дорога была широкая, накатанная, по ней ночами подвозили боеприпасы и продукты на передовую,

другая узенькая, просёлочная, — Дуня придержала лошадей.

— Мне домой — направо. Вот по этой дорожке — в балку. Домой... Когда мы теперь наш хутор заново отстроим?.. Харитон Акимыч говорил: у вас на Кубани нет ни матери, ни жены. Вам же всё равно. Приезжайте после войны к нам жить, товарищ лейтенант!..

— У меня на Кубани — невеста...

— Невеста?.. — Шевельнула вожжами, лошади пошли. — Ждёт вас?..

— Не знаю... Писем не получал... Этот конь, серый, сейчас захромал или это у него давно?

— Раненый был в ногу. Зажило, а хромает. Теперь так и останется.

Дорохин на ходу свернул папиросу, закурил.

— Куда ж это вы решили меня проводить? До самой каменоломни?

— Вон до того белого куста.

— То — слива, дичка. Кто-то семячко уронил, выросла. Цветёт одна, при дороге... А я мечтала: вот бы хорошо, если б вы у нас остались! Вы нас от немцев освободили, вам тут и жить! Мы бы вас уважали, дом хороший вам построили бы!..

— Наше солдатское дело такое, Дуня, — далеко наперёд нельзя загадывать. Не знаем, что с нами завтра будет, кто из нас до конца войны доживёт...

— А приехали бы?..

— Вот что дома — не знаю. Не пишут мне... Нет, всё равно не приеду. Там — старые друзья, кто-нибудь же вернётся... Колхоз наш...

У белой, в цвету, будто обсыпанной снегом, сливы-дички Дуня остановила лошадей.

— Киньте цыгарку!

Дорохин в две глубокие затяжки докурил папиросу, кинул.

Взяв вожжи в правую руку, Дуня склонилась через грядку, сильно, до боли, обняла левой рукой Дорохина за шею, жарко поцеловала в губы... Дорохин чуть не задохнулся не выпущенным из лёг-

ких дымом... Засмеялась, хотела сразу — по лошадям и удрать. Но не тут-то было. Обшлаг рукава кофточки зацепился на плече Дорохина за пряжку ремня планшетки.

— Ой!.. — смущённо, тихо вскрикнула Дуня.

Пришлось ещё склониться к нему, чтобы отцепить рукав. И ещё раз поцеловала его...

— Кубань — далёко! Не обидится ваша невеста. Не увидит!..

Дернула вожжами, свистнула. Лошади тронули шагом.

— На моих рысаках не ускачешь!..

Опять засмеялась, хлестнула кнутом. Рослые, худые одры раскачались, побежали крупной верблюжьей рысью. Повозка загремела по каменистому дну балки...

Дорохин покрутил головой, пробормотал ошалело: «Ну и ну!», поднял с земли пилотку и не успевший погаснуть окурок, жадно, обжигая пальцы, затянулся. Стоял на дороге, пока светлое пятнышко дуниной кофточки не исчезло в темноте. Повторил, улыбаясь: «Ну и ну!», побрёл назад в хутор, оглядываясь и прислушиваясь к цокоту колёс в балке...

... Когда тягачи подошли к берегу Миуса — уже гудело по всему фронту. Немецкие батареи били беглым огнём. Вспышки орудийных выстрелов по ту сторону луга за бугром полыхали, как зарницы. Немцы били пока что не по хутору Южному, а вправо, по селу Тёплому,— видимо, там почудилось им наибольшее скопление «танков».

Дорохин, посвечивая фонариком, указывал дорогу.

— Держи за мною!

Отвёл один тягач подальше от берега, вторую и третью машины развернул в затылок первой.

— Это ж кого мы будем на хозяйство становить? — спросил один водитель тягача. — Кто здесь старший?

— Вот председатель колхоза, — указал Дорохин на Харитона Акимыча.

Старик был уже на берегу, оделся. В воде возился один Головенко.

— Этот дед?.. Магарыч будет, председатель?

— Понимаешь, товарищ, какое положение — «гастроном» ещё не открыли у нас в хуторе. Со дня на день ожидаем — доштукатурят потолки, люстры повесят, прилавки покрасят, навезут коньяку, шампанского...

— Я не про сегодня спрашиваю. После войны приедем — угостишь?

— Об чём вопрос! Пир горой закатим!..

Водители сцепили машины кусками стального плетёного троса.

— Как там — пройдёт вдвое? — спросил Дорохин Головенко.

— Пройдёт... Давайте конец, — отозвался замерзающий в реке голый тракторист.

— Держи!..

— Пробуем, что ли, товарищ лейтенант? — спросил, усаживаясь на место, водитель головной машины. — Нам тут долго нельзя маячить. Приказано курсировать туда-сюда.

— Пробуйте. Бородач, завязал?

Головенко пускал пузыри, нырял.

— Ух, глубоко!.. Киньте мне болт с гайкой, тут — петля, на болт возьму...

— Я вылез, товарищ лейтенант, — сказал Харитон Акимыч. — Невтерпёж! Ему всё же не так холодно, у него одна нога деревянная.

— Эй, браток, довольно тебе нырять! Трогаем? А?..

— Всё... Готово!

Харитон Акимыч перекрестился.

— Господи благослови!

— А ты, дед, оказывается, религиозный, — сказал Дорохин.

— Какое религиозный! Десять лет не говел. Так, в крайнем случае прибегаю...

Моторы взревели. Уже нельзя было разговаривать обыкновенным голосом, нужно было кричать.

— Кузьма! — закричал Харитон Акимыч. — Греби прочь! Трактор вытащим — тракториста задавим!..

Видно, всё же крепко засосало речным илом за полтора года «утопленника» — три гусеничных восьмидесятисильных тягача буксовали на месте, трос натянулся, как струна, а груз в воде не поддавался.

— Стой! — закричал Дорохин. — Так не пойдёт. Не дружно берёте. Давайте по сигналу, на фонарик, разом! Смотрите все сюда. Зелёный цвет — «Приготовились!», красный — «Взяли!».

Двести сорок лошадиных сил рванули разом. Что-то тронулось, забурлило в воде.

— Идёт! Давай, давай!..

Моторы ревели на полном газу. Тягачи забуксовали... Лопнул трос... В хуторе, в садах, разорвался первый снаряд, пущенный немцами в эту сторону.

— Перелёт... Ныряй, Кузьма! — сказал Дорохин. — Вчетверо пройдёт?

— Пройдёт, — содрогаясь всем телом, полез в воду Головенко. — Надо было сразу вчетверо...

Второй, третий снаряды легли на лугу, но в стороне, влево, метрах в двухстах.

— Вслепую бьёт, наугад, — сказал старшина. — Не видит нас.

Бух!.. Снаряд упал в реку, разорвался, взметнул большой столб воды и грязи. Головенко нырнул, долго не показывался на поверхность.

— Эй, дядя! — закричал ему один водитель. — Ты не ныряй, когда в воду снаряд падёт. Оглушат тебя, как сома!

— Не обращай внимания, Кузьма! — крикнул Дорохин. — Это они воду подогревают, чтоб тебе теплее было. Крепи получше!.. Всё? По местам!.. Приготовились!.. — Переключил глазок фонарика на красный цвет. — Взяли!..

... Любил Дорохин машины. На его глазах в

станицах дивно преображалась жизнь хлеборобов, взявших в свои руки штурвалы тракторов и комбайнов. Старикам казалось чудом: в десять—двенадцать дней управляемся с уборкой! Куда же девалась «страда»? Первому трактору, с которым открыл он свой счёт тысячам вспаханных гектаров, он дал даже имя: «Орлик». Любил он его нежно, как живое существо. Бывало, — в первое лето, после большого дня работы на взмёте тяжёлой целины, если мотор не капризничал, не пугал его, малоопытного ещё механика, всякими неожиданными «причинами», перебоями, за целый день ни разу даже не «чихнул», если трактор весело, мощно преодолевал все коварные сырые лощинки, водомоины, не буксуя, прося лишь газу, как добрый конь повода, — ему вечером, когда он пригонял своего «Орлика» к табору на заправку, хотелось погладить, обнять благодарно разгорячённое, натруженное тело машины...

Из взбаламученной, чёрной, чуть поблёскивающей рябью при вспышках ракет воды, показались сначала труба воздухоочистителя, потом радиатор и топливный бак, облепленные водорослями.

— Идёт, идёт!..

Трактор выполз на берег — весь в тине и водорослях, какое-то чудо морское.

— Вытащили голубчика! — закричал Харитон Акимыч. — Кормильца нашего!..

— Вытащили!.. — прыгал на деревяжке вокруг трактора Головенко. — Я боялся — порвём что-нибудь, ось или кронштейн. Нет, не порвали!..

Дорохин шёл рядом с влекомым на буксире трактором, не обращая внимания на комья грязи, срывавшиеся с колёс, щупал его мокрые, облепленные тиной бока, обрывал с них водоросли. Такой же «сталинградец», какие были и в его бригаде, одного завода, близнецы. Может быть, даже одного года выпуска. Первенцы... От радости, что удалось выручить машину, сделать доброе дело людям, что этот «сталинградец» ещё послужит им, поможет разорённому дотла колхозу «Заря счастья» встать

на ноги — у него вдруг запершило в горле. Хотел что-то крикнуть подбежавшему Харитону Акимычу — сорвался голос. Молча потрепал старика по плечу...

Немецкие наблюдатели скорректировали огонь по шуму моторов. Снаряды и мины стали ложиться ближе. Одна мина, с коротким, резким, противным свистом, шлёпнулась в грязь метрах в пяти. Дорохин упал на землю, увлекая за собой старика... Мина не разорвалась.

— Всё же есть у них на заводах сознательные рабочие, — сказал поднимаясь, тряся головой, Харитон Акимыч. — Третья мина не рвётся, подсчитываю.

— Тут на лугу грунт мягкий.

Тягачи остановились. Водитель головной машины подбежал к Дорохину.

— Товарищ лейтенант! Отцепляю две машины!

— Отцепляй. Один потянет его к ним в колхоз, а вы уходите с этого места. Довольно! Раздразнили теперь их на всю ночь!

— Спасибо вам, товарищи бойцы! — кланялся, сняв шапку, Харитон Акимыч. — Спасибо, родные!..

— Магарыч за тобою, дед, не забудь! Прощай!..

На всём пространстве между рекой и окопами рвались снаряды. Слева, по лугу, к ним двигалась сплошная стена разрывов.

— Вот тут-то они нас накроют!..

Водитель оставшегося тягача спрыгнул с сиденья, распластался на земле.

Трах! Трах! Трах! Трах!..

Харитон Акимыч, завалившись на бок в какую-то яму, мелко, часто крестился.

— Ох, ты ж, твою душу, близко положил!.. (Одновременно перекрестился). Ох, ты ж, твою так! Ещё ближе!.. (Перекрестился).

Трах! Трах!..

Как ни скучно было лежать в эту минуту на открытом месте, пряча голову от осколков за болотными кочками, Дорохин не выдержал, расхохотался:

— Прибегаешь, дед? В крайнем случае?..

И вдруг — сразу утихло. Вероятно, немцы разгадали уже точное направление танковой атаки. Здесь — утихло, зато справа, за селом Тёплым, загремело сильнее. Била и наша артиллерия, куда-то вглубь, по тылам. Застучали пулемёты, автоматы.

— Товарищи! Не могу итти! — закричал где-то сзади Головенко.

— Тракториста ранило! — поднялся дед. — Кузьма, где ты?

Старшина подвёл под руку прыгающего на одной ноге Головенко.

— Деревяжку отбило...

— Подсадите его на тягач,— сказал Дорохин.— По живому не зацепило? Лезь! Указывай дорогу водителю.

... В хуторе Дорохин попрощался с Харитоном Акимычем.

— Ну, не будешь больше приставать к нам? Паши, сей, не поминай лихом!

— Какое — лихом! Товарищ лейтенант! Что бы я тут, председатель, делал без тягла?.. А теперь — пойдём жить!.. Мы вам тут на этой площади памятник поставим!..

— Вы ещё разберитесь, что за трактор, как он там перезимовал в речке. Может, всё поржавело.

— Сверху поржавело — оботрём. А внутри — его же маслом смазывали... А Дуня, товарищ лейтенант, девка хорошая!.. Приезжай к нам! В председатели тебя выберем. Передам тебе дела, из полы в полу, — знаешь, как в старое время лошадей продавали?..

— До свиданья, Акимыч! Трактор получил? Получил. Ну — вали домой!.. И не мешай нам воевать!..

Вскоре их дивизию сменили, отвели в тыл, километров за восемьдесят от передовой, в резерв. Там они стояли два месяца, ремонтировались, принимали и обучали пополнение и на Миус уже не вернулись — дивизия влилась в состав другой армии.

Участвовать в июльском большом наступлении Дорохину довелось уже на другом фронте.

И как бывает у солдат — часто вспоминался ему хутор Южный, мечталось ещё заглянуть туда после войны, встретиться с знакомыми, полюбившимися людьми, посмотреть, как расцветает жизнь на месте бывших развалин и окопов, найти свой блиндаж где-то в саду между яблонями, посидеть на обвалившемся, заросшем бурьяном бруствере, выкурить махорочную цыгарку, подумать под песни девушек, обрывающих красные яблоки в корзины, о прошлых боевых днях... Но много было потом ещё хуторов и сёл по пути на запад, и каждый освобождённый им клочок земли стал Алексею родным. А когда окончилась война — ему уж было не до того, чтоб объезжать все те места, что проходил он со своими бойцами. Надо было и самому начинать работать, восстанавливать разрушенное войною народное хозяйство, запахивать вчерашние окопы.

1952 г.

ДЕНЬ ТРАКТОРИСТА

В одном районе решили провести «День тракториста».

Кто первый подал эту мысль — неизвестно. Вероятно, однажды, после заседания бюро райкома, на котором поругали какого-нибудь недальновидного, мужиковатого председателя колхоза за плохое отношение к механизаторам, кому-то из районных руководителей пришло в голову: провести бы в районе «День тракториста», чтоб возвеличить фигуру сельского механизатора в глазах общественности. Есть «День железнодорожника», «День авиации», а трактористов ведь тоже немало в стране, и делают они немало для государства.

Выбрали для праздника одно из воскресений в конце июня — почти свободное от тракторных работ время, междупарье. Задумано всё было здóрово. Место облюбовали на берегу реки, на лугу у дубовой рощи. Трактористы — народ степной, привыкший к голубому небу и жаркому солнцу над головой, им приятнее было провести свой праздник на вольном воздухе. Выстроили на лугу нечто вроде театральных подмостков — для президиума собрания и выступления художественной самодеятельности. Сюда же выехали буфеты и ларьки пищеторга. Пригласительные билеты на праздник разослали не только трактористам, комбайнерам, механикам, но и их жёнам. Приглашены были председатели колхозов и бригадиры полеводческих бригад.

Но — первый блин комом. Дальше пошло не сов-

сем так, как было задумано. Помешал и дождь, как зарядил с ночи — до двенадцати дня не прояснилось, пришлось перейти в районный «Дом культуры», где в четырёх стенах, перевидавших много заседаний и конференций, собрание пошло слишком официально; немного оробели и сами организаторы праздника — не попадёт ли им за какой-то самовольный, неузаконенный «День тракториста»? — и в своих речах стали называть праздник просто районным слётом механизаторов; да и много было речей, и длинны были они слишком для такого необычного собрания-гулянья.

Но все же трактористы и комбайнеры вынесли из конференц-зала «Дома культуры», где даже потолок вспотел от духоты, главное: что сегодня их день, что ради них играл оркестр, для них выступали артисты, пел детский хор, танцевали девушки-ученицы, что, в числе многих почётных профессий, их профессия и они сами — не в поле обсевок.

И самое интересное, как часто бывает в таких случаях, началось уже после «официальной части», благо время для этого ещё оставалось. Пока длилось собрание и выступали артисты, дождь перестал. Подул ветерок, быстро просохло. Разошлись из «Дома культуры» в шесть часов, по летнему ещё день. Машины, на которых приехали из колхозов трактористы, ждали их за мостом через Сейм, на поляне у дубовой рощи. Там же, накрыв свои товары клеёнками, терпеливо ждали их продавщицы из ларьков и буфетов пищеторга... Задымили костры, где-то заиграл баян, запели «Калинушку»...

* * *

— Где же мы расположимся?

— Да вот под машиной сухое местечко, дождь не промочил. Михаил! Отгони машину дальше, а мы тут постелим брезент.

— Ну, братцы, кажись дела у нас в районе так поворачиваются, что ежели которого из нас жинка бросила — вернётся, в ногах будет валяться: «Ми-

ленький, дорогой, прости, забудь, что говорила: керосином от тебя воняет».

— Это ж почему?

— А потому, что на нас теперь особое внимание обращено. Нам — почёт и уважение. Сказано: первые люди в деревне — мы, механизаторы.

— Да-а... А читали в газетах, что на Кубани делается?

— Что?

— Там сейчас проводится эта самая, как её...

— Комплексная?

— Вот, вот — комплексная механизация.

— Это ж как понимать — комплексная?

— Полностью механизируются все работы в сельском хозяйстве. Чтоб не получалось так: убираем хлеб комбайнами, а потом колхозницы вручную веялки крутят, ящиками зерно на машины грузят. Где-то поспешаем, а где-то ещё адамова техника осталась, она-то и тормозит всё дело.

— Стало быть — сортировки от привода, транспортёры? Чтоб и рука человеческая до зерна не касалась?

— Именно так. И в животноводстве всё механизируют: подачу кормов, воды, стрижку шерсти. Стога мечут машинами, солому скирдуют машинами.

— Я прошлой осенью видел в Чижевской эмтээс на испытании трёхрядный свеклокомбайн. Вот, машинка, ребята!

— Однорядный не пошёл у нас.

— Трёхрядный, говорю. Новый, усовершенствованный. Хорошо работает! Пропусков почти нет, один человек успеет подобрать в рядках, что осталось. Колхозницы, как узнали, что конструктор приедет к ним на плантацию, натаскали ему цветов в подарок — еле увёз в «Победе». Качали его там, в поле.

— Рады были?

— А как же! От самой тяжёлой работы освободил их — от копки свёклы.

— Так-то так. От тяжёлой работы освободил... Но, выходит, и от трудодней освободил?..

— Да, да, товарищи, что ж оно получится? Если и свёклу будем комбайнами убирать — где же колхознице трудодней заработать?

— Не только жёны будут прощения у нас просить за старые обиды. Все колхозницы будут кланяться: «Товарищи трактористы! Дайте же и нам где-нибудь немножко заработать!»

— Конечно! Раз полная механизация, значит, и трудодни по полеводству будут все у трактористов и прицепщиков. Навоз возить? Да мы поделаем такие платформы, зацепишь трактором — сразу двадцать тонн! Наваливать, разбрасывать — опять же машины приспособим. Прошлым летом уже и солому с жнивья стягивали тракторными волокушами.

— А колхозникам, которые в полеводческих бригадах, останется только воду да горючее подвозить нам на волах, по очереди.

Из шуточной завязки разговора возникают большие житейские вопросы.

— А что, ребята, — говорит бригадир. — К тому идёт. Я бы на месте нашего правления уже сейчас призадумался: на каких других работах в хозяйстве занять людей? Это верно, годика через три механизаторы заберут все трудодни по полеводству, как пить дать! Но машины ведь не для того, чтобы всем колхозникам, кроме нас, делать было нечего. Ту силу, что высвободится, надо чем-то другим занять.

— Чем же ты её займешь?

— Вот об этом и надо подумать... Есть такие отрасли, где без ручного труда никак не обойтись. Сад, например. Трактором не полезешь на дерево яблоки рвать, это ручная работа. Да ещё какая ручная! Если зимние сорта, для долгого хранения, так и потрясти дерево нельзя, каждое яблочко надо осторожно снять с ветки и в ящик со стружками уложить. Сколько у нас в «Завете» запланировано на осень садов посадить, кто помнит?

— Пять гектаров, что ли.

— Мало!.. Сто гектаров надо сажать!

— Ну, это ты загнул, Иван Трофимыч. У нас и земли столько свободной не найдётся.

— Не найдётся? Все пустыри, лога, крутизны надо фруктовыми деревьями засадить! Пойдём, Никита, по колхозу и я тебе не сто, а двести гектаров такой земли найду!

— Ну, разве что — пустыри...

— И ухода за молодым садом совсем немного требуется. Самая горячая работа в саду — сбор фруктов. А она начнётся не сегодня, лет через шесть-семь. В аккурат к тому времени техника в полеводстве так шагнёт вперед...

— ...что и Никита уже будет своим трактором из вагончика по радио управлять.

— Зачем — из вагончика? Прямо из дому, с кровати. Гляну в телевизор — подходит трактор к краю загона, нажму кнопку — трактор повернёт обратно, и я — на другой бок. Поставлю только будильник над ухом, чтоб звонил каждые полчаса.

— На сто гектаров знаешь, Иван Трофимыч, сколько саженцев нужно? Десять тысяч штук. Рубля по три за дерево — на тридцать тысяч рублей.

— Свой питомник надо заложить. Через два года будут саженцы. А специалист в колхозе есть — наш горючевоз, Назар Матвеич. Он же садовник.

— Назар Матвеич? Может! Видели, какой у него садок на усадьбе? Окулировать, глазком там или в прищеп — это он умеет. Подучить его ещё, может, маленько на курсах.

— Нет, верно, ребята, придёт время, и не за горами уж оно, полеводческим бригадам нечего будет делать на поле. Или, точнее сказать, где работало сто человек, там десять управятся. А тем, которых сократили, только и останется — подсобные отрасли развивать. Какое хозяйство можно построить! Есть и виноград такого сорта, что будет расти в нашей местности. Кто бы отказался получить на трудодни такой бочёночек вина, как у нас с автолом стоит? Ягодники можно разбить. Гектаров пять клубники под хороший урожай — скирда денег! Огородов побольше, овощей всяких. Животноводства раза в два

против нынешнего увеличить. Есть же колхозы, где по тридцать рублей чистоганом, кроме всего прочего, дают на трудодень. Это там, где руководители далеко вперёд глядели!.. Давайте, товарищи, как будет общее собрание в колхозе, поставим этот вопрос от имени трактористов. Пусть-ка правление пересмотрит свои планы по подсобным отраслям. Мизерные у нас планы. Смелее можно замахивать! Одно дело — использовать машину, выжать из техники всё до дна — это наше дело, механизаторов, мы за это отвечаем. А другое дело — уметь использовать и ту выгоду, что даёт машина в сельском хозяйстве. Машина тебе руки развязывает в полеводстве? Так сажай этими руками сады, строй новые фермы, плотины, пруды, разводи в прудах рыбу...

К увлекшемуся бригадиру неслышно подошли сзади от реки два тракториста, мокрые по шею, с бреднем и мешком, высыпали из мешка через плечо бригадира на траву десятка два крупных живых трепещущих карпов, карасей, линей. Рыбаков и их добычу приветствовали радостными возгласами.

— Вот такой рыбки развести бы у нас в колхозе, да, Иван Трофимыч? — сказал один из подошедших.

— Рыбка-то хороша, но это что ж выходит, друзья, — вы и на собрании не были?

— Нет, товарищ бригадир, на собрании мы сидели до конца, все речи прослушали, а как начался концерт, пошли с Петром потянуть бреденёк. Мы с ним ещё из дому наметили — наловить рыбки на ушицу.

— Если б такая речка, Иван Трофимыч, да в нашем колхозе «Заветы Ленина», да возле речки стать вагоном — каждый день кормили бы с Семёном рыбой бригаду!

— Ну, что ж... Ножи есть? Давайте чистить. Вот в этой цыбарке сварим. Сушняку надо бы ещё для костра.

— Иван Трофимыч! А может, пока уха сварится — пропустим по одной, под огурчики? Рыбакам надо после купанья согреться... Ребята! У кого хороший глазомер?

— У Никиты. Лучше его никто не отобьёт загонку по прямолинейности.

— Разливай, Никита Харитоныч. Смотри, не ошибись. Посуда видишь какая неравномерная... Как в аптеке! Ну — за наш праздник, за «День тракториста»! И за тех товарищей, кто его выдумал!..

— Я, товарищи, так соображаю насчёт механизации, — начал, крякнув, после небольшой паузы один тракторист, всё время молчавший. — С нас директор эмтээс и правление колхоза спрашивают выработку, качество? Спрашивают. Законно спрашивают, так и должно быть. И мы можем спросить правление колхоза: куда деваете нашу механизацию?

— Как? Что говоришь? А куда ж они её денут? Механизацию в карман не спрячешь.

— А так! Скажем, в прошлом году механизация была на семьдесят процентов, а нынче — на восемьдесят. Куда девали эти десять процентов? Сделали что-нибудь полезное для хозяйства? Или — на распыл пошло? Волы паслись, люди на базаре торговали?

— Правильно, Митя! Долго молчал, а дело надумал! Именно так и нужно спросить их, хозяев: куда деваете нашу механизацию?

Хохот, аплодисменты...

* * *

Одна бригада приехала на праздник в полном составе, с кухаркой, горючевозом, водовозом, со своими продуктами, посудой для варки пищи, и даже столами и скамейками, прихваченными с полевого стана. Расположились они возле автомашины, привезшей их, как в своём колхозе в степи у походного вагона — воткнули в землю две железные рогулины, подрыли под ними ямку для котла, кухарка уселась, поджав ноги, на траву и стала чистить картошку. Разница была лишь в том, что трактористы приоделись и присутствовали их жёны, кото-

рых на полевом стане обычно в таком сборе не увидишь. Но не все жёны присутствовали. По этому поводу было немало шуток, зубоскальства.

— Степан! Почему твоя Маринка не приехала на «День тракториста»?

— Нездорова...

— Перепугалась, может, когда ей пригласительный билет принесли? «Марине Кондратьевне Пересухиной. Райком и райсовет приглашают вас...»

— А чего ж ей пугаться?

— Да кто его знает, зачем приглашают жён трактористов? То ли по сто грамм поднесут, то ли постыдят принародно за то, что плохо работают в колхозе?

— Да, девчата, нынче вам обошлось, но в будущем году, сказал секретарь райкома, обязательно упомянет в докладе тех жён механизаторов, что заделались начальницами, в колхозной работе не участвуют, на мужнины трудодни надеются.

Женщины протестуют. Завязывается горячий спор — кто виноват в том, что жёны механизаторов мало участвуют в колхозной работе, не сами ли мужья? Кто запретил Маринке ходить на свёклу? Сам Степан. Прокормлю, мол, тебя с детишками своими трудоднями, мне в доме нужна помощница, а не в поле, чтоб уют мне создавала, когда приду на день отдохнуть.

— А что ж, и запретил, — оправдывается Степан. — Разве ж это жизнь? Прибежишь с поля — Маринки нету дома, где-то аж за Бугровыми хуторами свёклу шаруют, там и ночевать остаются, на бригадном стане. Маринка отпросится домой — я на работе. У нас с нею получалось, как у тех деда с бабкой: дедушка на печь — бабушка до бражки, бабушка на печь — дедушка по дрова.

— А ты возьми её в прицепщицы — вот и будете неразлучны днём и ночью.

— В прицепщицы?.. Да нет, это тоже не годится... Чтоб целый день за твоей спиной глаз с тебя не спускала?..

Когда усаживались за столы, один из трактори-

стов этой бригады, рослый, плечистый красивый парень лет тридцати трёх, скрылся в кусты с узлом подмышкой, переоделся там и появился вдруг перед всеми в костюме официанта московского ресторана первого класса: чёрная тройка, атласные лацканы, галстук бабочкой, с белоснежной салфеткой на руке. Его встретили громким смехом.

— Чего это ты таким фертом вырядился, Серёга?

— Товарищ официант! Пол-литра столичной и два солёных огурца.

— Вспомнил старое.

— Какое старое?

— Так он же был официантом.

Сергей, — видимо, хороший актёр, комик, — без тени улыбки, с серьёзным деловитым лицом обратился к кухарке.

— Лукерья Фёдоровна! Как у вас? Готово? Что будем подавать? Квисо куриное сюпрем с рисом? Соус тертер? Яйцо мирабо? Эскалоп из телятины?

— Погоди, — давясь смехом, ответила кухарка. — Мясо ещё не доварилось.

— Придётся подождать, товарищи, минут двадцать.

Сергей ушёл за машину, где на ящиках и досках было устроено нечто вроде буфета (заведывала им жена бригадира), принёс на подносе, держа его одной рукой выше головы, тарелки с хлебом, ложки, вилки, стаканы, лихо, со звоном, ничего не разбив и не опрокинув, опустил поднос на стол, стал раскладывать приборы. Все зачарованно глядели на него.

— Да ты что, брат, в самом деле официантом был?

— Два года.

— Когда?

— После демобилизации. До сорок седьмого года.

— Вот диво! А до войны чем занимался?

— Тем же, чем и сейчас занимаюсь. Работал трактористом в Знаменской МТС, Ростовской области.

— Значит, тракторист — издавна? А чего ж тебя занесло не в свою борозду?

— Так, бывает...

И пока у кухарки допревало в котле над костром «квисо куриное сюпрем с рисом», Сергей рассказал, — не все, видимо, ещё знали эту историю, — как его занесло «не в свою борозду» и как его вынесло...

— В сорок четвёртом году получил я на фронте письмо из колхоза — умерла моя мать. Больше никого родных у меня там нет. Брат погиб под Сталинградом. Подворье наше спалили немцы... Отслужил родине до полной победы, демобилизовался в немецком городе Швибусе, выправил документы, а куда ехать? Подвернулся приятель, тоже из демобилизованных, Виктор Дракин, старшина. «Поедем, — говорит, — со мною в Саратов. Если ты к технике привержен, так в городе же её больше, на завод поступишь или на курсы шофёров, будешь какого-нибудь начальника возить, это дело чище, чем в тракторе ковыряться». Подумал, подумал — поехал с ним в Саратов.

На шофёрские курсы не было в том месяце набора. На завод не спешили — это от нас не уйдёт. Отдохнули, погуляли, пока деньги были. Потом поехали путешествовать: «Почём в Киеве синька?» — «А в Тбилиси в мухоморах не нуждаются?» Месяца три этим занимались. И познакомились в поезде с одним начальником по общественному питанию. Угостили его абхазскими персиками, имеретинским вином. Понравились мы ему. Предложил нам ехать в Москву, дал адрес, пообещал устроить официантами в хороший ресторан.

Дракин сразу загорелся: «Это дело! Всю жизнь мечтал о такой работёнке!» А он, этот Дракин, кем только ни был до войны: и шофёром, и фотографом, и парикмахером, и артистом. Я посомневался было насчёт квартиры. «О чём, — говорит, — горюешь, гвардеец! Мало ли в Москве вдов молодых с квартирами?» Ну — в Москву так в Москву. Поехали. Разыскали по адресу этого нашего приятеля в тре-

сте общественного питания — дал нам направление в ресторан «Арктика»...

— Трудно было привыкать?

— Как сказать... Названия блюд трудно было запомнить. Поначалу эскалопы с эскарпами путал. Кричу на кухню: «Два эскарпа из телятины!» Повара смеются — что за кушанье?

— Эскарп — это противотанковый ров.

— Ну да. А бегать между столиками с подносом — это я быстро освоил. Я — конник. Джигитовку делал. Бутылку на голове на полном галопе удерживал. Нас ведь не сразу допустили к работе, обучили сначала на курсах. Как с посетителями обращаться: ежели, например, сидит парочка, то надо даме первой подать прибор, ей же надо и меню показать — выбирайте. А за расчётом подходить к кавалеру. Лекции читали нам про калории, витамины. Опять же — как вежливо пьяного вывести. Учили нас кое-чему и старые официанты. Вот, к примеру, как произнести такие слова: «У вас, гражданин, графинчик уже опустел? Можно убрать?» Надо так жалостно сказать это слово «опустел», чтоб он ещё два графина заказал. Дракин этот всякие советы мне давал: «Если видишь, что кавалер подвыпил и форсит перед дамой — приписывай смело к счёту десятку-две, не будет проверять, посовестится». И прочее такое. Но я, сказать по правде, этим не занимался. Наоборот. Заметишь — подсел к столику командировочный, может, директор эмтээс приехал в Москву в министерство отчитываться, скучный сидит, устал. Подходишь и говоришь ему: «Сто грамм, гражданин, поднесу, а больше, пожалуй, не нужно, как бы под троллейбус не угодили, у нас тут на площади сильное движение». И закуску предлагаешь, какая поплотнее и подешевле. По своему карману рассчитываешь, как если бы сам приехал в Москву с честной зарплатой. Верно говорю, не обманывал, не обсчитывал. На чай брал, что было, то было...

— И как же ты после «Арктики» в Курской области очутился?

— Климата не выдержал?

— Не выдержал... Подвели меня растратчики одни. Разная ведь публика ходит в рестораны. Большая неприятность вышла из-за них... Повадилась одна компания за мой столик садиться каждую ночь. Облюбовали укромный уголок за пальмой. По пятьсот-семьсот рублей пропивают втроём за ночь и подойдёшь к ним — только и слышишь: «взял», «дал», «подкинул», «выписал с базы». Жулики какие-то при торговом деле.

Хотя нас и учили на курсах, что официантам не полагается вмешиваться в разговоры за столиками, но я как-то не вытерпел. Заказали они рябчиков жареных, того-сего, напитков всяких и, между прочим, ананасов — компот у нас был консервированный из ананасов. Принёс я это всё и говорю: «У вас, — говорю, — получается как по-писаному. Не про вас ли это товарищ Маяковский выразился: ешь ананасы, рябчики жуй?..» — «О, — говорят, — наш официант, оказывается, Маяковского читает!» И начали меня гонять: «Перемените приборы! Вилки селёдкой воняют». — «А почему соль мокрая?» — «Вино не той марки принесли! Мы заказывали портвейн 117!» Обидно мне стало: «Подай, перемени!» Ну, что ж, сам видел, какую выбирал профессию. И для того ли я четыре года воевал, три раза раненый был, чтоб такая нечисть опять плодилась на нашей земле?.. Пошёл в буфет, хлопнул с досады двести грамм. Зовёт меня один из этой банды: «Эй, орёл, поди сюда!» Подошёл. «Закажи нам три порции блуждающих почек». Я раскрыл карточку, ищу, другой говорит: «В меню не ищи, это очень редкое блюдо, по особому заказу. Иди к шеф-повару». Я понял — разыгрывают. Нагнулся к ним, говорю тихо: «Если желаете попробовать этого редкого блюда, гады этакие, растратчики, вот закроем ресторан, сдам выручку, чтоб мне не при служебных обязанностях быть, выйдем на улицу и я вам там, без шеф-повара, в одну минуту всем троим сделаю почки блуждающими».

Тут они, конечно, крик подняли, директора вызвали: «Ваш официант грозит нас побить!» Стал я

с ними рассчитываться, они меня под шумок накрыли на двести рублей — бутылки из-под шампанского спрятали под стол, я и не включил его в счёт, так что пришёл в ту ночь домой совсем пустой, даже буфетчику задолжал. После этого случая меня в том ресторане посетители стали бояться, пальцем показывали: «Вот тот официант, что супником на пьяных замахнулся». А я вовсе и не замахивался. И хотя тех жуликов вскорости посадили — приходил к нам следователь за справкой: часто ли кутили они у нас? — всё же мне за них влетело. Строгий выговор объявил директор в приказе... Потом получилось у меня там разногласие с метрдотелем. Метрдотель — это старший над официантами, наш бригадир.

— Какое разногласие?

— По вопросу международной политики... В наш ресторан часто заходили иностранцы. Может, и хорошие люди, а может, и дрянь какая-нибудь, шпионы, клеветники. Если хорошие люди, тем паче нужно с ними держаться просто, по-человечески. А метрдотель такие установки нам давал: садится за стол иностранец — бросай всё, беги обслуживай его, пусть другие посетители ждут хоть час. Не пустили как-то в зал нашего парня, фронтовика — одет не по форме, в гимнастёрке и сапогах, а надо, мол, брюки на выпуск и китель. А иностранцы поснимают пиджаки, сидят в подтяжках при дамах, чуть не вовсе растелешатся — и не смей сделать им замечание. Вот я по этому вопросу и выступил на производственном совещании. Говорю: «Может, эти туристы дальше нашего ресторана никуда не поедут, ни на заводах, ни в колхозах не побывают, всё их знакомство с советскими людьми — через нас, официантов. И поэтому нам с ними нужно держаться вежливо, но без лакейства, чтоб не судили они по нас плохо обо всех наших людях». Выступил с чистой душой, как бывало в тракторной бригаде давал всякие рацпредложения. А начальству не понравилось моё выступление. Метрдотель этот стал ко мне придираться — мало выручки у меня, план не выполняю. Буфетчик взъел-

ся за то, что уличил его как-то в недоливе. В общем, вижу, какая-то ерунда вокруг меня получается. Другим официантам на кухне без очереди заказы отпускают, а я по полчаса жду у окошечка. Думаю — худо мне тут будет. Не ко двору пришёлся. Взял расчёт...

Сунулся на завод — что ж, специальности нет. Вижу — на улице укатывают асфальт катками, машина — тот же трактор. Пошёл в контору: «Не нужны вам трактористы?» — «Нет, — говорят, — набрали уже сполна. В деревне, вероятно, больше спросу на вашего брата...» Но Зося меня предупредила: если поступишь на чёрную работу и будешь приходить домой в мазуте — ищи себе другую квартиру.

— Какая Зося?

— Хозяйка квартиры. Я ей все чаевые отдавал... На гитаре она хорошо играла. Наденет голубой халатик, как запоёт «Рябину» — душу вынимает!..

— Добро, что твоя Уля здесь не присутствует. При ней не стал бы всего говорить.

— Уля знает. Рассказывал ей... Пошатался я недели две без работы, потом этот наш приятель из треста дал мне ещё раз направление в хороший ресторан. Ресторан — при гостинице. И там я встретил одну землячку, старуху...

Проходила в Москве сессия Верховного Совета. Часть депутатов разместили в нашей гостинице. Живут наверху в номерах, обедать и ужинать спускаются к нам в ресторан. Смотрю — села за мой столик женщина в простой одежде, в платочке, по виду — работница с фабрики или колхозница. С депутатским значком. Читает меню. Подошёл к ней: «Чего вам подать?» Выбрала она что-то из порционных. «Можно, — говорю, — сделаем. Но чуток подождать придётся, минут пятнадцать». Донское словечко сорвалось. Она поглядела на меня. «А ты, парень, не с Дону?» — «С Дону», — говорю... — «Ну, иди, заказывай, подожду».

Принёс обед, расставляю тарелки. — «Тебе, — спрашивает,— сынок, дюже некогда?» — «А что?» — «Да вот кабы ты мне вечером чаю принёс туда, в

комнату, шестьсот четырнадцатый номер. Боюсь в лифте спускаться, как пойдёт вниз — душа от тела отрывается». — «Это можно», — говорю. — «Нездорова я, — говорит, — сегодня, не пойду вечером в театр, попью горячего и лягу спать». Поговорили мы немного, спросила она меня — из какой я станицы? Про себя рассказала — кто, откуда. Колхозница, звеньевая.

Стучусь к ней вечером с чаем, а она в номере мебель переставляет по-своему. «Чего ж вы, — говорю, — горничную не позвали?» — «Да они уж утром тут прибирали. Ничего, я дома, как занедужаю, начинаю стирать, либо хату белить — разомнёшься, выпьешь на ночь стопочку, оно и полегчает». Стал я чашки с подноса снимать. «Ох, — говорит, — земляк, непривычна я, чтоб мне такие казаки на стол собирали. Садись на диван, я сама подам что нужно. Повечеряешь со мной?» Достала из чемодана бутылку терновки, рыбца донского вяленого, сала домашнего. Неудобно отказываться. Сел. Стала она меня расспрашивать — где я был в военные годы, на передовой ли воевал или трофеи собирал, до какого чина дослужился, какие награды имею? Дотошная старуха. Глаза чёрные, как паслён, и голова чёрная, ни одного седого волоса, а лет — за шестьдесят. Маленькая, худенькая. У меня мать была такая маленькая, чернявая...

Доложил я ей про свою службу. Чин небольшой, старший сержант, был командиром орудия, награды имею. Гвардеец, говорю. Похвалился!.. «Гвардеец! — говорит. — С твоими ли вязами чаи тут разносить? Не гвардеец ты, — говорит, — а дезертир! На кого колхоз свой покинул?» — «Мамаша, — говорю, — в столицу захотелось. В Москве ведь не грех пожить». — «А при какой такой важной должности состоишь ты здесь, в столице, что она без тебя не обойдётся?»... Что ей ответить? Сам об этом уже двадцать раз думал... Я Москвы, по правде сказать, и не видел. В два часа ночи закрываем ресторан, кто не доел, не допил — постоишь возле него ещё полчаса, пока отчитаешься, то-сё, доберёшься до-

мой — утро. Соседи на работу идут, а я спать ложусь. Где-то заводы, строительства всякие, люди другие — ничего этого я не видел... «А как же, — говорю, — мамаша, будет при коммунизме? Не всем же в поле работать? Будут люди обедать в ресторанах, значит кто-то должен и подавать им». — «Не знаю, — говорит, — сынок, как оно будет, как оно всё устроится, но думаю, что такого безобразия не допустят, чтоб слабосильные девчата тракторы крутили, а такие бугаи, как ты, вазочки с мороженым носили. Страшно смотреть, как ты берёшь их своими ручищами — вот раздавишь! Кто больше сможет, тот больше и сделает — так, по-моему, будет... При коммунизме! Какое слово сказал. Много ли ты сейчас для коммунизма делаешь, что берёшься о нём рассуждать?..»

И стала мне рассказывать, как разорили фашисты их колхоз и как там люди за три послевоенных года восстановили всё, что было до войны; как в первую весну после немцев они одним «универсалом» и коровьими упряжками засеяли семьдесят процентов довоенной площади; как детишки-подростки две нормы на коровах пахали; как бабы косами косили по полгектара в день. О других рассказывает, о себе — ничего. Но мне-то ясно: раз её выбрали депутатом, значит, она там больше всех потрудилась... Поглядел я на её руки, маленькие, чёрные, с лета ещё загар не сошёл, и на свои руки глянул — белые, с маникюром. И как представил я себе — до чего трудно было нашим женщинам в войну, сколько работы они своими слабыми руками переделали, и сейчас ещё как им трудно — таким я сам себе распоследним сукиным сыном показался...

Спрашивает она меня: «Может, ты инвалид?» — «Нет, — говорю, — ранения имею, но здоровье не потерял». Начала она меня опять костить. «Молодой, здоровый, живое дело в руках — тебе ли здесь околачиваться?» Говорю: «Мамаша! Мне уже и самому это всё надоело, как сухой ячмень беззубой кобыле». Пожаловался ей, как иной раз обидно бывает за то, что мало уважения к себе от посетителей

видим. «Сами виноваты! — говорит. — Зачем берёте на чай, себя унижаете? Вот при коммунизме официанты в милицию будут тянуть таких, кто сунет им на чай!» — «При коммунизме, — говорю, — может и милиции не будет». — «Ну, доживём до него — увидим, как будет. А пока что — строить его нужно».

Рассказал ей про своё сиротство, но и тут она меня пристыдила. «Ты, — говорит, — матери лишился, пока воевал, а я вот, мать, осталась — три похоронных на сыновей получила. И живу, с людьми... Что ж тебе колхоз, где ты вырос и столько лет работал — чужой?»

Вот такую землячку встретил... Ещё раза два вечером заходил к ней. Кончилась сессия — уехала она домой. Я её проводил на вокзал, передал привет тихому Дону... И с того времени совсем потерял я покой. Из ресторана этого меня вскорости уволили. Ну, тут уж сам был виноват — несколько раз являлся на работу в нетрезвом виде. Пошёл подавать по кафе-закусочным, пивным. А время — к весне. Жил я в Сокольниках. Идёшь на рассвете через парк домой — почка набухает на дереве, землёю прелой пахнет, город спит, тишина, днём бы не услышал, а в этот час слышишь всё — и как ручейки где-то в балочках в парке журчат, и гуси пролетят высоко-высоко, спешат с юга в родные края — слышишь... Сны начали меня одолевать. Всё вижу: вагончик полевой при дороге, костёр, дымок, ребят наших, и погибших, и живых, и трактор свой, «сэтэзэ», колёсник, мотор номер 35587. Есть такие номера, которых во всю жизнь не забудешь. Был я в комсомоле — до сих пор помню номер билета, помню номер боевой винтовки, и номер трактора, на котором начал работать...

Однажды ночью, не заходя домой, прямо с работы пошёл на вокзал, взял билет и поехал. На билет до Ростова нехватило денег, взял до Курска. Вышел из вагона, поглядел вокруг — тоже родная земля. Я же здесь воевал на Курской дуге... Продал на базаре в Курске шубу — была у меня хорошая дра-

повая шуба на меху, — купил одежонку попроще, хватило с той шубы и на сапоги, ещё осталось, сел в пригородный и приехал вот сюда, в вашу эмтэзс.

— Вашу, нашу...

— Да теперь уж — нашу. Спрашиваю: «Нужны вам трактористы?» — «Нужны!» — говорят... Ну, а дальше что ж вам о своей жизни объяснять? Сами всё знаете. И как женился, и как хатой обзаводился. С Улей мы знакомы ещё с сорок третьего года. Когда в Берёзовке на дуге оборону держали, я три месяца жил у них в хате со своими батарейцами. А не приехал сюда сразу после демобилизации, во-первых, потому, что она на мои письма не отвечала, а, во-вторых, этот Дракин подвернулся: «Поедем, найдем работёнку почище!».

— Так бы и говорил. Не только то, стало быть, потянуло тебя сюда, что на Курской дуге воевал.

— Поехал Серёга за дугой, а нашёл тут и хомут.

— Затянули парню супонь! Довольно выбрыкивать!

— Уля — затянет!..

— А почему ж она на твои письма не отвечала?

— Ну, это уж, товарищи, наше личное дело...

— Не потому ли, что ты и Зиночке Михайловой писал, соседке?

— Вот они, небось, поделились друг с дружкой радостью да обе и не стали тебе отвечать.

Сергей вздохнул, встал, перекинул салфетку на руку.

— Были, товарищи, ошибки в жизни, признаю... Ну, что ж — приступим? Лукерья Фёдоровна! Готово у вас? Что прикажете подавать на первое? Есть консомэ с пашотом, есть рассольник рыбный с фрикадельками, есть суп-харчо. Не надо первого? Сразу второе? Рагу из баранины? Есть, подаю. Водочку сами разольёте или поухаживать?

* * *

Пылает костёр на крутом берегу реки, разгоняет огнём и дымом комаров. В гостях у трактористов — председатель колхоза Семён Мокеич Туголуков. Се-

мён Мокеич по-честному хотел принять участие в складчине, совал не раз деньги бригадиру тракторного отряда — его вклад категорически отвергли.

— Сегодня, Мокеич, мы тебя поим-кормим. Но тебе перед нами и ответ держать!

— Это как сказать. Кому — перед кем! — отвечал твёрдо Семён Мокеич.

— Нет, Мокеич, сегодня наш день. Как восьмого марта, в женский день, мужчина обязан женщине подчиниться, так сегодня — наше первое слово.

— Почему вы, Семён Мокеич, не выступили на собрании, не рассказали, как живёте с нами, трактористами, как нам помогаете?

— Я вам, ребята, уже говорил: на прошлой неделе вставил новые зубы, ещё не обработалось во рту, не могу выступать.

— Язык зацепляется за зубы?

— Не выговорите слово — механизация?

— Вместо механизация получится махинизация?

— А что! Так оно у вас подчас и выходит — махинизация. Жалко, что нет здесь вашего директора, я б ему так и высказал! Чёрные пары, нужно и не нужно, культивируете по пять раз, эта работёнка вам нравится, тут не трудно нагнать гектары, в переводе на мягкую пахоту. А доходит дело до зяби — у вас уже и планы перевыполнены, и горючее израсходовано, лимитов нет. Это что — не махинация? Гремит эмтээс на всю область — передовая! Самая высокая выработка на трактор! Очковтирательство, а не выработка!

— Это не от нас исходит, Мокеич. У директора свои расчёты, он за перевыполнение премии получает. А мы — простые люди. Ты с нами поговори.

— Простые! А вам за что трудодни пишут? Не за выработку? У вас тоже — своя прогрессивка. Если нам правительство приказывает сочетать технику с живым тяглом, так нужно делать это с умом. Пары прокультивировать — это мы сможем и на лошадях, не поспешайте поперёд батька в пекло! Вы нам зябь пашите, вот! Это — потруднее. Под свёклу пашите, на тридцать сантиметров, у нас для та-

кой пахоты и конных плугов нет. Доколе это безобразие будет продолжаться? Каждый год половина площади остаётся под весновспашку!

— Мокеич! Есть и наша вина, не отрицаем, но вам же сказали уже: сегодня наш день.

— А если ваш день, так что — богу молиться на вас?

— Молиться на нас не нужно, а всё-таки объясни ты, Семён Мокеич, почему так получается: в других колхозах питание трактористов обошлось за лето по триста-четыреста рублей с носу, а нам насчитали за прошлый год почти по тысяче?

— Чем вы нас таким особенным кормили? Куриными котлетами, что ли?

— Такая же картошка, такой же борщ.

— Кабы такой! Как вам не стыдно было предлагать нам по восемь рублей мясо той коровы, что сгорела, когда молния в стадо ударила? Трактористы отказались — дорого, вывезли на базар, по четыре просили — никто не берёт. Ну — вези назад. Переварили то мясо, перемешали с отходами — скормили курчатам на птицеферме. В «Крокодил» надо писать про такую вашу доброту!

— Приедет какой-нибудь начальник из района — тому выписываете продукты «по себестоимости». А трактористам — втридорога.

— По средне-рыночным ценам. По закону.

— Какие ж средне-рыночные, если на базаре по четыре рубля не берут то мясо, что нам по восемь считаете.

— Нашли на ком наживаться — на трактористах!

— Нехорошо получается, Семён Мокеич! В передовом колхозе «Красное знамя» трактористы отказались от общественного питания! Не по карману. Как единоличники, с узелками в поле ходим. Вам же, правлению, неприлично.

— Будете хорошо работать — буду лучше кормить.

— Вон что! А, может, давайте жребий метнём —

с чего начинать? Лучше покормите — лучше поработаем.

— Питание в поле и вагон — это основное для тракторной бригады, Семён Мокеич! Без этого и бригада — не бригада. Как я могу с них дисциплину требовать, если, скажем, прошёл ливень и ребятам негде обсушиться, бегут домой ночевать, за десять километров?

— Есть у вас вагон, чего голову морочите!

— То не вагон — собачья будка.

— Нет, не собачья — куриная. Это нам отдали походный курятник, в котором колхоз когда-то кур вывозил в поле на черепашку.

— Трём человекам только в ней лечь.

— А прицепщикам куда деваться? Тоже — живые люди.

— Осень придёт, холода, дожди — за целые сутки душу негде отогреть!

— Не видали вы, что ли, хороших вагонов, что эту конуру на колёсах называете вагоном? Поезжайте в «Красный Октябрь», посмотрите: на пятнадцать человек вагон, тумбочки, матрацы. Двойные стены, утеплённые, печка железная для осенних холодов, радиоприёмник, библиотечка. Вот то забота о своих трактористах!

— Давай, Мокеич, сегодня, в наш торжественный день, так договоримся. Мы признаём: плохо работали. Был и брак на пахоте, и не укладывались в сроки, и с этими самыми мягкими гектарами хитрили, нечего греха таить. Обещаем, что свои ошибки ликвидируем. Но и вам, правлению колхоза, нужно перестроиться в корне!

— Если вам ещё и матрацы, и радио, так меня колхозники живьём съедят! И так нареканий не оберёшься: всё трактористам да трактористам, помешались вы на своих трактористах!

— Кто же может такое сказать: помешались на трактористах? Только самые несознательные элементы. И ты, Мокеич, за ними в хвосте плетёшься. Не к лицу культурному председателю! А сознательные колхозники понимают, что на нас всё полеводство

держится. И знают, что работёнка у нас не лёгкая. Кого не увидишь никогда с женою вечером в клубе? Тракториста с женою не увидишь. Потому, что он всё лето в поле живёт. А легла зима — он надел опять свою промасленную робу и пошёл в эмтээс на ремонт, до весны.

— Семён Мокеич! Вы, может, тоже такого мнения, что трактористы — склочники и горлопаны? Из-за всякого, мол, пустяка скандал подымают. Так нас само дело заставляет скандалить! У нас в руках — дорогая техника. Если вы нам выделили для обслуживания самых последних кляч и воду или горючее не подвозят во-время — получаются простои. А что значит простой у тракториста? Когда он спит под кустиком, а машина стоит, не он один спит — с ним тридцать лошадиных сил спят!

— А то и все восемьдесят, если дизель простаивает!

— Отношение у нас в колхозе к трактористам — прямо, как при старом режиме!

— Сказал! При старом режиме трактористов не было.

— За такое отношение ещё в тридцать третьем году политотделы председателям холку намыливали!

— Да вы что, ребята, в самом деле? Зачем пригласили меня до своего коша? Выпить-закусить или чтоб поругаться?

— И за тем, и за другим, товарищ председатель.

— А когда ж с вами в другое время по душам поговорить? На стан к нам приедете — трактористы в борозде, работают, один-двое лишь на ремонте стоят. В одиночку с вами несподручно ругаться. А тут мы все в сборе.

— Гуртом и батька́ легче бить!..

* * *

Парень с двумя орденами Славы и несколькими медалями на защитного цвета кителе прилёг спиною к дереву, смотрит в пламенеющее на западе небо, где только что скрылось солнце за горизонтом, тихо наигрывает на баяне. Вокруг него на траве в

разнообразных позах, сидя и лёжа, расположилась вся бригада... И у другого тракториста — медали, ордена, и у третьего — медали, нашивки за ранения... Негромкая песня, вполголоса: «Эх, дороги, пыль да туман»...

— А ещё был у нас на Крымском фронте такой случай, в сорок втором году, — начинает рассказывать баянист, положив баян на землю и закуривая. — Один «КВ» подорвался на мине. Пехота отошла, залегла, атака не удалась, и этот «КВ» остался в нейтральной полосе. Семь суток просидел экипаж в танке, на морозе, пятнадцать градусов был мороз, всё ждали, когда наши попытаются опять отбить высотку, чтоб поддержать огнём с места. Немцы не стреляли по этому танку, хотели, должно быть, его целеньким захватить, — гусеницу только разорвало, — а наши думали, что экипаж погиб. И вдруг на восьмые сутки, когда пехота пошла опять в атаку — ожил «КВ»! Как сыпанул по немцам из пулемёта, из пушки! Взяли высоту!.. Семь суток — в броне, в железе, на морозе. Вытащили ребят из машины, а они ходить не могут, ноги распухли у всех, как колоды. Сразу отправили их в медсанбат, оттуда в госпиталь, не знаю, пришлось ли им ещё воевать или ампутировали им ноги... Все пятеро были — трактористы.

— Из трактористов хорошие выходили солдаты, — говорит другой фронтовик с медалью «За оборону Сталинграда» и орденом Красного Знамени. — Это было здорово у нас придумано! Сколько деревенской молодёжи обучили управлять машинами! Что ж, парень знает технику, он что хочешь быстро освоит, и танк и миномёт, и пушку. А к лагерной жизни нам не привыкать...

— Наступали мы в Донбассе, в Ворошиловградской области, летом сорок третьего года, — начинает рассказывать третий. — Я был в танковом десанте, командовал отделением автоматчиков. Танки и мы, пехота, расположились перед вечером в посадке у дороги. Кто спит, кто оружие чистит, кто бреется. На этом месте ждать нам боевого приказа из шта-

ба бригады. Слышим — тракторишко где-то близко за бугром жужжит, и тут только мы обратили внимание — поле-то за посадкой вспахано, уже травой заросло, майский пар. А расстояние от передовой — всего километров десять. Показался трактор на бугре, «ХТЗ», колёсный, к нам спускается, тянет культиваторы, дымит, дребезжит, за рулём девушка лет шестнадцати, вся в мазуте, копоти, зубы только блестят. Остановила машину, соскочила с сиденья,— культиваторы разладились в сцепе, — что-то бьёт молотком, ключом поддевает, силится разогнуть. Подошли мы к ней, и танкисты и я со своими бойцами, стали ей помогать. А она — сердится на нас. «Чего вас сюда принесло? Не могли другого места выбрать? Вон в балке роща, там бы лучше замаскировали свои коробочки. Увидит «рама», засечёт, прилетят, начнут бомбить, исковыряют мне всё поле. Мы ж с напарницей ночью без фар работаем, ещё сверзишься в воронку с трактором!» Коробочки, говорит! А сама со своим хэтэзиком рядом с танками, как козявка против слона. «Не сердись, — говорим, — рыжая, мы гости — ненадолго. К утру и след простынет». Я говорю: «Посиди, отдохни, а я разочка два обойду загон». — «А вы, — спрашивает, — понимаете по трактору?» — «Немножко, — говорю, — понимаю». — «На моём не поедете, дюже много у него секретов, всё на бечёвочках да на проволочках держится. Этому трактору в субботу — сто лет. Сама карбюратор собрала из утильсырья. Коробка скоростей такая, что едешь и души нет — вот сейчас рассыпется!» — «А чего ж вы, — говорю, — так запустили пар? Сорняки на семена разводите? Его пора уже третий раз культивировать». — «Пар запустили! Вот ещё мне — инспектора по качеству! Вы бы спросили, как мы его пахали? Пропашешь борозду, а им, гадам подслеповатым, сверху показывается — войска окопы роют. Как засыпят бомбами! А сколько у нас тракторов-то? Эмтээс этой весною только начала работать. До войны две тракторные бригады обслуживали наш колхоз, а теперь — два трактора!» Починили мы ей тяги: «Поезжай, да не

круто заворачивай на углах, оглядывайся». — «Вот спасибо вам!» Подобрела. «А свечечек у вас нету лишних? — спрашивает танкистов. — Дали бы мне парочку». Надавали ей танкисты свечей фрицевских, трофейных. «Вот спасибочко!.. А автолу мне немножко не отольёте?» — «Автолу, милая, — говорят, — не можем дать, самим нужен. В бой идём, полагается иметь запас, про всякий случай. А вот свет тебе на машине оборудуем. Почему, говоришь, ночью без света работаете?» — «Маскировка. Да, сказать, и лампочек нету, ничего нету». — «Ну вот скоро фронт подвинется дальше, будешь светить без опаски». Взялись ребята, сделали проводку, установили ей на машине две фары, одну на радиаторе, вперёд, другую назад, на плуг. Уж она благодарила, благодарила!.. А по дороге, смотрим, пылит мотоциклист, везёт нам приказ из штаба бригады. Стемнело — передвинулись на исходные позиции. На рассвете пошли в бой... Как-то уже в Венгрии попалась мне газета «Правда Украины». Про это самое село писали, про этот район — название села мне запомнилось. Одна трактористка в первый год после освобождения вспахала на старом «ХТЗ» около тысячи гектаров. Наградили её орденом Ленина. Та ли девушка, что сердилась на нас — не знаю. Не спросили мы тогда, как её звать...

Парень с двумя орденами Славы берёт снова баян, пробует басы, начинает знакомую, фронтовую. Трактористы, и фронтовики, и молодёжь, ещё не служившая в армии, подхватывают с середины песни: «Тает снег в Ростове, тает в Таганроге, эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать...» Песня крепнет, ширится, голоса у ребят свежие, сильные, слышно их песню, вероятно, далеко в окрестности... Да, слышно. По ту сторону реки, за лугом, в селе откликаются девичьи голоса — поют ту же песню.

* *
*

Поздно вечером секретарь райкома партии подводил у себя в кабинете с товарищами, принимав-

шими участие в проведении «Дня тракториста», итоги — удался ли праздник?

— В другой раз сделаем немножко иначе. Сама жизнь нам кое-что подсказывает. Эти споры, здоровые взаимные претензии, что разгорелись уже после нашей официальной части, надо обострить, подогреть. Пусть поспорят трактористы с председателями колхозов, полеводческими бригадирами, побранят друг друга — ничего страшного, на пользу делу пойдёт!.. Вот ещё, что я думаю. Обяжем всех председателей колхозов вывезти на праздник вагоны, в которых живут их трактористы. Устроим на этом лугу нечто вроде выставки. Каждая тракторная бригада станет на своём месте, со своим вагоном — прямо, как живут они в поле. Пусть любуются люди хорошими, тёплыми радиофицированными вагонами, пусть смеются над курятниками. Верно? Может быть, даже таблички на каждом вагоне: во сколько обходится в этом колхозе трактористам питание в день, чем их кормят.

— Но не всё с колхозов требовать, — подал голос кто-то. — Надо и трактористов покритиковать. И их работу надо показать на выставке.

— Обязательно! — продолжал секретарь. — Я же не договорил. На стоянке каждой бригады сделать стенд. Диаграммы: выработка, простои, расход горючего. Но выработка ещё не самое главное — какой урожай дала эта бригада колхозу? Экспонаты, образцы урожая за прошлый год. Прямо выставить снопы пшеницы, ячменя, овса. Где-то будут вот такие снопы, рукой до колоса не достать, а где-то и поменьше. Пусть люди смотрят, сравнивают, критикуют.

— Это будет очень хорошо, если так сделаем, — сказал председатель райисполкома. — Только вот ещё что — речей бы поменьше. Знаешь, сколько ты сегодня говорил? Почти два часа. Утомительно. Народ, не привыкший к заседаниям, духота, разморило их в помещении, спят. Надо бы как-то короче, праздничнее.

— Да, доклад я построил неудачно, не учёл осо-

бенностей собрания. Нужно короче и торжественнее, согласен. А директорам МТС просто нужно огласить свои приказы к этому дню: итоги соревнования, премирование лучших механизаторов. Больше надо оставить времени для самодеятельности, гулянья... Артистов, может быть, не только своих организуем. В Москву напишем. Из Большого театра, может, пришлют к нам бригаду на «День тракториста». Лиха беда — начало. А, в общем, ничего, товарищи! Удался праздник. Но в другой раз сделаем лучше!

1952 г.

БЕЗ РОДУ, БЕЗ ПЛЕМЕНИ

Этих людей можно встретить на железнодорожных станциях, на речных пристанях, на перекрёстках всякого рода путей сообщения.

— Куда едете, гражданин?

— В Белоречку пробираюсь. В станицу Белореченскую.

— Откуда?

— Из Саратовской области.

— Зачем приехали на Кубань?

— В колхоз вступать... Недород, милый, хлебушка мало получили.

Спросишь другого, заказывающего билеты в обратном направлении.

— А вы куда?

— На родину, в Курск. Домой.

— Не понравилось здесь?

— Нет.

— Почему?

— Да что ж — от чего убегал, от того как раз и не убёг. Сказывали — Кубань такой край, где никогда неурожая не бывает, а оно и здесь то ж случилось... В колхозе был я тут в одном. Вспахали, посеяли, всё благополучно, росло хорошо, откуда ни возьмись, черепашка эта самая, начала подъедать, повредила посевы. По одному килограмму на трудодень дали — разве ж это хлеб?.. А у нас нынче, в нашем колхозе, пишут мне, урожай сильный на всё. И на зерно, и на овощи. По пять килограммов получают. Вот какая история...

— Значит — обратно?

— Обратно...

Из дальнейшего разговора выясняется, что это у него уже не первый рейс сюда-туда. Он бывал на юге и в других местах, бывал на Дону, на Украине, оттуда тоже возвращался в Курскую область, теперь вот приехал на Кубань, но опять — неудачно.

Таких непоседливых искателей жирного трудодня называют в станицах — «колхозники до первого градобоя». Сами они именуют себя обычно переселенцами, хотя их кочевье по стране ничего не имеет общего с тем переселением, которое поощряется у нас и необходимо для полного освоения наших природных богатств. Едут они, не считаясь ни с какими государственными планами переселения, по своему маршруту, и не задерживаются долго на одном месте. Есть люди, сделавшие переезды с места на место, из колхоза в колхоз, своего рода профессией, доходной и не особенно трудной, если не считать дорожных неудобств. Есть побуждаемые к «эмиграции» с родины причинами иного порядка.

Вот несколько типов таких «переселенцев»-перебежчиков, встречавшихся мне на Кубани.

I

...Вокзал станции Армавир. Время — ранняя весна, на улицах под заборами лежит клочьями снег, грязный, мокрый, дует сырой ветер, холодно, а в вокзале — духота от большого скопления пассажиров.

В углу зала ожидания расположилась семья: муж, жена, четверо детей. Едут, видимо, издалека, с севера. На нём меховая куртка, сапоги из оленьей шкуры, расшитые по голенищам узорами. У детей и жены — сибирские валенки-чёсанки, каких не умеют делать на юге, мягкие и плотные, не пропускающие воду. Расположились они по-домашнему. Жена, чернобровая высокая женщина с жёлтым усталым лицом, принесла выстиранные на перроне под краном детские пелёнки, развесила их сушить на батареях парового отопления. Старшие девочки, привязав пустой мешок одним концом за трубу отоп-

ления, другим за ручку поставленного стоймя тяжёлого чемодана, сделали из него подвесную люльку, укачивают истомившегося в вокзальной духоте маленького ребёнка. Мальчик лет трёх возит по полу между узлами и чемоданами привязанную за нитку коробку из-под папирос.

Я беседую с главой семьи. Глава — молодой человек, ему, похоже, нет и тридцати, жена старше его. Молодой, но бывалый, а ещё больше — хочет показать себя бывалым. Это сквозит в его развязных манерах, в напускной солидности жиденького баска, когда он подзывает носильщика и говорит: «Слушай, носильщик, четыре билета на сорок первый, плацкартные. Заплачу не по таксе. Не можешь?.. Ну и Армавир преподобный! Семь тысяч километров проехал — такой станции не видал! Не хотят даже разговаривать с людьми! Безобразие!». На руке у него маленькие дамские часики. Он то и дело отворачивает рукав меховой куртки и поглядывает на них, хотя против нас на стене висят большие круглые вокзальные часы, да и спешить ему некуда, так как сорок первый отправляется в пять вечера, а сейчас ещё утро.

Он словоохотлив; рассказывает, что едет из Сибири, работал там «по колхозам», мастер на все руки — столяр, плотник, бондарь, колёсник, уехал оттуда потому, что не понравился климат. Кроме того, я узнаю, что меховую куртку свою он купил в Забайкалье за золотые рубли (колхоз их занимался в свободное время золотодобычей, выделяя для этого специальную бригаду), унты ему продал перед отъездом знакомый бурят, и в багаже у него едет ещё много всякого добра, нажитого там.

Наружность его невзрачна. Ростом невелик, рябоват, маленький носик пуговкой, пустые, невыразительные глаза. Говор у него южный — «нехай», «аж». Не приходится долго гадать, откуда он родом, он сам говорит: «Думал было заехать на родину, да плохо сейчас с пересадками. Крюку надо давать, а потом ещё автомашиной ехать — за Сальском на Маныче, хутор Дубовский».

Беседуем о том, о сём. Я не спешу признаваться, что я сотрудник газеты, но приходится к месту сказать, что я тоже бывал и в Сибири, и на Маныче, и на Дону, и на Волге, и здесь всю Кубань объездил. Мой дорожный, видавший виды овчинный полушубок, и осведомлённость в географии СССР располагают ко мне парня. Он принимает меня за коллегу по образу жизни.

— А сейчас откуда едешь? — спрашивает он.

— Из Ейского района.

— Это Ейск, что на Азовском море? Слыхал... Ну, как там? Не устроился?

— Нет, — отвечаю, — не устроился.

— А как там вообще?

— Насчёт чего?

— Насчёт колхозов, урожая.

— Не плохо.

Рассказываю ему, что видел в Ейском районе, какие там колхозы, доходность.

— А так, чтобы чего-нибудь особенно выдающегося — нету?

— Ну здесь в Краснодарском крае есть колхозы и покрепче... А вы сейчас прямо из Сибири?

— Нет, я уже и тут кой-куда заглядывал. В М-ской был, — называет он станицу на Туапсинской ветке. — Сегодня ночью оттуда.

— Ну, что там? — спрашиваю в тон ему.

— Да тоже ничего такого подходящего. Пять колхозов, совхоз есть... Я, собственно, чего туда заезжал. Наши дубовские люди живут там в одном колхозе, я из Сибири прописал им, что хочу переехать на Кубань, вот они, значит, и отбили мне телеграмму: езжай к нам в М-скую. Зря только время потерял. Надо было ехать прямо куда наметил, не заворачивать.

— Что — не понравилось там?

— Чепуха, — махнул он рукой. — На людей нельзя доверяться, пока сам не посмотришь. Кто новины не видал, тот и ветоши рад... Самое большее — шесть килограммов, — всех культур, не одной пшеницы, — и деньгами три рубля. А то — пять кило,

четыре. Обыкновенные колхозы, среднего качества. И там, где шесть, то было в прошлом году, а теперь навряд, чтоб удержались они на этой точке... А она, понимаешь, — кивнул на жену, — злится на меня: почему не остались? Семь тысяч километров проехали, а ещё на каких-нибудь полтораста-двести — терпения не хватает. Я ей говорю: дура, ты пойми, что мы не куда-нибудь приехали, а на Кубань! Тут можно такой колхозик выбрать — закачаешься! Есть колхозы — по пять миллионов дохода имеют. Верно?

— Верно.

— Вот. Тут есть из чего выбрать. Кубань — она издавна славится. Какая нам неволя? Будто так уж обедняли, что некуда деваться.

Жена не ответила ему. Она хмуро молчала во всё время нашего разговора. Нашла себе и здесь, на вокзале, женскую работу, латала какие-то тряпки, поглядывая иногда на окна, за которыми проносились без остановки составы с цистернами.

Мне интересно было услышать от этого парня более обстоятельную характеристику м-ских колхозов — что же ему там не понравилось? Цифры распределения доходов он назвал приличные. Да и сам я бывал в М-ской не раз, знал хорошо эти колхозы. Один колхоз там, действительно, можно было отнести к числу «среднего качества», даже «ниже среднего», остальные же были зажиточные, крепкие колхозы с многосторонне развитым хозяйством. И у нас завязался профессиональный разговор, как у двух знатоков своего дела. Больше рассказывал он, я слушал.

— А ты что, может, поехать туда хочешь? Не стоит, не советую. Сказать по правде, колхозы там хорошие, но — для местного жителя, который на корню сидит, а так, чтоб подработать — негде. Нет такого колхоза, чтоб был для нас рынтабельный. Ну вот тебе, к примеру. Есть там «Волна революции», этот самый, где шесть кило на трудодень. Так по виду — ничего колхоз, урожайность у них, дисциплина, порядочек. Вот и ей, — кивнул опять на жену, — по-

нравилось там. Машинами возят колхозников в поле, для женщин с грудными детьми участок возле самой станицы, ясли хорошие. Ладно, согласен, неплохо это всё — ясли, машины. Работать там можно с удобствами. Но получать-то что будем? Я и землякам своим посоветовал: удирайте, пока не поздно. По шесть кило вы больше тут не оторвёте. А почему я так заключаю? Уж слишком ударились они в строительство. Я как узнал, что̀ они наметили строить — канал, в двадцать тысяч трудодней обойдётся, два коровника, птичник, свинарник, культурные табора, звуковое кино — э-э, думаю, тут дело не попрёт! Со мной случалось уже такое. Не со мною лично, а с одним моим корешком, Федькой Зубовым... Приехали мы с ним, понимаешь, в Казахстан, в тридцать седьмом году, в Карагандинскую область, Фёдор вступил в один колхоз, я в другой — разошлись. Фёдоров колхоз — махина, показательное хозяйство, постройки богатейшие, водопровод, автоматические поилки, электричеством коров доят. Вот это ему всё в глаза кинулось — туда подал заявление. Так его там и подоили! Дожил до отчётного года — получил от жилетки рукава. Оказывается, всё это у них ещё не оплачено было, кредиты брали на строительство, а их же и отдавать надо, покупали за хлеб лес, железо. Неделимый фонд весь доход пожрал. Ишачил, ишачил парень лето за чужие долги, с чем пришёл с тем и ушёл. А я выбрал себе другой колхоз. Небольшой колхозик и по виду небогатый. Правление помещается прямо в жилом доме, и конторы не построили, скот стоит в таких завалюхах, как раньше у единоличников были, но держат скота много, и сеют много, всю землю распахали, такая нагрузка у них на трудоспособного, как нигде, работают здо̀рово, день и ночь. Думаю себе — тут вернее дело будет. Так и получилось. Завалили амбары хлебом, два гурта скота продали, строительством не занимаются, расходов никаких — всё на трудодни пошло. По пятнадцать кило зерном получил да по семь рублей деньгами. Вывез на базар сразу двенадцать подвод муки, про-

дал на четырнадцать тысяч, да три тыщи из кассы получил — денежную часть — и поехал. Велосипед купил себе там, ружьё бельгийское за тыщу двести. И Фёдора два месяца на своём иждивении содержал, покуда устроился он на новом месте. Вот какая штука. Так что я уже знаю, чем оно пахнет, когда много строят.

Он подмигнул мне и продолжал рассказывать про м-ские колхозы.

— Ну есть там ещё колхоз «Дружба». Тоже считается — передовой. И, верно, недурной колхоз. Если бы уж, скажем, безвыходное положение — можно туда податься. Пасека у них большая, животноводство, хлеба давали по пять кило. А нынче должно больше быть — триста гектаров новины распахали. Так по виду — всё хорошо. Но руководство у них, понимаешь, опасное. Председатель парень малограмотный, недавно выдвинули из бригадиров, а бухгалтер — пьяница горький. Прямо на работе в конторе пьёт. В шкафу за делами полно бутылок порожних. И говорят про него — малый жуликоватый. Так что может этого малограмотного председателя во всякую минуту облапошить, и может, понимаешь, колхозников крепко обидеть. Почему мне об этом подумалось ? Да, видишь, и такое случалось уже со мною. В Башкирии, в тридцать пятом году. Хапнул счетовод девяносто тысяч и был таков. Впоследствии-то его поймали, да денег при нём оставалось всего пятьсот рублей. Колхоз небольшой, фонд трудодней — тысяч сорок пять. Как подсчитали мы — по два рубля с трудодня украл. У нас тогда с жинкой было пятьсот семьдесят трудодней. Я делал мебель для клуба, хода бричечные, подработал неплохо. Она дояркой работала. Считай — тыща сто сорок рублей наших ухнули. Баян можно было б купить. Я в тридцать восьмом году купил в Ташкенте — тыщу триста заплатил, а тогда они дешевле стоили. Видишь, какая история. И вот поглядел я в «Дружбе» на ихнего бухгалтера — рожа такая проспиртованная, стакан перед ним на столе, подливает из графина, пьёт вроде, как воду, и не морщится, на глаза

только слеза набегает. Думаю себе: как бы не повторилось тут опять то самое, что в Башкирии. Это мало радости — на растратчиков работать. Председатель уговаривает: «Оставайся, пиши заявление, нам плотники и колёсники позарез нужны». — «Нет, — говорю, — мне у вас не нравится тем, что не в центре, далеко бабе на базар ходить», — отбрехался в общем, ушёл... Ну, что тебе ещё рассказать? Есть там «Знамя труда», садово-огородный колхоз, семьдесят пять гектаров сада. Кто не в курсе, тот, конечно, сразу кинется — такая площадь сада, это ж капитал! А я первым делом спросил: какой был урожай в прошлом году? «В прошлом году,— говорят,— завалились фруктами, сильный урожай был». Тогда — всё. В этом году, значит, либо будет, либо нет. Сад, он не всегда родит, бывает перегуливает, одно лето родит, другое отдыхает. А «Вторая пятилетка» — четвёртый колхоз — хмелем занимается. Очень рынтабельная штука. Только он, понимаешь, хмель, не сразу начинает доход давать, года через три, а сначала — одни расходы. Пошёл туда, оказывается, они ещё только закладывают плантацию, сушилки строят, колья заготавливают. Получили пять вагонов леса, кучу денег платят за него. Неподходяще. А пятый колхоз — я уж и забыл, как его звать,— совсем маломощный, захудалый какой-то, туда никто из наших дубовских не вступал. Урожайность низкая, потери большие, немолоченная пшеница до сих пор в скирдах стоит. Народ там какой-то сонный. Из-за руководства, я думаю. Может, потому, что парторга у них нету. Спрашиваю: сколько у вас ефремовских звеньев? Никто не знает, и понятия не имеют, что это такое — ефремовские звенья. Как дикари... Вот тебе и все колхозы. Ничего особенного. Жалеть незачем. Такое мы скрозь найдём.

— Сколько времени ты прожил в М-ской? — спросил я.

— Три дня.

Оставалось только позавидовать его наблюдательности.

— Здорово ты их обследовал, — похвалил я парня. — Прямо, как инспектор земотдела.

— А что ты думаешь, — ухмыльнулся он. — Вот пошли меня в любую станицу, дай два дня сроку, скажи — представь по всем колхозам полную отчётность: кто чего стоит, куда хозяйство движется, какое там руководство — всё сделаю и будет без ошибки. Оно, понимаешь, когда много их видел, сразу бросается в глаза разница и где у кого какие порядки. В иной колхоз придёшь, как глянешь — плетни повалены, бригадные дворы разгорожены, инвентарь разбросан — ну всё, сразу можно понять, что за хозяева тут премилые.

— Это верно... Только ты напрасно всё-таки уехал из М-ской, — сказал я. — Смотри, как там удачно складывается: сад, потом хмель, потом ещё что-нибудь подвернулось бы. Надо было тебе для начала вступить в тот колхоз, где ты говорил — бухгалтер жулик. Авось, на твоё счастье он в этом году ещё не проворуется, подработал бы там, а на следующий год — в тот колхоз, где сад, как раз под урожай. Там отхватил бы деньжат, а тем временем в третьем колхозе хмель подоспеет. Так и пошло бы, как по расписанию.

Он принял это в шутку, рассмеялся и ответил тоже шуткой.

— Так что — вернуться, может? Нет, корешок, мне ещё не приходилось так, чтоб уехать и потом обратно на то же самое место вернуться. Может, когда кончу по разу, тогда уж другим заездом, ха-ха-ха!..

— Ну, и куда же ты теперь направляешься?

Парень мечтательно улыбнулся.

— Наметил я себе один колхоз. Там, — он махнул рукой, — за Краснодаром, к Чёрному морю... — Приподнявшись с чемодана, на котором сидел, он вытащил оттуда толстую книгу с тиснёной золотом надписью на зелёном переплёте: «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка», и стал её перелистывать. — В Харькове на вокзале купил. Давно, понимаешь, вижу — продаются такие книжки, а не дога-

дался раньше купить. Семь пятьдесят заплатил и не жалею. Весь Советский Союз тут, все области. Разные описания про колхозы, которые участвовали на выставке — про полеводство ихнее, про животноводство, доходность. Адреса есть... Вот. Если без брехни, что пишут про этот колхоз, тогда — всё. Вот там действительно можно подработать. Виноградники у них, рис сеют. По два литра вина давали на трудодень. Это если нам вдвоём заработать, скажем, пятьсот трудодней — тыщу литров вина получим. Слышишь, Дарья! — обернулся он к жене. — По десять рублей литр — на десять тысяч одного вина. А ещё же хлеб, рис. Вот где заживём! А ты горюешь, что уехали.

Дарья попрежнему молчала, оставаясь равнодушной к восторгам мужа.

— Если всё удачно будет, куплю себе там мотоцикл. Давно у меня мечта — мотоцикл заиметь. Так и наметил: в сороковом году, душа долой, купить. С коляской.

— А принимают там? — спросил я.

— Меня скрозь примут. На мастеров нынче кризис. Я ж и бондарь, и колёсник. И баянист, могу играть на вечерах в клубе — это тоже ценится.

... Настроение моего «корешка» упало, когда он узнал, что я сотрудник краевой газеты и разъезжаю по белу свету не в поисках «рынтабельных» колхозов. Предполагая побывать вскоре на Маныче, на его родине, я попросил его назвать свою фамилию и фамилии его земляков, перекочевавших в М-скую, чтобы, будучи там, выяснить, почему люди уезжают оттуда. Он несколько минут молчал, собираясь с мыслями, а потом заговорил, но совсем другим тоном. У него даже голос изменился, исчезли самоуверенные солидные нотки, весёлое курносое лицо стало жалким, скучным. Мне пришлось с полчаса выслушивать его объяснения — почему он никак не может прижиться на одном месте. В Казахстане у него дети стали хворать, врачи посоветовали переменить климат, в Башкирии градом выбило хлеб, на Дону были сильные засухи и т. д. Потом он вдруг

вспомнил, что какой-то человек обещал ему достать билеты на сорок первый, заторопился и, так и не сказав мне фамилию, ушёл. Невысокая фигура его, придавленная тяжёлой мохнатой меховой курткой, затерялась в толпе.

Я подсел к его жене. Женщина в отсутствие мужа оказалась разговорчивой, охотно отвечала на мои вопросы и, видимо, была рада, что нашёлся в вокзальной сутолоке человек, с которым можно было отвести душу. Она слышала всю нашу беседу.

Её взгляды на жизнь круто расходились со взглядами мужа. Вот, вкратце, что она рассказала о себе. Была она родом с Донщины, из станицы Константиновской, казачка, там и жила безвыездно всё время, пока вышла замуж за этого (она назвала мне его фамилию — Гунькин, Егор Тимофеевич). Гунькин у неё второй муж, и он женат второй раз. Времени тому, как они сошлись, уже девятый год. Она работала тогда в колхозе дояркой. Гунькин приехал в Константиновскую с Маныча — это было, когда он ещё только начинал путешествовать, — вступил в их колхоз, у него умерла жена и там он её посватал. У неё было тогда около пятисот трудодней, получила от колхоза в премию корову, хата была своя. Он поселился у неё, пожили они полгода, а потом уговорил её ехать в Башкирию. Продали хату, корову, и вот с тех пор, как сорвал её с места, так и нет им пристанища.

— Врёт он вам, что — град, то, сё, — сказала она. — Ничего не было. Просто вздумается ему, что где-то лучше — и едет.

Зарабатывали они всюду хорошо, но ей уже ничто не мило, устала от бродячей скитальческой жизни. Вот и сейчас — двенадцать суток в дороге с грудным ребёнком, и другой такой, что всё время на руках. Да и денег-то этих заработанных ей попадает мало. Муж туговат на кошелёк, больше тратит деньги на себя, а на покупки для семьи не очень расщедривается. Старшим девочкам-школьницам особенно достаётся. В прошлом году с половины зимы стали ходить в школу и вот опять, не кончился

учебный год — уехали, почти полмесяца уже в дороге и не видно, когда устроятся на месте. Сама она старше мужа на семь лет, ему тридцать три, ей сорок, а тут ещё нездоровье...

— А когда я жила в Константиновской, про меня тоже в газете писали, — сказала она, взглянув на меня. — Приезжал к нам из редакции селькор, на карточку меня снимал. Ударницей была...

И закончила свой рассказ с внезапной вспышкой злости.

— Я уж думала — бросить его, нехай сам веется, так надоело! За дурною головою и ногам нема спокою. Девочку только жалко. Девочка вот эта — его. Если разойтись — возьмет её, а я к ней привыкла, как к своей... А, может, он и от дитя своего откажется? Я ещё не говорила с ним... Бросить, уехать обратно в Константиновскую, в свой колхоз? Хату вот я продала там свою. Ну, я думаю, можно стребовать с него через суд, а? Деньги-то я ему отдала, я их и не видела. Как вы посоветуете, товарищ редактор?

Я посоветовал ей так и сделать, как она надумала: ехать в Константиновскую, а если дойдёт у них до суда, то взыскать с Гунькина не только деньги за проданную хату и корову, но и половину всех его мотоциклов, баянов и прочего нажитого совместно добра.

II

— ... Вот, стало быть, товарищ, потому и ездим мы, что есть куда поехать. Простору много. Не то, что в какой-нибудь Швейцарии или Голландии. Там, поглядеть на карту, — на одном краю позавтракать, на другом пообедать, а ужинать уж и негде, не хватает, стало быть, государства на полный дневной рацион, ха-ха-ха! А у нас, покуда от краю до краю доедешь — одной соли пуд съешь! Земля русская велика и обширна. Как в песне поётся: ши-ро-ка-а стра-на мо-я род-на-я-я!..

— Гражданин, здесь петь не разрешается, — осаживает весёлого пассажира официантка.

— Нельзя? Не буду. Не разрешается, не надо, что ж поделаешь. Ты только не серчай, дорогая.

Разговор происходит в буфете станции Кавказская. Против меня за столиком сидит, облапив кружку с пивом, мужчина лет пятидесяти, бородатый, краснолицый, в полушубке нараспашку.

— А хорошие, парень, есть места на земле! Расчудесные! Вот жил я в Омской области, Сибирь считается, на каторгу раньше ссылали туда, людей пугали Сибирью, а ничего там страшного нету. Холоднее, правда, чем, к примеру, на моей родине в Воронеже, но — терпимо. Главное дело — тихо. Если мороз градусов сорок, то уж тишина, ветка на дереве не шелохнёт. Зато природа там какая, охота! Казарки табунами ходят. Объездчиков верховых выделяли от колхоза, чтоб пужали птицу дикую, а ежели не пужать — вытолчут хлеб, как скотина, такая их сила. А рыбы! Семь озёр было на нашем участке. Усадьбы прямо к озеру выходили. И снасти не требуется, руками можно рыбу брать. Пойдёт баба огород поливать, зачерпнёт ведром воды из озера, плеснёт на капусту, а карась этакий, в пол-аршина, хвостом по земле — шлёп, шлёп... Почему уехал оттуда? Опять ты про это самое. У меня, парень, натура такая: не могу долго на одном месте жить, какое бы оно ни было распрекрасное. Кабы в рай попал, и там бы не засиделся. Интересно поглядеть, какая где жизнь, где что строится, а то и смерть придёт — ничего не видел, как крот в норе... Мне один товарищ уж говорил: «Ты, — говорит, — дядя, не советский человек, а летун». А я ему отвечаю: «Нет, гражданин-товарищ, неправильное твоё рассуждение, не летун я, а самый что ни есть радетельный хозяин». И доказал ему на факте. «Чьё, — говорю, — у нас это всё — города, реки, колхозы? Народное. Кто ему хозяева? Мы все, и я, стало быть, хозяин. Должон я своё хозяйство обсмотреть, где что делается, может, где непорядки какие?» Ха-ха-ха! Это тоже не каждый решится — такую заботу о своём хозяйстве проявить! Немалый труд — столько поездить!..

— Но есть и такие, что просто ищут — где бы с меньшей затратой сил побольше заработать.

— Правильно, и такие есть. Ну, что ж, это давно сказано: рыба ищет где глубже, человек где лучше.

— А что бы получилось, если бы все кинулись искать — где лучше?

— Да что, нехорошо получилось бы, это верно... Поехали бы все по земле в кибитках, нынче здесь, завтра там... Как один председатель цыганского колхоза рассказывал: «Вечером ложился спать — был колхоз, утром встал — нету колхоза. Куда девался? Уехал, к ядрёной бабушке!» Ха-ха-ха. Гражданочка, дорогая! Ещё кружечку. Может, у вас тут и смеяться не разрешается? Можно, только потише? Ну, хорошо. Вы уж извините, такой голос у меня.

Не поймёшь моего весёлого собеседника. Видом своим он не похож на убеждённого бродягу, бескорыстного искателя новых ощущений. Полушубок на нём добротный, из мягких романовских овчин, хорошие сапоги, сам плотен, здоров, семья есть у него, расположились здесь же, на вокзале. Я разговариваю с ним уже часа полтора. Встретились мы возле справочного бюро, где он делал остановку на билетах, заштемпелёванных множеством компостеров, там началась наша беседа, оттуда мы пошли в буфет выпить по кружке пива и вот заказываем уже по третьей, а мне всё ещё не ясно — что это за чудак?

— Нет, парень, я не из таких, что гоняются за длинными рублями. Боже упаси! Я человек трудящий. Да нынче и нельзя иначе прожить. Поездишь — поработаешь, поработаешь — поездишь. Работал и в совхозе, и на птицекомбинате — там, у нас, в Воронежской области. Но больше по колхозам. В колхозе как-то развязнее, ни гудка, ни часов, дело привычное, я же все-таки сам из хлеборобов. Только езжу я просто. Не выбираю доходность, пятое, десятое. Как Колумб Америку открывал — куда глаза глядят! Увижу картинку какую-нибудь, обёртку с конфеты либо с папирос — горы нарисованные, пальмы, море — вот, говорю жёнке, где мы ещё не были. Собирайся, поедем. На счастье!.. Раз, не по-

веришь, как случилось. На станции Основа, в Харькове, прихожу на вокзал, говорю кассиру: «Дайте билеты». — Он спрашивает: «Куда?» — «Да куда-нибудь», — говорю. Он глядит на меня. «Как это — куда-нибудь?» — «Да так». А мне в самом деле так пришлось. Доездился до ручки, местность незнакомая, и денег сорок пять рублей осталось. Дал я ему эти сорок пять рублей. «Считай, — говорю, — сам — два взрослых, два детских, куда хватит, туда и давай». Кассир было за пьяного меня принял, потом видит — человек при памяти, взял деньги, расчёл по своей таблице, дал билеты до одного разъезда. И так, понимаешь, удачно пришлось. Высадились мы на том разъезде, тут и хуторок поблизости. Пошли туда — колхоз, принимают. Неплохой колхоз оказался. По семь кил получили. Год прожили там.

Наконец-то стали добираться мы до «кил».

— Вы, гражданин, рассказываете забавные вещи, это всё интересно послушать. Но давайте обсудим серьёзно. Когда в старое время кочевали люди, это было понятно — почему.

— Не знаю, парень, я в старое время никуда дальше своего города не ездил. Не знал, что там и есть за Воронежом.

— Ну, вам, может быть, не приходилось, но вообще-то ездил народ. Нужда, безземелье, неустройство в жизни. Но сейчас — другое положение. Всюду колхозы, земли достаточно, машин много. Везде можно одинаково хорошо устроить жизнь. Зачем же искать лучшего на стороне? Что значит — хороший колхоз? Это значит — люди там крепко поработали, годами наживали хозяйство, приводили в порядок землю, строили много. А вы — на готовое...

— Наживали? А мы, парень, не наживали?

Я, видимо, затронул больное место в душе воронежского Колумба. Добродушная улыбка сбежала с его лица, мелкие густые морщинки на переносице и под глазами разошлись, я увидел его глаза — холодные, серые, трезвые.

— А я не наживал? Я двенадцать лет с отцом наживал, хребет гнул, да сам двадцать лет хозяевал.

Приедешь в город на базар — стакан чаю в столовой не выпьешь, это ж, рассчитываешь, пятак надо заплатить. Ночей не спал. Сам себя на лобогрейке к седушке привязывал, чтоб не свалиться под косу. И кому ж, спрашивается, наживал? Куда все девалось? В колхоз отдал. Забрали всё, до щепки. Так что ж, опять я должен наживать? И тогда — я, и теперь — я? Хватит с меня, нету дураков!

— Вот так бы и сказали... Долго же вы вспоминаете, что отдали в колхоз! Десять лет прошло. Должно быть, немало было кой-чего?

— Много, мало — мне хватило бы. И детям бедствовать не пришлось бы. А теперь нету ничего. Вот, как видишь, весь тут... Ты чего спрашиваешь, может, думаешь — раскулаченный я? Нет. Кабы кулак был — не приняли бы в колхоз. Хочешь, документы покажу? Не надо? Ну, не надо. Я — колхозник, с самого начала, с тридцатого года. Только мой колхоз — от того места, где восходит солнце, до того, где заходит. — На его лицо опять легла маска весёлой добродушной разухабистости. — А, впрочем, парень, об чём мы с тобой спорим? — Нажил, прожил — чорт его бери! Богачу-кулаку и с казной не спится, бедняк гол, как сокол, поёт-веселится. Было моё, стало народное, и я — народ, стало быть — хозяин. Че-ло-ве-ек про-хо-дит ка-ак хо-зя-я-и-ин!.. Дорогая! Ещё кружечку!..

III

А вот — ещё один. С этим я встретился на станции Лабинской, в предгорной части Кубани, где мы вместе ожидали за вокзалом пассажирскую автодрезину, курсировавшую по недостроенной железнодорожной ветке в горы.

Переселялся он с Украины, из Черниговщины, а ехал в одну из станиц, расположенных в верховьях Урупа.

— Пишут — гарно там. Пять автомашин имеют, электрическую станцию строят. Худобы богато, конеферма. Серебряную медаль получили на выставке

за животноводство, — говорил украинец, мешковатый угрюмый человек лет сорока. Он сидел на рельсе, сгорбив плечи, упершись локтями в колени, накручивал на палец ус. — Брат мой там, и ещё есть наши люди. С прошлого году ещё... А у нас дуже бедный колгосп, прямо гола земля, як получили от государства землю, так ничего на ней и не сделали...

Он пустился в такой далёкий путь впервые, это было видно по багажу. Под насыпью железнодорожного полотна, на молодой весенней траве навалена была куча хлама, привезённого из Черниговщины: поломанные табуретки без ножек, кадушки с прогнившими днищами, деревянное стиральное корыто, узлы с перинами, на узлах — большой фанерный ящик, в котором скреблись куры. И, кроме всего, привязанные бечёвочками за шеи к узлам, бродили взад-вперёд по траве два кота.

Жена украинца, — он звал ее Настей, — полная, круглолицая, с ясными голубыми глазами, сидела на узлах и с детским любопытством, открыв рот, осматривала всё вокруг — маленький маневровый паровозик, подталкивающий вагоны к разгрузочной площадке, станицу, начинающуюся сразу за вокзалом, степь кубанскую, снежные горы, белеющие вдали в светлой прорези туч.

— С головою у нас не лагодится, — стал рассказывать невесело украинец, когда я попросил его объяснить подробнее, почему у них «дуже бедный колгосп».

— Как — с головою?

— Ну, по вашему сказать, с председателем. Один был пьяница, другой такой, что всё поглядывал за ворота, с директора птахокомбината его разжаловали да до нас прислали. Так ему, сердешному, не хотелось у нас робить! А зáраз там такое, чорт-зна-що! Митька Захарчук. Где ни хозяйновал, отовсюду его с барабанным боем вытуряли. А теперь ещё нам его наделили. Хотели не принять — кто его знает как? Райком ручается, он, кажут, справится, будет лучше робить... Приняли, а сами зачали тикать во все стороны, бо бачим, что дела не будет...

Туда зараз доброго хозяина нужно, чтоб сумел обернуться. За десять лет ничего не нажили, ни животноводства нема, ни огорода, один хлеб и то — кило на трудодень. Чем жить?..

И продолжал:

— Сам знаю, что не годится шукать урожаю там, где не сеял, и не легко было нам с места рушать, но и дома оставаться — дело не указывает. Чего доброго дождёшься?.. Нас этот Митька Захарчук, голова наш новый, прямо сбил с панталыку, все намерились тикать свет-за-очи, бо мы ж его знаем, як облупленного, все его похождения. В «Червонному Жовтню» был — гамазею разорил. Там така махина стояла, на пятьдесят тысяч пудов, рубленная, под цинком. Сничтожил! С цинку цыбарок наделал, начал цыбарками торговать — подсобную отрасль открыл! — а лес порезал на дрова для конторы. В «Пятирычци» променял дизель с огорода, которым капусту поливали, на легковую машину. И на машине на той не поездил, бо она без колёс и без мотора, ещё на десять тысяч ремонту треба, и капуста посохла. И у нас начал такие же штуки вытворять. Перед посевной банкет устроил для колхозников, чтоб отпраздновать первую борозду. Худобы не хватает в плуги запрягать, а он зарезал на тот банкет пару волов, самых сытых да больших, такие были — за рога не достанешь. Вот тебе и хозяин! Не поправит он дело, а совсем разорит нас...

— И другого выхода нет — только покинуть колхоз?

— А что ж сделаешь?.. Он, этот Митька Захарчук, я вам скажу, родом такой. У них и батька был с придурью, и дед. Батько хату продал, чулочную машинку купил, ту, что чулки вяжет, думал гроши зароблять, без хаты остался и машинку баба на голове у него побила, бо она была такая, як митькин автомобиль. А дед Захарчук тот был трохи из плотников и як задумал богатеть, то купил водяной млын и начал приробляять до него турбину, чтоб доразу и муку молола, и карусель крутила — девчат та парубков катать за плату, — всё нырял там

у речке, всё устанавливал турбину, пока зачепился в воде мотнёю за корягу и утоп. Вся семья у них такая...

— Но если вам, против вашего желанья, навязали его в председатели, надо жаловаться. Если это районные организации сделали — надо писать в область, в Москву.

Украинец промолчал.

— Неписьменный он, — вздохнула, жалостливо поглядев на сгорбленную фигуру мужа, голубоглазая Настя, слушавшая наш разговор. — Обое мы такие. Я хоть трошки разбираю по буквам, а он — никак... — И добавила: — Ты б, Грицько, рассказал человеку, как Митька хотел верблюдов за коней выменять.

Грицько махнул рукой.

— Да тут за целый день всего не перескажешь... Говорит: «Дайте мне командировку, поеду на Волгу за верблюдами. Это такая скотина, что як добре нагодувать её раз, то две недели не ест и не пьёт. Останется у нас лишний корм, продадим сено и поделим гроши по трудодням». Насилу сбили его гуртом. Говорим: «Куда ж мы их поставим на зиму? Они в нашу конюшню не войдут». — «А мы, — говорит, — прорубаем в потолке над станками дырки, чтоб горб як раз в ту дырку проходил»... Чорт-знащо за человек! Сказать дурной — так не дурной, и умные не такие...

— А почему, если уж тронулись вы с места, не поехать вам туда, куда плановые переселенцы едут? В Сибирь или на Дальний Восток? Получили бы пособие от государства, колхоз там оказал бы вам помощь.

— Нет, — ответил, покачав головой, украинец, — туда мы не поедем. Туда ехать, то надо насовсем, а мы так не рискуем. У нас дома и хата осталась... Думка была такая: поживём тут год або два, а там может-таки скинут Митьку Захарчука да налагодится дело — поедем обратно. Десять лет работали — как его кинуть?.. У нас там и усадьба хорошая, и речка близко. Родня вся там, и моя, и её...

Простодушное детское лицо Насти затуманилось, когда речь зашла о покинутых родных местах. Она долго смотрела в ту сторону, откуда привёз их поезд, потом глянула на горы, потупилась и заморгала глазами...

Один из сидевших с нами в ожидании дрезины пассажиров сказал, глядя на их багаж:

— И котов везут... Тётка, зачем котов везёшь? Подсобное животноводство?

— Да кто его знает, что оно за место, куда мы едем, — ответила со вздохом Настя. — Мы ж сроду ещё никуда из дому не рушали. Может, там в горах мышей богато, або крыс, або... — она отвернулась и заплакала.

* * *

Чем богаче край урожаями, сельским хозяйством, как Кубань, например, тем больше скопляется там таких бродячих «колхозников», без роду, без племени, без постоянного местожительства, начинающих уже понемногу забывать, где они родились и выросли.

Принимают их в колхозы довольно охотно и без особого разбора даже там, где нет в действительности недостатка в рабочей силе. Бывает, в колхозе расшаталась трудовая дисциплина, отсюда и нехватка рабочих рук, и затруднения с полевыми работами. Но вместо того, чтобы заняться как следует укреплением дисциплины, колхоз ищет выхода в приёме новых членов. И нисколько, конечно, не поправляет этим свои дела, а только больше их расстраивает, потому, что эти новые члены — «сезонники» дезорганизуют все хозяйственные расчёты, превращают колхоз в проходной двор.

Есть ещё и такие летуны, так называемые местные, в отличие от летунов «дальнего следования». Эти перебегают из колхоза в колхоз, даже не покидая родной хаты — здесь же, в своей станице. Делают они это обычно в начале лета — когда можно уже почти безошибочно определить виды на урожай в каждом колхозе и когда ещё не поздно, в случае

перехода в другой колхоз, заработать там к концу года приличное количество трудодней. Захватила ли буря полосою землю, выдув часть посевов, повредили ли посевы наводнение, град — такой ловкач быстро ориентируется, подаёт заявление с просьбой исключить его из колхоза, определяет, где можно ожидать наилучшего урожая — в «Заре» ли, в «Победе», в «Восходе» — и вступает туда. На следующий год обстановка меняется, похоже, что с урожаем здесь будет хуже — он вступает в другой колхоз. Существующие ныне правила приёма и исключения из колхозов особых препятствий для таких перебежек не ставят.

...Есть у меня в одной кубанской станице старый знакомый колхозник Леонтий Петрович Кривошапка, тоже плотник и столяр, как манычский «сибиряк» Гунькин. Колхозник он из тех, которых с самого начала не приходилось убеждать в преимуществах общественного труда. Вступил он в колхоз не колеблясь, честно работает одиннадцатый год и ни разу никуда из станицы не уезжал. Всё, что видишь в колхозе, начиная от амбаров, коровников, конюшен и кончая беседками и арками в сквере против правления, сделано его руками. Мастер он отличный, работает чисто, со вкусом, к ремеслу своему родовому, перешедшему к нему от отца и деда, относится строго, с уважением и от других того же требует. Я, будучи научен горьким опытом, заходя к нему в мастерскую, избегаю садиться на верстак. Он этого очень не любит, сердится не на шутку и, бывает, что держит в руках, фуганок ли, киянку, тем и достаёт по спине неучтивого посетителя: «Куда прёшься? Соображаешь что-нибудь? Я на этом верстаке хлеб себе зарабатываю, а ты на него задницей садишься! Ну и народ! Не разбираются ни в чём. Пустота торичеллева!» У Леонтия Петровича слабость — ввёртывать в разговоре, к месту и не к месту, всякие непонятные слова, вычитанные им в газетах, детских учебниках и других книжках, попадающихся ему в руки.

Я бываю у него часто, всякий раз, когда приезжаю в этот колхоз. С ним интересно поговорить.

Иногда я проверяю в разговоре с ним некоторые назревающие у меня темы, рассказываю ему о подмеченных явлениях, сужу по его замечаниям, правильно ли я схватил существо вопроса. Много коечего он мне добавляет из своих наблюдений.

Разговаривал я с ним и о колхозных летунах. Мне остаётся только привести здесь его слова. Он, пожалуй, выразил то, что думают и говорят по этому поводу многие честные колхозники.

— Я так считаю — это люди, должно быть, из тех, которые поначалу громче всех кричали: «Не надо колхозов! Паньщина! На коммунистов заставляете робить!» А теперь им колхозы не мешают, приспособились. Пожили, осмотрелись — эге, брат, а это удобная штука! — при нашей простоте. Хвалился, говоришь, тот Гунькин, что примут? Всюду принимали, нигде не отказывали? Правильно, примут, у нас ещё не научились этаких ершей на чистую воду выводить. Хапуны! Есть и у нас такие. В прошлом году, в самый разгар уборки двенадцать семей снялись и уехали. Хотели было не дать им хлеба по трудодням, задержать до отчётного года — куда там! Как наделали тарараму — в райком, в райисполком, к прокурору! И вот опять не закаялись, ещё двадцать семей приняли — и воронежцы, и из Чкаловской области, и украинцы. Не знаю, что из них получится. Двое уже смылись — в Грузию уехали... Почему их много стало? Да потому, что узнали лазейку. Это ж никакого труда не составляет. То начинай его сажать, сады эти, виноградники, да жди, пока начнут родить, разводи скот, строй, а то вон, пожалуйста, всё готовое. Только и расходу — билет купить. Один поехал, попробовал, написал куму, свату, те другим подсоветовали — так один по одному это дело и развивается. Колхозы богатеют и их, трутней, возле колхозов больше летает. Помоему, это самые отъявленные людишки. Присосалась на шею народа этакая вредная протоплазма и живёт сытая, пьяная и нос в табаке... А есть, знаешь, и такие, как раньше говорили: без царя в голове. Если его не укрепить на месте — сиди, ра-

ботай, как все, не рыпайся никуда и семью не мучай, так он до веку сам своей жизни не устроит... Надо бы уже их как-то прикоротить, кончать это безобразие. Нехорошо получается. Коренному колхознику обидно, а им — прибыльно. Вот он сукин сын поехал за длинными рублями, а надо бы так: приехал он туда, а там — не принимаем летунов! В другой колхоз сунулся — и там то же самое. Везде так, строго-настрого. Погоняй-ка, парень, в те края, куда назначено переселение, обосновывайся там, работай и живи. А нет — возвращайся обратно, откуда начинал циркулировать, на старое место. Это будет справедливо. У каждого человека должен быть родной угол. Что тебя оттуда согнало? Засуха? Бери лопату, становись в ряд со всеми, копай каналы, пруды. Нынче везде колхозники занялись строительством, в пустыни даже воду проводят. Такое время замечательное, а ты блукаешь по свету, как пёс бездомный, ищешь, где жареным пахнет. Земля плохая? Ну что ж, и на это средство имеется, научились уже и удобрять, и подкармливать. Всё в наших руках. Именно в руках, а не в ногах. Это только про волков сказано, что волка ноги кормят. А человека — руки. Вот и их надо заставить руками работать. А сделать это просто — запретить нам принимать таких и всё. Ежели переселенец не по плану — не принимать! И сразу прекратится, не будут мотаться туда-сюда. Кончилось, приехали. Только чтоб — строго, везде одинаково и без нарушений — не принимать так не принимать.

С этим предложением Леонтия Петровича можно вполне согласиться, добавив лишь одно: в тех краях, где органы власти с лёгкой душой пачками «снимают с учёта» колхозников, отправляющихся «циркулировать» по стране, этим же самым органам, вместо такого нетрудного занятия, следовало бы почаще заглядывать туда, где «с головою не лагодится», как в том колхозе, откуда уехал со своей жинкой Настей и котами «неписьменный» Грицько.

1940 г.

РАЙОННЫЕ БУДНИ

Дождь лил третьи сутки подряд. За три дня раза два всего проглядывало солнце на несколько часов, не успевая просушить даже крыши, не только поля, местами в низинах залитые водой, словно луга ранней весною, в паводок.

В кабинете второго секретаря райкома сидел председатель передового, самого богатого в районе колхоза «Власть Советов» Демьян Васильевич Опёнкин, тучный, с огромным животом, усатый, седой, коротко остриженный, в мокром парусиновом плаще. Он приехал верхом. Его конь, рослый, рыжей масти жеребец-племенник, стоял нерассёдланный во дворе райкома под навесом, беспокойно мотал головой, силясь оборвать повод, ржал. Опёнкин, с трудом ворочая толстой шеей, время от времени поглядывал через плечо в окно на жеребца.

Секретарь райкома Пётр Илларионович Мартынов ходил взад-вперед вдоль кабинета, неслышно ступая сапогами по мягким ковровым дорожкам.

— Больше с тебя хлеба не возьмём, — говорил Мартынов. — Ты рассчитался. Я не за этим тебя позвал, Демьян. Ты — самый старый председатель, опытный хозяин. Посоветуй, что можно делать в такую погоду на поле? Три тысячи гектаров ещё не скошено. На что можно нажимать всерьёз? Так, чтоб люди в колхозах не смеялись над нашими телефонограммами?.. Я вчера в «Заветах Ильича» увидел у председателя на столе собственную телефонограмму и, признаться, стыдно стало. Обязываем пустить

все машины в ход, а сам пришёл к ним пешком, «газик» застрял в поле, пришлось у них волов просить, чтоб дотянуть до села.

— Куда там! Растворило!..

— Косами, серпами не возьмём по такой погоде? А?..

— Я, Ларионыч, не имею опыта, как по грязи хлеб убирать, — усмехнулся Опёнкин. — Наш колхоз всегда засухо с уборкой управляется... Жать-то можно серпами, а дальше что? Свалишь хлеб в болото. Если затянется такая погода — погниёт. Порвёт, дьявол, уздечку! — грузно повернулся к окну на заскрипевшем стуле Опёнкин, распахнул створки. — Стоять, Кальян! Вот я тебе! — Он увидел проходившего по двору райкомовского конюха. — Никитич! Посмотри там, чтоб он уздечку не порвал...

Мартынов подошёл к окну.

— Где купили такого красавца?

— В Сальских степях. Будённовская порода, из дончаков выведена. Крепкая лошадь. Лучшая верховая порода.

— Застоялся. Проезжать надо его почаще.

— Вот проезжаю. Вчера в каучуксовхоз на нём ездил. Во мне сто двадцать кило. Нагрузочка подходящая.

— А чего ты, Демьян, так безобразно толстеешь? — похлопал Мартынов по животу Опёнкина. — На кулака стал уже похож.

— Сам не знаю, Ларионыч, с чего меня прёт, — развёл руками Опёнкин. — Не от спокойной жизни. После укрупнения и вовсе замотался. Четыре тысячи гектаров, восемь бригад. Чем больше волнуюсь, тем больше толстею.

— Покушать любишь?

— Да на аппетит не обижаюсь...

Ветер задувал в окно брызги, дождь мочил журналы, лежавшие на подоконнике. Опёнкин закрыл окно. Мартынов отошёл, присел на край стола.

— А не получится опять по-прошлогоднему? — вскинул Опёнкин на Мартынова глаза, чёрные, умные, немного усталые.

— Как — по-прошлогоднему?

— Соседи наши на семидесяти процентах пошабашат, а нам опять дадите дополнительный?

— По хлебопоставкам? Нет, насчёт этого сейчас строго... Может быть, только заимообразно попросим. У тебя много хлеба осталось, а у других нет сейчас намолоченного. Вывезешь за них, потом отдадут.

— Вот, вот! — заёрзал на тяжёло скрипевшем под ним стуле Опёнкин. — Я ж говорю, что-нибудь да придумаете. Не в лоб, так по лбу! Нам уж за эти годы после войны столько задолжали другие колхозы! Нет на меня хорошего ревизора! Судить меня давно пора за дебиторскую задолженность!.. Тысячу центнеров должны нам соседи милые. И хлебопоставки за них выполняли, и на семена им давали. И не куют, не мелют! Станешь спрашивать председателей: «Когда ж вы, братцы, совесть поимеете, отдадите?» — Смеются: «При коммунизме, — говорят, — сочтёмся». А, по-моему, — встал, рассердившись, Опёнкин и, тяжело сопя, стуча полами мокрого, задубевшего плаща по спинкам стульев, заходил по кабинету, — по-моему, коммунизма не будет до тех пор, пока это иждивенчество проклятое не ликвидируем! Чтоб все строили коммунизм! А не так: одни строят, трудятся, а другие хотят на чужом горбу в царство небесное въехать!..

— Погоди, не волнуйся, Демьян Васильевич,— сказал Мартынов. — Может, обойдемся и без займов.

— Какие займы! Говорите прямо — пожертвования. Никто нам и в этом году не отдаст из старых долгов ни грамма. Придут к вам, расплачутся, и вы же сами нам скажете: «Повремените, не взыскивайте. У них мало хлеба осталось. Надо же и там чего-нибудь выдать по трудодням, засыпать семена».

Остановился перед Мартыновым — высокий, грузный, на толстых, широко расставленных ногах.

— Ты не подумай, Пётр Ларионыч, что я жадничаю. Почему не помочь колхозу, ежели несчастье постигло людей, град, скажем, либо наводнение? Пойдём навстречу, с открытой душой. Но ежели только

и несчастья у них, что бригадиры с председателем во главе любят на зорьке понежиться на мягких пуховиках, — тут займами не поможешь!.. Не о своём колхозе беспокоюсь. Мы не обедняем. Ещё тысячу центнеров раздадим — не обедняем. Но это же не выход из положения! Вы же никогда так не поправите дело в отстающих колхозах — подачками да поблажками!..

— Я тоже не сторонник таких методов подтягивания отстающих, — ответил Мартынов, глядя Опёнкину прямо в глаза, умные, много перевидавшие за пятнадцать лет его работы председателем колхоза. — Так мы, действительно, не наведём порядка в колхозах и район не поднимем... Дополнительного плана тебе не будет. Ни под каким соусом.

Опёнкин недоверчиво покрутил головой.

— Это пока ты правишь тут за первого, Ларионыч. А приедет Виктор Семёныч? Скажет: «Ну-ка потрясти ещё Демьяна Богатого!»

— Попробуем и Виктора Семёныча убедить. Это самый лёгкий способ: потрясти тебя, других, выполнивших досрочно план.

— Когда у него отпуск кончается?

— Если не продлят ему лечения — в субботу приедет.

— Вот, с дороги отдохнёт часика два и начнёт шуровать!

Мартынов не ответил, отошёл к окну, перевёл разговор на другую тему.

— Всё же плохо организовано у нас хозяйство в колхозах. Пошли дожди, — и мы садимся в калошу. А если такая погода продлится ещё недельки две?.. Надо вдесятеро больше строить зерносушилок, крытых токов. Может быть, и для снопов надо сушилки строить.

— Риги — назывались раньше такие сараи у крестьян, — сказал Опёнкин.

— Не сараи — навесы хотя бы, соломенные крыши на столбах. Попроще, да побольше!

— Ежели без стен — ещё лучше, — согласился Опёнкин. — Продувает ветерком, быстрее просуши-

вает... Посевные площади не те, Ларионыч. Раньше у хозяина было всего десятин пять посева. А ну-ка, настрой этих риг на четыре-пять тысяч гектаров!

— Вот я и говорю, — продолжал Мартынов, — совершенно в других размерах надо всё это планировать! Даём колхозу задание: построить три зерносушилки. А надо — тридцать, пятьдесят!.. То засуха нас бьёт, то дожди срывают уборку, губят готовый урожай. Когда же это кончится?.. Тебя, Демьян Васильич, я вижу, это не очень волнует. Ты думаешь, небось: мне хватило двух недель сухой погоды для уборки. Ну, знаешь, и ты не очень хорохорься. А если бы дожди пошли с первого дня уборки? Тоже кричал бы караул! Пусть это раз в десять лет случается, но и к такому году мы должны быть готовы.

Опёнкин слушал Мартынова спокойно, с улыбкой.

— Готовимся и к такому году, Ларионыч. Из нашего колхоза десять человек третий месяц уже работают на лесозаготовках в Кировской области. Пятнадцать вагонов леса получили оттуда. Ещё раза три по столько же отгрузят. Хватит там и на электростанцию, и на клуб, и на крытые тока, и на сушилки.

— У вас-то хватит!..

— Я тебе объясню, Ларионыч, — сказал, помолчав, Опёнкин, — почему в нашем колхозе работа спорится, люди дружно за всё берутся. Потому что колхоз богатый, есть чего получать по трудодням, и хлебом, и деньгами. У нас самое тяжкое наказание для человека, если отстраняем его решением правления от работы дня на три.

Мартынов засмеялся.

— Объяснил! А колхоз богатый, потому что люди дружно работают.

— Да, — улыбнулся Опёнкин, — так уж оно, как пойдёт колесом... А пережили и мы немало трудностей... Приехал ко мне как-то в военное время Михей Кудряшов, председатель «Волны революции», не помню уж по каким делам. Повёл я его обедать к себе домой. А у меня — чёрный хлеб на столе. «Как тебе, — говорит, — не стыдно? Председатель, не

умеешь жить! Не можешь для себя хотя бы организовать?» А чего стыдно? Время было тяжёлое, война. Сдали сверх плана в фонд Красной Армии полторы тысячи центнеров. Сами сдали, добровольно. Решили — переживём. Картошки в хлеб подмешаем, того, сего — выдюжим! Прошлым летом заехал я к ним в «Волну». Какой был лично у Кудряшова хлеб — не знаю, а у колхозников, у всех — чёрный. И семян просят занять им. А у нас уж который год все белый хлеб едят, как и до войны. «Как т е б е, — говорю, — теперь не стыдно? Кабы себя от людей не отделял да чёрный хлеб ел тогда, может, злее был бы, пуще стремился бы поскорее одолеть трудности!». Колхоз — не для нас только, председателей, так я понимаю, не для нашей роскошной жизни. Когда всем хорошо, то и нам хорошо...

... Долго ещё думал Мартынов после ухода Опёнкина об этом человеке. Если бы все были такие председатели колхозов в районе! Вот у него пошло колесом — колхоз богатый, потому и люди хорошо работают. А в некоторых колхозах тоже идет «колесом», только наоборот: на трудодень — крохи, потому что был плохой урожай, плохо работали колхозники, а плохо работали, потому что и в прошлом году получили мало хлеба по трудодням. Тут уже получается не колесо, а заколдованный круг. Но этот круг надо разорвать, во что бы то ни стало! Кто может его разорвать? Вот такие люди, которым народное дорого, как своё кровное... Мартынов был зимою в колхозе «Власть Советов» на отчётно-выборном собрании. Когда выдвинули вновь кандидатуру Опёнкина в председатели, один колхозник, выступая, назвал его: «душевный коммунист».

Ветер сыпал в окна крупными каплями дождя, будто щебнем. Мартынов принял за день много людей — всех заведующих отделами райкома, каждого со своими вопросами, районного агронома, заведующего сельхозотделом райисполкома. Оказалось, что по случаю ненастной погоды весь партийный актив был дома.

— Что-то неладное получается у нас, товари-

щи, — сказал Мартынов. — Такое тяжёлое положение с уборкой, а мы отсиживаемся дома. Вот сейчас-то нужно быть всем в колхозах!

— А что же можно там сейчас делать? — спрашивали его.

— Спасать хотя бы то зерно, что намолочено. В кучах лежит, под дождём. Строить сушилки, крытые тока, перетаскивать туда зерно, лопатить. Машины не идут — волами возить просушенный хлеб на элеватор.

У него уже созрело решение — на что, в случае затяжки ненастья, можно и нужно сейчас поднять в районе всё живое и мёртвое. Он велел помощнику созвать членов бюро в девять вечера на небольшое заседание по одному этому вопросу.

В конце дня, когда Мартынов собирался уже сходить домой пообедать, в кабинет вошла Марья Сергеевна Борзова, жена первого секретаря, молодая, но уже сильно располневшая женщина, миловидная, с широким добродушным лицом, усыпанным мелкими веснушками, с живыми, веселыми карими глазами, — директор районной конторы «Сортсемовощь».

На днях в одном колхозе Мартынову сказали, что у них третий год подряд не вызревают арбузы, убирают их осенью и скармливают свиньям. Он спросил — что за сорт? Оказалось, семена присланы с Кубани. Мартынов почувствовал завязку большого вопроса для постановки перед обкомом и Министерством сельского хозяйства и попросил Борзову составить ведомость, откуда получает их контора семена овощей, и зайти с этой ведомостью к нему.

— Вот, сделала, Пётр Илларионович, — сказала Борзова, кладя перед ним на стол исписанный лист бумаги. — Выбрала из накладных. Верно, что-то не по-мичурински получается. Есть у нас местные семена, хороших сортов, их областная контора куда-то отсылает, а нам дают другие сорта. Арбузы, дыни — с Кубани, из Крыма. И помидоры — с Кубани.

— Там лето месяца на полтора длиннее, вот они

привыкли к такому лету и растут себе не спеша, — сказал Мартынов.

Пока он просматривал ведомость, Марья Сергеевна, подобрав мокрые полы резинового плаща, села в кресло у стола.

— Мой-то, товарищ Борзов, сегодня приезжает, — сказала она.

— Как сегодня? — поднял голову Мартынов. — У него ещё отпуск не кончился.

— Должно быть, не высидел. Я ему отсюда посылала авиапочтой областную газету со сводками, по его приказанию.

— Если сегодня, ему пора быть. — Мартынов взглянул на настольные часы. — Поезд прошёл.

— Вот и я думаю — каким он приедет? Может, ночью, в час? Так то уж другое число. Он телеграфировал: «Буду двадцать третьего целую».

— Погоди, тут мне какие-то телеграммы принесли, я ещё не смотрел. — Мартынов порылся в бумажках на столе. — Да, вот есть от него: «Приеду двадцать третьего». Только без «целую».

Марья Сергеевна вздохнула.

— Опять пойдут у вас всенощные заседания? Будете ругаться с ним на каждом бюро до утра?

— Не знаю, — ответил Мартынов, — как он теперь, после ессентукских вод. Может, язва не так будет его мучить.

— А мы с ним поженились, когда у него язвы ещё не было. Я-то его давно знаю. Это у него не от болезни. У обоих у вас — характеры! Коса на камень... Развели бы вас по разным районам, что ли!

— От третьего человека слышу: просись в другой район, — сказал Мартынов. — Выживаете меня?

— А я не сказала: просись в другой район. Я говорю — нужно вас развести. Либо ему здесь оставаться, либо тебе... Ну скажи, Пётр Илларионыч, чего вы с ним не поделили?

Мартынов усмехнулся.

— Почему меня спрашиваешь? Тебе ближе его спросить.

— Он по-своему объясняет.

— Как? Небось: был Мартынов газетчиком, борзописцем, так бы и продолжал бумагу портить. А в партийной работе он ни черта́ не понимает. Так?

— И так говорил...

Зазвонил телефон, Мартынов снял трубку, долго говорил по телефону. Потом ему доложили, что из колхозов приехали пять человек за получением партбилетов, ждут приёма. Борзова поднялась.

— Ладно, Марья Сергеевна, как-нибудь поговорим. Эту ведомость я оставлю у себя, а ты мне ещё пришли сводку об урожаях местных сортов и привозных.

— Хорошо, пришлю... Пойду домой, похлопочу насчёт обеда. Может, он всё же приедет сегодня. Поезд, может, опоздал.

Выдав молодым коммунистам партийные билеты и поговорив с ними о делах в колхозах, Мартынов запер на ключ ящики стола, оделся, но успел выйти только в коридор — прошумела отъехавшая от райкома машина, на крыльцо взошёл по ступенькам уверенной, хозяйской походкой Борзов, среднего роста, коренастый, с нездорового, желтоватого цвета лицом, в мокром от дождя, длинном, почти до пят, кожаном пальто.

— А, вот и сам, наконец, — сказал Мартынов, остановившись в коридоре. — Мы уж не ждали тебя с дневным. Здравствуй!

— Привет трудящимся! — подал руку Борзов.

— Трудимся. А ты что же это Конституцию нарушаешь? Не используешь полностью права на отдых?

— Отдохнёшь! — Борзов снял шляпу, отряхнул, расстегнул мокрое пальто.

— Зайдём в кабинет?

— Зайдём на минуту. Я ещё дома не был... Отдохнёшь! — Сняв у вешалки калоши, пальто, Борзов прошёл к столу, но сел не в кресло секретаря, а сбоку на стул. — Дураки в это время ездят лечиться! Только и слышишь по радио: уборка, хлебопоставки, сев озимых. Область нашу «Правда» трижды помянула уже в передовицах как отставшую.

Мартынов тоже не сел в кресло, стал у окна. Он был выше коренастого бритоголового Борзова — загорелый синеглазый брюнет, с давно не стриженной, вьющейся кольцами на шее и висках, густой шевелюрой, с поджарой, немного сутулой, несолидной фигурой. Разница в возрасте у них была лет в семь, Мартынову — лет тридцать пять, Борзову — за сорок.

— Сам виноват, — сказал Мартынов. — Съездил бы весною, когда сев кончали. Я тебе говорил: вот сейчас проси путёвку и поезжай, подлечись.

— Сев кончали — прополка начиналась. Разве из нашей беспрерывки когда-нибудь вырвешься? А зимою тоже не интересно ездить на курорты... Ну ладно, давай рассказывай — как дела?

— Когда же ты приехал? Поезд в тринадцать сорок пришёл.

— Я с вокзала заезжал на элеватор. Не звонил насчёт машины, подвернулся «газик» директора МТС. Проверил на элеваторе, как хлеб возят. Плохо возят, Пётр Илларионыч!

— Да, можно бы лучше... До этих дождей выдерживали график.

— Как же вы могли выдерживать график, если три колхоза у вас уже с неделю как не участвуют в хлебопоставках: «Власть Советов», «Красный Октябрь» и «Заря»?

— Другие колхозы вывозили больше дневного задания. А «Власть Советов», «Октябрь» и «Заря» рассчитались.

— Как рассчитались?

— Так, полностью. И по натуроплате — сверх предъявленных счетов, за ту зябь, что будет вспахана.

Борзов с сожалением посмотрел на Мартынова.

— Так и председателям говоришь: «Вы рассчитались»?... Эх, Пётр Илларионыч! Учить тебя да учить! Где сводка в разрезе колхозов?

Пересел на секретарское место, энергичным жестом отодвинул от себя всё лишнее — лампу, пепельницу, стакан с недопитым чаем. Под толстым

стеклом лежал большой разграфлённый лист бумаги, испещрённый цифрами: посевная площадь колхозов, поголовье скота, планы поставок. Мартынов невольно улыбнулся, вспомнив слова Опёнкина: «Два часа отдохнёт и начнёт шуровать»...

— Да, вижу, правильно я сделал, что приехал.— Борзов взял чистый лист бумаги, карандаш, провёл пальцем по стеклу. — «Власть Советов». Сколько у них было? Так... Госпоставки и натуроплата... Так. Это — по седьмой группе. Комиссия отнесла их к седьмой группе по урожайности. А если дать им девятую группу?..

— Самую высшую?

— Да, самую высшую. Что получится? Подсчитаем... По девятой группе с Демьяна Богатого — ещё тысячи полторы центнеров. Да с «Зари» — центнеров восемьсот. Да с «Октября» столько же. Вот! Мальчик? Не знаешь, как взять с них хлеб?

Мартынов, с непогасшей ещё улыбкой на лице, подошёл к столу.

— Я не мальчик, Виктор Семёныч. Эти штуки мне знакомы. Но пора бы с этим кончать, право! На каком основании ты предлагаешь пересчитать им натуроплату по высшей группе?

— На том основании, что стране нужен хлеб!

Мартынов закурил, помолчал, стараясь взять себя в руки, не горячиться.

— Во «Власти Советов» урожай, конечно, выше, чем в других колхозах. Но всё же на девятую группу они не вытянули. И убрали они хорошо, чисто, никаких потерь. А что на двух полях у них озимую пшеницу и ячмень прихватило градом — то не их вина. Почему же теперь им — девятую группу, да ещё задним числом? Что Опёнкин колхозникам скажет?

— Пусть что хочет говорит. Нам нужен хлеб. Чего ты болеешь за него? Старый зубр! Вывернется!

— Знаю, что убедит он колхозников, повезут они хлеб. Но объяснение остаётся одно: берём с них

хлеб за те колхозы, где бесхозяйственность и разгильдяйство.

Вошёл председатель райисполкома Иван Фомич Руденко, в одной гимнастёрке, без фуражки, — перебежал через двор. Райсовет помещался рядом, в соседнем доме.

— Здорово, Виктор Семёныч! С приездом! Гляжу в окно — знакомая фигура поднимается по ступенькам. Недогулял?

— Привет, Фомич. Недогулял.

Руденко посмотрел на хмурое, рассерженное лицо Борзова, на нервно покусывавшего мундштук папиросы Мартынова.

— С места в карьер, что ли, заспорили? Может, помешал?

— Нет. — Борзов вышел из-за стола, не глядя на Руденко, подвинул ему стул. — Садись. Ну продолжай, Мартынов.

— А что мне продолжать. — Мартынов затушил окурок в пепельнице и встал. — Как член бюро голосую против. — Обратился к Руденко. — Предлагает дать девятую группу Опёнкину и другим, кто выполнил.

— Ну-у? — неопределённо протянул Руденко. — Это надо подумать...

— Чтоб и в тех колхозах, где люди честно трудились, и где работали через пень колоду, на трудодни хлеба осталось поровну!.. Я тоже знаю, Виктор Семёныч, что стране нужен хлеб, — продолжал Мартынов. — И план районный мы обязаны выполнить. Но можно по-разному выполнить. Можно так выполнить, что хоть и туго будет потом кое-где с хлебом, но люди поймут, согласятся: да, это и есть советская справедливость. У наших агитаторов будет почва под ногами, когда они станут с народом говорить: «Что заработали, то и получайте». И пусть рядом, во «Власти Советов», люди втрое больше получат хлеба! И нужно строить на этом политику! А можно так выполнить, что!.. — Мартынов махнул рукой, заходил по кабинету.

— Да, Виктор Семёныч, как бы не зарезать ту-

курочку, что несёт золотые яички, — сказал Руденко.

Борзов сел опять за стол.

— Хорошо. Подсчитаем, что мы сможем вывезти из других колхозов, не трогая этих. — Провёл пальцем по первой графе с наименованиями колхозов. — Какой возьмём? Ну вот — «Рассвет». Сколько у них есть на сегодняшний день намолоченного зерна?

— Нет ничего, — ответил Мартынов. — Они до дождей хорошо возили, всё подбирали, что за день намолачивали. Скошенный хлеб у них в скирдах. И не скошено ещё процентов десять.

— Их МТС подвела, — добавил Руденко. — Дали им молодых комбайнеров, курсантов. Новые машины, а больше стояли, чем работали.

— Так. Значит, в «Рассвете» нет сейчас зерна. А хлебопоставки у них на...

— На шестьдесят два процента, — подсказал Руденко.

— В «Красном пахаре» как?

— Такое же положение.

— «Наш путь»?

— Там хуже дело, — подошёл к столу Мартынов. — Не скошено процентов тридцать, и скошенный хлеб не заскирдован... У них же нет председателя, — помолчав, добавил он. — В самый отстающий колхоз послали самого ненадёжного человека. В наказание, что ли? За то, что завалил работу в промкомбинате?..

— Так... «Вторая пятилетка»?

— Там есть много зерна намолоченного, — сказал Руденко. — Но лежит в поле, в кучах. Надо сушить.

— Так какого же вы чорта толкуете мне тут про справедливость, политику? — стукнул ребром ладони по столу Борзов. — Где хлеб? Такой хлеб, чтоб сейчас, в эту минуту можно было грузить на машины и везти на элеватор?

— В эту минуту, положим, машиной не повезёшь, — кивнул Мартынов на окно, за которым лило, как из ведра.

— Перестанет дождь — за день просохнет. А хлеб где? Те «выполнили», умыли руки, на районную сводку им наплевать, у тех нет намолоченного. Обком, думаете, согласится ждать, пока мы здесь эту самую справедливость будем наводить? Что мы реально сможем поднять в этой пятидневке? Что покажем в сводке? По-ли-ти-ки!..

— А если без политики выполнять поставки, так и секретари райкомов не нужны. Каким-нибудь агентам можно поручить, — ответил Мартынов.

— Я вижу, — сказал Борзов, — что главная помеха хлебопоставкам в районе на сегодняшний день — это ты, товарищ Мартынов. Сам демобилизовался и других расхолаживаешь. «Выполнили!» Разлагаешь партийную организацию.

— Ну, это уж ты слишком, Виктор Семёныч! — задвигался на стуле, хмурясь, Руденко.

Мартынов сел, потеребил рукой волосы, откинулся на спинку стула, пристально глядя на Борзова. Загорелое лицо его побледнело. Но сказать он ничего не успел. Борзов позвонил, в кабинет вошёл помощник секретаря, белобрысый молодой паренёк, Саша Трубицын.

— Приехали, Виктор Семёныч?!

— Да, приехал. Здравствуй. Садись, пиши... «Всем директорам МТС, председателям колхозов, секретарям колхозных первичных партийных организаций... Безобразное отставание района в уборке и выполнении плана хлебопоставок объясняется исключительно вашей преступной беспечностью и полным забвением интересов государства»... Написал? «Предлагается под вашу личную ответственность немедленно, с получением настоящей телефонограммы, включить в работу все комбайны и простейшие орудия»... Написал? «Обеспечить круглосуточную работу молотилок... Безусловно обеспечить выполнение дневных заданий по хлебовывозу, с наверстанием в ближайшие два-три дня задолженности за прошлую пятидневку... Загрузить на хлебовывозе весь наличный авто- и гужтранспорт... В случае невыполнения будете привлечены к суровой пар-

тийной и государственной ответственности»... Подпись — Борзов. — Покосился на Руденко. — И Руденко.

Руденко махнул рукой.

— Валяй!..

— Один экземпляр этой телефонограммы, Трубицын, сбереги,— сказал Мартынов.— Может, когда-нибудь издадут полное собрание наших сочинений.

Саша Трубицын остановился на пороге, удивленно-вопрошающе взглянул на Мартынова.

— Иди, печатай, — сказал Борзов. — Передать так, чтоб через час была во всех колхозах!

Трубицын вышел.

— Для очищения совести посылаешь эту «молнию»? — спросил Мартынов. — Все же что-то делали, бумажки писали, стандартные телефонограммы рассылали.

— Напиши ты чего-нибудь пооригинальнее. Тебе — карты в руки, литератору, — с деланным спокойствием ответил Борзов и повернулся к Руденко, хотел заговорить с ним, спросил его о чём-то, но тот не ответил на его вопрос, кивнул на Мартынова.

— Нет, ты послушай, Виктор Семёныч, что он предлагает.

— А что он предлагает?

— Вот что предлагаю, — придвинулся со стулом к Борзову Мартынов. — Жерди, хворост в лесу рубить по дождю можно? Можно. Навесы крыть соломой можно? Неприятно, конечно, вода за шиворот потечёт, но можно. На фронте переправы под дождём и под огнём строили. Машину не уговоришь по грязи работать — человека можно уговорить. Вот на что нужно сейчас нажать!

— Одно другому не мешает, — ответил Борзов.

— Нет, мешает! Забьём председателю колхоза голову всякой чепухой — он и дельный совет мимо ушей пустит. «Включить в работу все комбайны». Это же болтовня — такие телефонограммы! — взорвался, наконец, Мартынов. — Тогда уж вали всё: и озимку предлагаем сеять, невзирая на дождь, и зябь пахать.

— А мы из обкома не получаем таких телеграмм? Нам иной раз не звонят: «Почему не сеете?» А у нас на полях — снег по колено.

— Область большая. Там — снег, там — тепло, там — дожди, там — засуха. А у нас всё на глазах!.. Знаешь, Виктор Семёныч, чего никак не терпят хлеборобы в наших директивах? Глупостей. Они-то ведь не хуже нас знают, на чём булки растут.

Борзов долго молчал. Больших усилий стоило ему придать голосу некоторую теплоту, когда он, наконец, заговорил.

— От души советую тебе, Пётр Илларионыч: поезжай ты в обком, нажалуйся на меня, чего хочешь наговори, но скажи, что мы вместе работать не можем. Пусть тебя переведут в другой район. Я со своей стороны буду рекомендовать, чтоб тебя послали первым секретарём. Да в обкоме у нас обычно так и делают. Если где-то второй не ладит с первым, хочет сам играть первую скрипку и парень будто энергичный — посылают его первым секретарём в другой район, испытывают: ну-ка, покажи, брат, как ты сможешь самостоятельно работать?.. Поезжай, поговори. Когда хочешь, хоть сегодня. Дадут тебе другой район, может, по соседству с нами. Будем соревноваться. Руководи! Ты с этой самой крестьянской справедливостью, а я — по-пролетарски.

— Тьфу! — не выдержал Руденко. — До чего вы тут договоритесь? По-пролетарски, по-крестьянски! Таких и выражений нет. По-большевистски надо руководить!

— И в другой район я не хочу, — сказал Мартынов, — я уже здесь узнал колхозы, людей, и на первую скрипку не претендую. Плохо ты понял меня, Виктор Семёныч. Мне и в должности второго секретаря работы хватает. Но я не Молчалин, чтобы мне «не сметь свои суждения иметь». — Встал, надел кепку. — Пойдём пообедаем В здоровом теле — здоровый дух. Марья Сергеевна заходила сюда, ждёт тебя обедать, получила телеграмму... Я созывал на девять часов заседание бюро. Не отменишь?

— Нет, почему же, — ответил Борзов. — Бюро надо провести. Начнём работать. — Позвонил помощнику. — Вызвать на бюро всех уполномоченных, прикреплённых к колхозам.

...Заседание было бурное. Часть членов бюро поддерживала по многим вопросам Мартынова, часть — Борзова. Всё же воздержались пока рекомендовать комиссии перевести выполнившие поставки колхозы в высшую группу. Решили повременить — как будет с погодой, с обмолотом в других колхозах.

Расходились по домам поздно ночью, под проливным дождём. Мартынов и Руденко прошли по главной улице до угла вместе.

— Ну, ты сегодня зол! — говорил Руденко. — Не даёшь ему ни в чём спуску. Прямо какая-то дуэль получается у вас, бокс.

— Отвык от него за месяц,— отвечал Мартынов.

— Ему, Илларионыч, из кожи вылезти, а хочется добиться, чтоб в первую пятидневку по его приезде хлеба вывезли раза в два больше, чем при тебе возили. Чтоб в обкоме сравнили сводки: вот Мартынов давал хлеб, вот — Борзов!.. Он и в санаторий уезжал с неспокойной душой. Как это вдруг обком перед самой уборочной отпустил его лечиться? Тебе больше доверия, что ли?..

За углом Руденко свернул налево, пошёл узеньким проулком, чертыхаясь, попадая впотьмах в лужи и набирая жидкой грязи в калоши, бормоча про себя: «Не всегда, стало быть, та первая голова и есть, которая первая по чину»... Мартынов пошёл дальше главной улицей к своей квартире, тоже чертыхался, оскальзываясь в грязи и попадая на выбоинах дороги в глубокие лужи, и думал: «Сколько времени, сил тратим на споры, а нужно бы — на работу! Паны дерутся, у хлопцев чубы трещат»...

На рассвете Мартынов поехал верхом в самый крупный из отстающих — колхоз «Красный пахарь». Там он жил два дня. Собирал коммунистов, фронтовиков. Напомнил фронтовикам о более трудных днях, когда в дожди, по бездорожью несли на себе

станковые пулемёты, помогали лошадям тащить пушки. Кирпич и лес, заготовленные для строительства новой конторы, посоветовал употребить на зерносушилки и крытые тока. Все бригады вышли в поле, кто подносить солому на носилках, кто зерно. Начали было строить навесы и над молотилками, чтоб попробовать молотить со скирд, но к вечеру второго дня дождь перестал. Не было дождя и ночью. Утром показалось солнце, подул прохладный восточный ветер. Установилась надолго сухая погода.

Уборка и прочие полевые работы в районе вошли более или менее в колею. Дороги просохли, вновь потянулись по ним колонны автомашин с свеженамолоченным зерном. Так-таки и получилось, что в первую пятидневку при Борзове колхозы сдали больше хлеба, чем в последние перед его приездом дождливые дни. Район выполнил план хлебопоставок в числе не самых передовых, но и не самых отстающих районов.

Однажды Марья Сергеевна Борзова сказала Мартынову:

— Чего никогда не зайдёшь к нам, Пётр Илларионыч, вечерком?

— Спасибо, — поблагодарил немного удивлённый Мартынов. Он давно не получал от Борзовых приглашения в гости. — Вечерков-то свободных почти не бывает.

— Нет, верно, заходи, что вам с Виктором Семёнычем всё спорить да ругаться? Посидим, поговорим.

Мартынов пообещал зайти, но не торопился выполнить обещание. «Мирить, что ли, собирается нас за чашкой чаю?» — подумал он.

Вскоре Борзова вызвали в обком на десятидневный семинар первых секретарей райкомов, но Марья Сергеевна всё же позвонила Мартынову.

— Сегодня суббота, Пётр Илларионыч, под выходной разрешается раньше кончать работу. Нет

у тебя вечером заседаний? В колхоз не едешь? А обещание помнишь? Ну приходи, буду ждать.

Встретила его Марья Сергеевна принаряженная, немножко смущённая тем, что может подумать Мартынов о её настойчивом желании видеть его у себя дома. К шёлковой её блузке был приколот орден Ленина

— Городишко у нас такой, — говорила она, гремя посудой у буфета, — на одном краю чихнёшь, с другого края слышишь: «Будьте здоровы!» Завтра же разнесут всюду: Мартынов ходил к Борзовой чай пить, когда мужа дома не было. А мне наплевать!

Пока Марья Сергеевна собирала на стол, Мартынов обошёл все комнаты их дома. Он здесь бывал раза два в прошлом году по приезде. В детской бабушка, мать Борзова, укладывала детей спать, рассказывала им сказки. Маленьких у них было двое: мальчик лет шести и девочка лет четырёх. Старшей, Нины, не было дома, ушла, вероятно, в кино или к подругам. В зале в кресле у пианино спал огромный сибирский кот. Во всех комнатах на стенах висели клетки с скворцами, щеглами, дроздами. Две собаки, овчарка и ирландский сеттер, стуча когтями по полу, ходили следом за Мартыновым. В углу столовой гнездился на подстилке маленький ёжик. Видимо, Борзов любил птиц и животных.

— За что ты, Марья Сергеевна, получила орден? — спросил Мартынов, садясь на диван. — Вижу его у тебя иногда по праздничным дням, давно хочу спросить. Партизанила?

— Нет, не партизанила. Это ещё до войны было дело... — Марья Сергеевна вздохнула. — За хорошую работу на тракторе дали мне орден.

— Да? Ты трактористкой была?

— Эх, уже люди и фамилии моей не помнят!..

— Борзова?..

— Да нет, не Борзова. Моя девичья фамилия была Громова.

— Громова?.. Вон что! Ну прости, не знал. Отку-

да ж мне знать твою девичью фамилию?.. Та Маша Громова, что с Ангелиной соревновалась? Портреты были ваши в «Правде» рядом. Так это ты и есть?

— Маша Громова, да... Я родом из Ростовской области.

— Помню — из Ростовской области.

— Донская казачка... И Борзов там работал, в нашем районе, секретарём райкома комсомола. В тридцать восьмом году мы с ним познакомились. Я у него вторая, первая жена его умерла. Нина — это его дочка от первой жены... Ну, садись к столу... А ты, Пётр Илларионыч, из каких сам краёв? Чем раньше занимался?

— У меня в биографии ничего почётного нет. Неудавшийся писатель, — без скорби, почти весело стал рассказывать Мартынов. — Лет двенадцать назад написал один очеркишко, напечатали его в «Комсомольской правде», и с тех пор заболел литературой. Центнера два бумаги извёл на романы — ничего путного не вышло. Пошёл по газетной работе. Много ездил, спецкором был. Последний год перед приездом к вам был редактором районной газеты в Н-ской области. И там не бросал писать. Сынишка знает, что я всё почты жду, ответов из редакции, бежит, бывало, кричит: «Папка, иди скорее домой, там большое письмо принесли!» Эх, думаю, порадовал сынок! Лучше б — маленькое. Большое, значит — рукопись назад. Спасибо, один критик честно, прямо написал: «Сочинение романов не ваше, видимо, дело. Изберите себе, товарищ, другую цель в жизни». Вот — избрал другую работу. Цель-то у нас одна у всех. Не сам избрал, предложили мне здесь перейти на партийную работу — дал согласие. — Мартынов засмеялся. — Много раз критиковал, ругал в газетах секретарей райкомов. Интересно, как у самого получится!..

— Виду не подаю, Пётр Илларионыч, — сказала Марья Сергеевна, помолчав, — а иной раз жалею, ругаю себя последними словами — зачем бросила ту работу, ушла из колхоза? Я бы с Пашей Ангелиной ещё посоревновалась! Неизвестно, про

кого бы теперь больше писали!.. Как вышла за Борзова, год поработала ещё на тракторе и бросила. Ревновал меня к нашему бригадиру. Попусту ревновал. Нам такого назначили бригадира в женскую бригаду, выдержанного, хладнокровного, — хоть молоко вози на нём на базар. Парень, правда, был красивый, богатырь, вот такой в плечах, все девчата на него заглядывались, но директор предупредил его строго-настрого! Приезжаю на рассвете домой с поля — на мотоцикле ездила, — дома мне допрос: «С кем ночь провела? Ты же ещё вечером должна была смениться?» «С «натиком», — говорю,—своим провела ночь. Напарница моя заболела, пришлось за неё поработать». Идёт утром в эмтээс, проверяет — действительно ли прошлой ночью моя напарница не работала?.. Потом купили дом, хозяйство завелось, уют, покой ему нужен, когда придёт домой отдохнуть... Вот так и получилось. Прогремела Маша Громова ненадолго. Это уж я тут стала просить его: дай мне какое-нибудь дело. Послали в эту контору директором. Нашли огородницу! Я в этих семенах ничего не смыслю. Я и дома у матери не сажала капусту. Как подросла, девчонкой ещё, села на машину, только с техникой и зналась... Ну, что было, то прошло. Теперь уж мне поздно автолом вместо румян мазаться, — со смехом добавила Марья Сергеевна. — Разлюбит муж, чумазую. — Оглядела стол. Чего ж я ещё не подала?.. Хлеба-то и нет на столе. И чай забыла заварить. Вот хозяйка!

— Перебила я, извини, не договорил ты про себя, — вернувшись из кухни, сказала Марья Сергеевна.

— Да мне и договаривать нечего... Из газеты сюда попал. По развёрстке. Наша область — передовая. Взяли у нас, не помню, сколько всего человек, а из того района, где я работал, двух — меня и ещё одного парня, инструктора райкома. Не знаю, в каком качестве попал сюда. Одни товарищи говорили на прощанье: «Жаль с тобой расставаться, но что поделаешь — приказано лучшие кадры отобрать для отстающей соседней области». А другие говори-

ли: «Избавляются от тебя, Мартынов, — слишком уж развёл ты критику в своей газете и на конференциях резко выступаешь»... Но, в общем, не жалею, что приехал сюда. Всюду жизнь, люди...

— Трудно тебе с Борзовым.

— Трудно...

Марья Сергеевна села за стол против Мартынова.

— Знаешь, зачем я тебя позвала? — Её простое, веселое лицо с добродушными веснушками и смешливыми морщинками под глазами стало серьёзным. — Продолжить тот разговор, что тогда в райкоме начала... Закусывай, Пётр Илларионыч. — Подвинула к нему тарелку с сыром, салатницу, хлеб. — Тебе чего налить? Я с Донщины, из тех мест, где виноградники разводят, у нас сухое вино пьют.

— Всё равно. По своему вкусу налей.

Марья Сергеевна налила два бокала белого вина.

— Объясни ты мне, что у вас с Виктором Семёнычем происходит?

Мартынов ответил не сразу.

— Это разговор большой, Марья Сергеевна... Но ты же сама бываешь на пленумах, на собраниях партактива.

— Он мне говорит: Мартынов рвётся к власти, авторитет в организации завоёвывает, хочет выжить меня отсюда.

— Ты этому веришь?

— Нет, не верю.

— Напрасно, — усмехнулся Мартынов. — Да, я считаю, что партийная работа — не его дело. Постараюсь и в обкоме это доказать.

— Вон как...

— А что я авторитет завоёвываю, рвусь к власти — это чепуха... Да, может, сюда порекомендуют другого товарища первым секретарём. Почему бы мне не поработать здесь вторым? Очень хотелось бы

поработать с настоящим человеком, поучиться у него. Но у Борзова учиться нечему. Не обижайся, Марья Сергеевна...

Мартынов отпил из своего бокала.

— В тридцать восьмом году поженились?

— Познакомились. Поженились в тридцать девятом... Двенадцатый год живу с ним...

— Когда же вы переехали сюда с Донщины?

— Он воевал в этих краях. Был заместителем командира полка по политчасти. После освобождения области его здесь и оставили... Мы тут с ним уже в третьем районе. И всё такие районы — серёдка на половинке. Передовым ни один из них не стал.

— Должно быть, и в тех районах был у него этот груз на ногах — отстающие колхозы. С таким грузом высоко не взлетишь... Ты скажи, Марья Сергеевна, чего ты, собственно, хочешь? Помирить нас? Так мы с ним и не ссорились, не на базаре поругались.

— Нет, я вижу, вас не помиришь... Для себя хочу понять — о чём у вас идёт спор?

— Ну, что ж... Если б не была ты бывшей Машей Громовой, может, не стал бы тебе говорить всего, что скажу. Но ты не из тех дам, у которых всё знакомство с деревней через молочниц. Сама из колхоза вышла.

— Ого! — усмехнулась Марья Сергеевна. — Нашёл даму! Сколько раз предлагала Виктору Семёнычу: назначь меня в комиссию по проверке качества ремонта тракторов. Уж который трактор я приму — тысячу гектаров поднимет тебе за сезон!

— Не в том дело, что ты знаешь машины и сельское хозяйство. Я думаю, это тебе дорого, близко.

— А моя вся родня в колхозе живёт. Мама, бабушка там, два брата, три сестры... До сих пор письма шлют мне колхозники из нашего района. Всеми радостями и горестями делятся.

— Немножко нехорошо получается, — продолжал после большой паузы Мартынов, — что без него завели разговор о нём. Но я и в глаза ему это

скажу. Да и говорил уже... Если придётся тебе отчитываться за сегодняшний вечер, — можешь передать ему всё слово в слово... Тебе, когда ты пожила с Борзовым и больше узнала его, никогда не приходило в голову о нём такое: вот он волнуется, хлопочет, нажимает, чтоб зябь пахали, хлеб везли, всякие планы выполняли, а близко ли к сердцу принимает он всё это? Что стране нужен хлеб, и нужно его очень много. Что хлеб нам понадобится и в будущем году — не одним днём живём. Что если в каком-то колхозе не поднимут зябь — трудно придётся там людям весной. Что за всеми нашими сводками и цифрами — хорошая или плохая жизнь людей. А может, он только о себе думает? Не выполним то-то и то-то — на дурном счету в обкоме будет район и он, секретарь. Пятно ляжет на его служебную репутацию.

— Страшные вещи ты говоришь, Пётр Илларионыч, — ответила задумавшаяся Марья Сергеевна.

— Сама вызвала на такой разговор, теперь уж слушай... Что у нас происходит? О чём мы спорим? Мне кажется, о самом главном... Почему наш район — средний? Что, все колхозы у нас — средние? Если бы так — ещё терпимо! Нет. Есть в районе очень богатые, крепкие колхозы, и есть слабые. Вот из этих крайностей и выводим среднее. Я думаю, такой пестроты не было и раньше. Конечно, были в каждом селе батраки, середняки, кулаки — разно люди жили, но между сёлами в одной волости не было, не могло быть такой разницы, как сейчас: в одном колхозе — три миллиона дохода, а в другом, рядом — триста тысяч. Земли поровну, и земля одинаковая, один климат, одно солнце светит, одна МТС машины даёт — и такая разница! Когда же мы доберёмся до причин и покончим с этой пестротой? А времени прошло немало с тех пор, как мы колхозы организовали. Война была, оккупация, разорение, — но и война уже давно окончилась... Виктор Семёныч не любит, когда говорят: «отстающий колхоз», поправляет: «о т с т а в ш и й!» Это, мол, не хроническая болезнь, временное явление: сегодня

отстал, завтра догонит. Но людям-то не легче оттого, что мы формулировку уточнили, — в тех колхозах, что «отставшие» с самого сорок третьего года?..

И как же мы вытягиваем отстающие колхозы? Да вот так — полы режем, рукава латаем. В прошлом году в пяти колхозах остался немолоченный хлеб в скирдах, а «Власть Советов», «Труженик», «Победа» выполняли за них поставки. И — «заимообразно», и «в счёт будущего года». Когда-то такие вещи называли головотяпством. Так и в передовых колхозах можно развалить дело. У лучших колхозников опускаются руки — да что же мы обязаны век трудиться за лодырей?.. Нет уж — пусть там, в отстающих колхозах, люди до дна изопьют чашу. Плохо поработали? — Ну, плохо и получайте по трудодням. А рядом, во «Власти Советов», — по пять килограммов надо выдать!.. Пусть люди прочувствуют свою вину, но и нам нужно понять наши ошибки, нашу вину. Должны же мы когда-нибудь дать в такие колхозы настоящих руководителей? Ведь всё дело — в председателях! Никакие наезжие сверхчрезвычайно-уполномоченные не наведут в колхозе порядка, если он без головы! Из тридцати тысяч населения в районе не выберем тридцати хороших председателей?.. Интересно получается, Марья Сергеевна! — рассмеялся вдруг Мартынов, откинулся на спинку стула, потеребил свои и без того взлохмаченные волосы. — Посылаем во все колхозы уполномоченных — на это людей у нас хватает. И живут они там месяцами, всё лето. И жизнь без них в райцентре идёт своим чередом, все конторы пишут. Ну, раз мы посылаем человека уполномоченным, значит, надеемся, что он поправит дело, считаем, что он умнее председателя. Так, может, его и оставить в колхозе навсегда? Тем паче, что его контора без него пишет не хуже, чем при нём... Между прочим, контор этих развелось у нас — пропасть! «Заготлён» и тут же рядом — «Пенькотрест». А нельзя ли их как-нибудь одной бечёвочкой связать, льняной или пеньковой?.. Вот, говорю, на гастроли в деревню людей хватает, а на постоянную работу не подберём.

И навязываем иной раз колхозу в председатели такого проходимца, какого не следовало бы и на пушечный выстрел подпускать к общественному хозяйству!..

— Может, Борзов плохо знает кадры?..

— Так с этого же нужно начинать! Днём с огнём искать лучших людей! Без кадров провалимся с треском!.. И на месте, в колхозах, нужно продолжать поиски. При всех новых установках насчёт специалистов с высшим и средним образованием на постах председателей никто же нам не сказал, что надо прекратить выдвижение!..

Зимою, когда проходили у нас отчётно-выборные собрания в колхозах, я рассказал Борзову такой случай, — продолжал Мартынов. — Это было в Н-ской области, в одном районе. Я туда наезжал, когда в областной газете работал. Был там самый отстающий колхоз «Сеятель». Уже просто не знали, что с ним делать. С десяток председателей там перебыло, и ни один не справился с работой. Дисциплины нет, люди на работу не идут, все на базарах торгуют, урожайность низкая, на трудодни — копейки. Взяла там верх кучка рвачей-горлохватов. Обсядут нового человека, либо споят его, в какое-нибудь жульничество впутают, либо доведут до того, что бросает всё, скрывается днями от людей, ни дома не сыскать председателя, ни в конторе, где-то под скирдой спит, махнул на всё рукой — работайте, как знаете!.. Едет в «Сеятель» уполномоченный проводить очередное отчётно-выборное собрание. Секретарь райкома говорит ему: «Не знаю уж, кого им рекомендовать. Самого себя, что ли, или предрика? Нас там только ещё не было. Присмотрись-ка получше к людям. Может, есть у них на месте хороший парень?» Заслушали отчёт правления, сняли председателя — колхозники спрашивают уполномоченного: «Что ж вы никого не привезли? За кого же будем голосовать?» Уполномоченный говорит: «Больше не будем возить вам председателей. Ваш колхоз, вам здесь жить — думайте сами, выбирайте». «Так у нас некого выбирать!» —

кричат. И вдруг кто-то там подал голос: «Как — некого выбирать? А вон — Стёпка Горшок. Чем не председатель?» Шум, смех! «Стёпку Горшка!». «Стёпа, встань, покажись народу!» Но не все смеются. Многие колхозники всерьёз предлагают: «Степана Горшкова!».

Степан сидит на передней скамейке — в опорках, одна штанина разорвана по колено, в милицейской фуражке, — когда-то уходил в город, служил там в милиции, потом вернулся в колхоз. Работал он прицепщиком в тракторной бригаде, хорошо работал, трудодней было много, но получать-то по ним нечего было в том колхозе. А семья — больная жена да детишек семеро.

«Степана Горшкова!» — кричат. «Хоть горшка, хоть макитру — всё равно!» А уполномоченный прожил в том колхозе перед собранием два дня, тоже глаз кинул уже на Горшкова. Начал с табелей. Видит, вдвое больше у него трудодней, чем у других колхозников. Что за человек? Никто ему ничего плохого про Горшкова не сказал, кроме того, что с виду неказист, штаны на нём худые. Так ему за колхозной работой, может, некогда было и на базар съездить... Со смехом, с шуточками дело подходит к тому, что нужно голосовать. Горшков просит слова, встаёт. «Товарищи, пока не поздно, пока не проголосовали — подумайте получше. За доверие спасибо, но всё же подумайте ещё. Как бы не пришлось после пожалеть. Может, кой-кому хуже будет». И сел. Шутники не унимаются: «Не будет хуже! Хуже некуда!» «Валяй, голосуй!». Проголосовали. Выбрали председателем колхоза Степана Горшкова.

На другой день приходит Горшков в правление принимать дела от старого председателя. Так же, как был, одет, в опорках, только штанину зашил. Бывший председатель думал сдать дела быстро, как и сам принимал: вот тебе печать, вот подушечка для печати — садись, действуй. Степан: «Без глубокой ревизии не приму». Ему говорят: так была же ревизия, перед самым отчётным собранием, три дня назад! «Вор вора проверял». Вызвал из района

ревизоров. Две недели копался, перевешали весь хлеб в амбарах, продукты в кладовых, сам каждую бумажку в бухгалтерии проверил, поднял дела и трёхлетней давности, в общем, так принял колхоз, что человек пять бывших правленцев и членов ревкомиссии засадил в тюрьму по закону от 7 августа.

Потом созвал бригадиров и говорит: «Довольно вам по дворам ходить, дразнить собак, загадывать на работу. Кто не хочет и в этом году остаться без хлеба — выйдет в поле без вашего приглашения». А уже в каждой семье — только и разговору о том, как новый председатель дела принимал, с жуликами расправился. Думают люди: пожалуй, теперь иначе дело пойдёт, будет чего получать по трудодням. Как бы не ошибиться, дома сидя. И повалили все на работу.

С тех пор колхоз пошёл в гору. Хорошо вспахали, во-время посеяли, убрали — с урожаем, с хлебом! Когда жирок завяжется — хозяйство быстро растёт! В два года «Сеятель» стал передовым колхозом в районе. Хотели было перебросить Горшкова в другой отстающий колхоз, чтоб и там наладил дело, — куда там! Колхозники — ни в какую! «Не отдадим Степана Егорыча!» Послали ходоков в Москву — отстояли.

— Это очень похоже на наш колхоз, — сказала Марья Сергеевна. — Был у нас хороший председатель, забрали его в район заведующим сельхозотделом райкома. У нас так — чуть проявит себя на работе председатель колхоза, — торопятся выдвинуть его в район. А мы через год прокатили нового председателя — при нём дело пошло хуже — и вынесли решение: избрать старого, Ивана Романовича Шульгу. Он в райкоме работает, а мы его выбрали, самосильно. Поехали с этим решением в обком — добились, вернули нам Ивана Романовича.

— Вот, вот! Из колхозов-то мы торопимся выдвигать стóящих работников. Будто наши учреждения существуют ради себя. Не ради себя — ради колхозов! Да будь у нас во всех отделах в райкоме и райсовете профессора, доктора экономических на-

ук — положение не улучшится, если где-то в колхозах останутся шляпы, пьяницы!..

— Разговорился я как-то с этим Горшковым, — продолжал Мартынов, — о его прошлой жизни, о колхозе. «У меня, — говорит, — сердце изболелось, глядя, как воры, проходимцы зорили наш колхоз. Я в активе ходил, когда колхоз организовывали, кулаков выселял, мне в окна стреляли, хату мою поджигали, и я же в этом колхозе дожился, что сапог не стало. Всякая сволочь смеётся: «Вот он, тот рай земной, Стёпка, что ты нам обещал, — ты уж на Адама стал похож». Сами же угробляют колхоз и ещё издеваются. Эх, думаю, мне бы власть! Добрался бы я до вас!»...

К чему я рассказал про этот случай Виктору Семёнычу? Да не без задней мысли. И нам надо бы поискать вот таких, у которых «сердце изболелось». А кто едет в колхоз под угрозой исключения из партии или только потому, что в райцентре ему уже больше никаких должностей не дают, — грош цена такому председателю! Ну и что же? Рассказал ему — он и усом не повёл. Поехал на другой день в колхоз «Наш путь» проводить отчётно-выборное собрание — три раза заставлял колхозников переголосовывать, пока выбрали-таки этого прохвоста Камнева, которого сейчас приходится судить за падёж скота и растрату.

Мы не всё знали про Камнева, когда обсуждали его кандидатуру на бюро. Знали, что в промкомбинате он не справился с работой и на маслозаводе его сняли за самоснабжение. Товарищи говорят: это дело старое, он понёс уже за это взыскание, учтёт на будущее время. Но там колхозники столько рассказали про него, что, конечно, нужно было не настаивать, извиниться перед собранием за свою ошибку и подумать о другом человеке. Он родом из соседнего села, его там все знают. Говорят: «На трибуне — соловей, на деле — ворона». Были заявления, что он партизанскую медаль обманом получил. Отрастил бороду и жил у родичей в соседнем районе, где его не знали, только всего и геройства. Да эва-

куированным скотом барышничал. Но Борзов упёрся, ничего не стал проверять. Есть решение бюро — надо проводить его в жизнь. Взял собрание измором. Райком-де недостойных людей в колхозы не посылает. Он считает, что от этого пострадает авторитет райкома, если люди где-то в чём-то нас поправят...

— Открытие сделал! — вдруг просиял Мартынов, встал и заходил по комнате. — Всё время мучил меня вопрос: почему у нас среди партактива мало добровольцев ехать в колхозы председателями? Если даже практически рассудить: чем быть мне вечно уполномоченным в селе, разрываться между своим учреждением и командировками, так пошлите уж меня председателем! И зарплату высокую установили для таких, взятых с другой работы. Секретарь райкома столько не получает, сколько в крупном колхозе, при хорошем урожае, может председатель заработать. И — нет охотников. Район, думаю, что ли, здесь какой-то особенный? У нас там это не было проблемой. Догадался, наконец! Борзова боятся. Есть и здесь такие, что с удовольствием променяли бы свою канцелярию на живую работу в колхозе, с народом, но — его боятся. Боятся — что ни сделаю хорошего, всё пойдёт насмарку. Он тебя и группой урожайности подрежет, и выговор ни за что влепит — за то, что в проливной дождь комбайны не работали. Нет хуже для председателя колхоза, когда он не уверен, что ругать его будут лишь за дело, а помогать по-настоящему, что в своей трудной работе, где не раз, конечно, и ошибёшься, он не станет жертвой произвола, самодурства... В общем, можно сделать вывод: если где-то жалуются, что лишь в порядке партийной дисциплины удаётся послать человека в колхоз на должность председателя, — ищи причину в самом райкоме... Может, спросишь: откуда я знаю психологию председателя? Так я же сам был председателем колхоза, три года, забыл рассказать. Там и очерк свой написал. Меня тоже «выдвинули». «О, так у нас, — говорят, — есть свой писатель!» — и назначили меня заведующим типографией райгазеты. Оттуда и пошёл по газетам.

— От твоих открытий, Пётр Илларионыч, я сегодня, кажется, всю ночь не буду спать, — сказала Марья Сергеевна. — Я вот думаю, между прочим, — добавила она с невесёлой усмешкой, — за что он меня полюбил? Я и девушкой не была красавицей... Мода пошла тогда такая — на знаменитых стахановках жениться. У нас и предрика женился на простой девушке, звеньевой, из первых орденоносцев, про неё тоже во всех газетах писали...

— Ну, это уж я не знаю, как у вас было, — ответил Мартынов. — Тут я вряд ли помогу тебе сделать правильные выводы.

Закурил, сел, попросил Марью Сергеевну налить ему чаю.

— Любое живое дело можно загубить, если делать его равнодушными руками, с холодной душой, — продолжал он. — Вот нам сейчас подсказали: выдвигайте в председатели колхозов специалистов сельского хозяйства, агрономов, зоотехников. Правильно! Давно пора! Ведь что получается. В промышленности, на заводах начальник цеха — обязательно инженер, не говоря уж о директоре завода. Там кадры учат, основательно подготавливают. А ведь иной колхоз — тот же завод по объёму работы: громадное полеводство — тысячи гектаров, всякие подсобные отрасли, строительство оросительных систем, лесонасаждение. И всё на самородках выезжаем. У лучшего нашего председателя Демьяна Васильевича Опёнкина образование — три класса церковно-приходской школы. Учим мы председателей? Да, учим. Есть вот областная школа председателей колхозов, трёхгодичная. Дали нам на район два места, послали двух человек. Пока всех председателей пропустим через эту школу — пятьдесят лет пройдёт. Конечно, нужно побольше выдвигать агрономов на руководящие посты в колхозы! Рано или поздно к тому придём, что и бригадиры у нас будут все агрономы. Но как это сейчас делается у нас?..

У Борзова на столе лежит разнарядка: послать восемь агрономов в колхозы председателями. Есть — послать! А кого послать, как послать — это его не

очень волнует. Лишь бы выполнить в срок задание по количеству и отчитаться перед обкомом. Но ведь агроному, чтобы он справился с обязанностями председателя, нужно, кроме диплома, иметь и талант организатора. Он должен быть вожаком, массовиком, воспитателем народа. А в первую очередь — должен быть готов послужить верой и правдой советской власти на очень трудном посту!.. А мы вот послали в отстающий колхоз Аксёнова. Двадцать лет просидел человек в конторе Сельхозснаба, — не по специальности, счетоводом, наряды какие-то выписывал, должно быть, уже и позабыл всю ту агротехнику, что учил в институте. От трудностей колхозного строительства спасался там. Чего же хорошего дождёмся от этого трухляка? Но для отчёта перед обкомом он годится — диплом о высшем агрономическом образовании имеет...

А от таких много ли проку? Если парень поступил в сельскохозяйственный институт только потому, что не прошёл по конкурсу в институт кинематографии, и вся его колхозная практика — выезды на уборочную в колхозы на каникулах? Мы и таких двух агрономов послали председателями. Но ребята мне понравились. Комсомольцы, не робеют. Много задору, свежий взгляд на такие вещи, к которым мы уж притерпелись, искренне удивляются, почему до сих пор, при нашей передовой науке, при нашей механизации, мы не берём урожай хотя бы пудов по двести с гектара?.. Если помочь им, — может быть, дело у них пойдёт. Но если с первого дня начать стучать кулаком по столу: «Вы же — специалисты! Вы больше других председателей знаете! Я с вас три шкуры спущу!» — не знаю, как оно с ними получится...

Очерку нет пока продолжения, так как пишется он почти с натуры. Он, может быть, вырастет и в повесть, но для этого необходимо развитие событий в жизни. Я встречаю таких людей, слышу такие

споры, как у Мартынова с Борзовым, в одном районе.

Какие решения примет обком об этом районе, как пойдут там дела дальше, как повернутся личные судьбы людей, представленных читателю в этих первых главах очерка, — это всё нужно ещё понаблюдать в жизни. Возможно, это и будет содержанием следующих глав.

1952 г.

О ЛЮДЯХ «БЕЗ СТЕЛЬКИ»

Будучи в командировке в одном сельском районе, я зашёл в сапожную мастерскую райпромкомбината. Пока мастер прибивал к моему сапогу оторвавшуюся подмётку, я сидел и слушал его жалобы на директора комбината. В мастерской работало человек десять сапожников. То, о чём начал говорить мой мастер, — звали его Мирон Иванович,— живо задевало всех. Речь зашла о непорядках на производстве.

Райпромкомбинат в сельской местности — не бог весть какое колоссальное предприятие. Его так называемые цеха — это обычно кустарного типа мастерские с небольшим количеством рабочих. Но для своего района, при хорошей постановке работы, эти мастерские могут сделать много — и колхозы снабдить всякой хозяйственной утварью, и добавить разных ходовых товаров в магазины для населения.

Об этом и рассуждал Мирон Иванович, приколачивая железными гвоздями подмётку, чертыхаясь, когда концы гвоздей не загибались внутри на лапке — очень уж толсты были они.

— Нашего изделия... А замки наши вы не видели? Безопасные — никакой жулик не отомкнёт. Сам хозяин с ключом не отомкнёт. Защёлкнул — навеки!.. Рашпиль тоже нашего производства. Вот, полюбуйтесь, ежели понимаете. Разве можно им кожу зачистить? Насечка — как зубья у бороны. Не зачищает, а дерёт. Делали — лишь бы поскорее план выполнить. А вот — молоток. Стукнуть покрепче по железу — головка долой. Сами себя не

можем хорошим инструментом обеспечить, что уж тут говорить о продукции, которую на продажу выпускаем!..

— А мне рассказывали другое о вашем комбинате. Хвалили, как лучший в области.

— Э-э, товарищ дорогой, так то ж было в прошлом году, при старом директоре! Действительно, было чем похвалиться. Гремели на всю область. Переходящее знамя держали... Товарищ Сергеев был у нас — вот то директор! И каким, скажи, ветром занесло его сюда? Ленинградец, инженер. Воевал в наших краях, тут его ранило, вылечился в госпитале и остался у нас.

И сапожники наперебой стали рассказывать о Сергееве: как он хорошо руководил производством, как заботился о рабочих, как расширил и укрепил комбинат. До войны у них было всего три цеха, а Сергеев открыл ещё десять новых цехов: и щётки делали, и хомуты, и мебель, и детские игрушки. Бумагу делали из соломы. Все инвалиды пошли работать к Сергееву, и слепым нашлась работа — веники вязали. Был в районе детдом — пятьдесят сирот погибших фронтовиков, — Сергеев взял всех ребят на полное обеспечение комбината, старших устроил учениками в мастерские. При нём райпромкомбинат занимался даже таким необычным делом, как восстановление разрушенных зданий, ремонтировал школы, больницы. Было у них большое подсобное хозяйство, давало много продуктов, рабочих кормили в столовой сытно и дёшево.

— Работал он здесь, а мы дрожали за него: заберут его от нас! Орёл! Ему высоко летать.

— Так и вышло. Два года всего пробыл здесь.

— Завод строит сейчас большой где-то в Донбассе...

— Станет, бывало, речь говорить на собрании — каждое слово тебе в душу вложит. Расскажет людям, что творится на белом свете, и к нашим делам подведёт — для чего нужны, мол, наши ободья, хомуты: всё для колхозов, для народного

хозяйства. И мы, дескать, не последние винтики в государстве.

— Оно и работать веселее, когда пользу от своего дела сознаёшь.

— Умел поднять дух рабочего человека.

— На таких руководителях земля наша стоит!..

— А теперь у нас директором товарищ Сергеенко, — продолжал Мирон Иванович. — На каблук косячёк положить? А, может, набойку? Тогда уж и на другой сапог придётся положить, как это говорится, для... чего?

— Для симметрии.

— Вот, вот. Давайте сапог... Был товарищ Сергеев, теперь товарищ Сергеенко. По фамилии разница небольшая — Сергеев, Сергеенко, — а по делу, как небо от земли! Зайдёт в цех — здравствуй людям не скажет, будто и не замечает никого. Молчит, сопит, всё вроде сердится на нас. А за что? За то, что сам неудалый? Хотя, как сказать — неудалый. На дело у него способностей нет, а так чего-нибудь скомбинировать — это он умеет. И, скажи, какие люди есть! Ну, не можешь сам собственной головой ничего хорошего придумать, так хоть бы по готовому ладу вёл. Как настроили до тебя, так и держи. Нет, и этого не может. Или не желает. Три цеха уже прикрыл. На которое производство нет приказа сверху, считает — лишняя обуза, надо его ликвидировать. Вот — гвозди. Это при нём стали такие делать. Крупные гвозди скорее делать, чем мелочь, а ему лишь бы отчитаться по весу, что выполнили план. А что мы его клянём тут, и что гвоздь этот подошву рвёт, обувь губит заказчику— на это ему наплевать... Бондарный цех закрыл, а дом себе под квартиру приспособил. Не то, чтобы жить ему негде было, имел квартиру, хорошую, но — не особняк. Посмотришь на его ухватку — ничто ему не болит наше! С подсобного хозяйства возами продукты тащит. Вот и вся его забота — о своём брюхе. Загубит он наш комбинат!..

Из того, что Мирон Иванович ещё рассказывал о Сергеенко, стало ясно, что у рабочих были серьёз-

ные основания тревожиться за судьбу своего предприятия. Их нынешний директор переменил в районе уже немало должностей. Работал на райбазе по заготовкам овощей — сняли, не справился. Был заведующим райсельхозотделом — сняли, с выговором. Был председателем райпотребсоюза — сняли, объявили строгий выговор, чуть под суд не угодил за самоснабжение. Ещё откуда-то снимали его раза два. И вот опять назначили на ответственную должность — директором райпромкомбината.

Бывает ещё у нас так, к сожалению. Человек неоднократно доказывал делом, вернее, провалом порученного ему дела, свою никчёмность, неспособность руководить людьми и занимать ответственные посты, но всё же его продолжают считать кадровым ответственным работником определённого масштаба. Хотя весь «масштаб» тут заключается лишь в том, что его то и дело выставляют из районных или областных учреждений. Но именно из областных или районных, не ниже. Поэтому, что ли, к нему привыкают, как к «кадровику»? Какой-то гипноз послужного списка. После очередного строгого внушения за очередной развал работы в очередном учреждении товарищи в отделе кадров снова ломают голову над вопросом, куда его послать теперь, какую подыскать ему новую должность, чтоб и не очень всё же обидеть его, не понизить в ранге, зарплате?..

— В райсельхозотдел, в райпотребсоюз — всё в рай и в рай его пихают, тьфу ты пропасть! — плюнул с ожесточением Мирон Иванович. — Архангел какой! Херувим! В раю ли ему место? Выговора, предупреждения. Да разве его этим исправишь? К нему, что ни прилепи — держаться не будет: Стельки нету. Знаете, как в сапоге — стелька самый главный предмет. Основа. Ежели хорошая стелька, то и подмётку подобьёшь, и союзку положишь, а ежели плохая — весь сапог не годится, хоть заново перетягивай. Так и Сергеенко наш: Хоть выговор ему, хоть два, хоть деревянными гвоздями прибей, хоть железными, вот этими ко-

стылями — ничто не пристанет. Лубок трухлый у него в серёдке, вместо стельки... Придётся, должно быть, самим какие-то меры принимать. Пойдём в райком, расскажем, что у нас тут делается. Может, он туда совсем другую продукцию представляет из наших цехов, высшего качества, по ней и судят о его работе? А как он для народа старается — того не видят. С лица только видят его. Он же и заходит в кабинеты лицом вперёд и выходит, не оборачиваясь, спиною дверь открывает. А мы-то здесь осмотрели его со всех сторон. А не добьёмся правды в районе — поедем в обком!..

Не раз думал я, после этого разговора с сапожниками, что же такое стелька в человеке, по образному выражению Мирона Ивановича?

Можно, пожалуй, объяснить так. Люди без стельки — это умеющие внешне производить впечатление, а внутренне — никчёмные работники, бездельники, болтуны. Но ведь встречаются и очень деловитые люди, энергичные, хозяйственные, а тоже с какой-то душевной пустотой. Иной раз это даже не пустота, а нечто другое, в чём тоже нужно бы разобраться поглубже: не уведёт ли оно человека, при всех его благополучных на вид «показателях», куда-то совсем в сторону от больших жизненных целей советского общества?..

В одной кубанской станице работали председателями колхозов двое старых моих знакомых — Тихон Поликарпович Наливайко и Максим Григорьевич Рогачёв. Оба руководили крупными богатыми колхозами. «Передовик», колхоз, где был Наливайко, имел годового дохода перед войной свыше двух миллионов, называли его «дважды миллионер». Колхоз «Серп и молот», где работал Рогачёв, немного отставал по доходности, но тоже приближался к двум миллионам. Рогачёв и Наливайко считались лучшими председателями в районе, их колхозы раньше всех кончали сев, уборку, у них

больше, чем у других, распределялось хлеба и денег по трудодням.

Наливайко и Рогачёву, людям уважаемым, бывало, прощалось в районных организациях многое такое, за что других не преминули бы взгреть.

Если бы председатель какого-нибудь отстающего колхоза в разгар полевых работ повёз в Краснодар два вагона ранней капусты и сидел там со своим товаром неделю, выжидая дождя, — чтоб прекратился подвоз и поднялась цена, — это ему не сошло бы даром. Наливайко — сходило, потому что в хозяйстве у него было всё налажено, были у него распорядительный заместитель, толковые бригадиры и его отлучки не отражались на текущих кампаниях. Если, случалось, и журили его за чрезмерное увлечение базаром, то в шутливом тоне, похлопывая по брюху: «Социалистическое накопление? Красный Ротшильд! На который миллион перевалило?».

Рогачёв — жилистый, худой, почерневший и высохший на степных ветрах, красный партизан, боец Первой Конной — тоже был не дурак насчёт купли-продажи. И о нём говорили с похвалой: «Хозяин! Копейки колхозной не упустит!»

«Не для себя — для колхоза», — этим оправдывалось всё, и это мешало райкому партии глубже вникнуть в дела оборотистых председателей.

Мне, жившему ближе к ним, многое в их колхозах — и хорошее, и плохое — было виднее. Чувствовалось, что у самих председателей в душе осталось ещё что-то от мужика, от крестьянской ограниченности. Всё для нашего колхоза, а что за нашими межами — хоть пожаром сгори! Любить колхозное, как своё — этому они научились. А дорожить государственным, как колхозным — этому им ещё надо было научиться.

Странная вещь: в самой богатой станице района, где было два колхоза-миллионера, учителям, врачам и рабочим МТС жилось труднее, чем в других, не столь богатых станицах и хуторах. Наливайко и Рогачёв «монополизировали» рынок и завышали цены на продукты, как им вздумается. Даже

в городе всё стоило гораздо дешевле, чем на местном глубинном рынке, но до города — тридцать километров, за молоком туда не наездишься.

Из-за этих двух самых мощных, но не отзывчивых на общественные начинания колхозов в станице сорвалось строительство межколхозной электростанции. Наливайко и Рогачев никак не могли договориться, кому проводить свет в первую очередь, а кому во вторую — строительство планировалось на две очереди. Решили строить каждый себе «собственную» станцию. Но для маленьких электростанций трест не отпускал оборудования. Так и жили там люди при керосиновых лампах и каганцах. Не было станичного клуба, радиоузла, школы не освещались по вечерам. А хлеба колхозники получали по десять килограммов на трудодень

Поговаривали, будто Наливайко приказал однажды чабанам перед стрижкой овец целый день гонять отары по пыльным дорогам и взлобкам, чтоб набилось песку в шерсть — для весу. Все умные хозяева, мол, делали так раньше. А Рогачёв дал как-то свой духовой оркестр в соседний колхоз — похоронить с почестями одного старика-активиста, — а потом прислал его вдове, больной одинокой бабке («чужая» — из другого колхоза) повестку на сто рублей «за пользование оркестром».

Их звали иногда в шутку «братья Копейкины»— в станице были когда-то знаменитые купцы-воротилы Копейкины. Но теперь всем ясно, что Наливайко и Рогачёв, при некоторых схожих чертах, не были все же братьями по духу. Я говорю теперь потому, что в военные годы их пути круто разошлись.

Рогачёв был малограмотный человек, с трудом прочитывал районную газету и, кроме нее, пожалуй, никакой литературы и в руки не брал. Это был организатор-самородок, практик, доходивший до всего «нутром», выросший за годы коллективизации из рядового крестьянина в руководителя огромного общественного хозяйства лишь благодаря своей преданности делу. Сколько я знал колхоз «Серп и мо-

лот», там не было хорошего парторга, не было возле Рогачёва человека, который неотступно помогал бы ему государственно осмысливать всякие вопросы, расширял бы его кругозор, пристыдил бы его кстати и за барышничество: с кого же ты дерёшь, мол, по пять рублей за арбуз — с рабочего МТС, который тебе тракторы ремонтирует?

Но руководил колхозом он все же, как председатель, а не как управляющий. Созывал часто общие собрания, советовался с народом, не командовал, помнил и старался соблюдать колхозный Устав. Любил Рогачёв свой колхоз беззаветно. Почти не жил дома, дни и ночи проводил в поле, личным хозяйством совсем не занимался. И если скупился и даже жадничал, выгадывал всячески, как бы положить в кассу лишнюю сотню рублей, то действительно, «не для себя». Себе он отказывал в самом необходимом, боясь, чтоб колхозники не упрекнули его в мотовстве. Само правление как-то решило купить председателю выездную тачанку, а то всё ездил по бригадам на случайных подводах, а больше ходил пешком: не хотел отрывать от полевых работ лошадей и расходовать трудодни на конюха.

Наливайко был другого склада хозяйственник. Этот часто говаривал колхозникам: «Я вам гарантирую, что по десять килограммов на трудодень вы получите, и всё — не мешайте мне делать, что я хочу». О колхозе он заботился, но и себя не забывал, смотрел на колхозные кладовые, как на собственные, выписывал «по себестоимости» целые свиные туши, мёд, масло пудами — сверх причитающегося на его председательские трудодни, — ездил без нужды ежегодно на курорт за счёт колхоза. «Дорогой председатель? — говорил он на отчётных собраниях, предупреждая выступления недовольных колхозников. — Дорогой? Ну, что ж, вы свои десять килограммов получите, а я своё возьму. А не нравлюсь — выбирайте дешёвого. Он вам развалит хозяйство, по килограмму будете получать. Лучше будет?»

Когда стансоветские комиссии перемеряли усадьбы колхозников, выявляя излишки сверх положенно-

го по Уставу, у самого председателя колхоза тоже пришлось отрезать два лишних огорода. Было у него три коровы, полный баз овец, свиней, птицы. Жена его не управлялась одна с домашним хозяйством и огородами, держали работницу, какую-то не принятую в колхоз бывшую кулачку.

Смотришь, бывало, как живёт Наливайко и думаешь: а, может быть, такому председателю колхоз дорог лишь тем, что дал ему доходную должность? Может быть, только это и вдохновляет его на накопление миллионов — что он оттуда немалую толику и для себя урвёт?

С людьми он обращался неприветливо, грубо. Колхозники неохотно шли к нему со своими нуждами, боялись его, не любили. Однако ценили его хозяйский глаз, опыт, смекалку. Одни его широкие знакомства чего стоили: мог достать для колхоза, сколько нужно, и кровельного железа, и стекла на парники, и гвоздей.

Проработал он председателем «Передовика» пять лет. Там и застала его война. Разразились события, изломавшие всё привычное, налаженное. Наступило время проверки каждого человека — способен ли он выдержать тяжелейшие испытания, как готовил себя к ним, не потеряет ли, несмотря ни на что, веру в победу? Да и нужна ли она ему, победа, настолько, чтобы он не мог жить без неё?..

Я знаю, что Наливайко не был выходцем из кулацкой или помещичьей семьи. До коллективизации он был бедняком. Привело его к тому, к чему он пришёл, не чуждое социальное прошлое, не «голос крови», а — голос шкуры.

На месте секретаря райкома, отбиравшего в партизанский отряд лучших, надёжнейших людей, я бы не допустил в отряд Наливайко, не доверил ему партизанские тайны. Черты собственника-стяжателя слишком явно проступали в нём. Можно ли было не опасаться, что в критическую минуту личное благополучие он поставит выше всего?.. Но в таком случае, естественно, возникает и другой вопрос: зачем же его держали председателем колхоза пять лет?

И не следовало бы ещё раньше призадуматься—для чего этот человек вступал в партию?..

После оккупации немцами Украины, Ростова, прорыва на Кубань Наливайко потерял, видимо, надежды на возвращение Красной Армии. Когда немцы подошли к станице, он, обвешанный гранатами, опоясанный двумя патронташами, с охотничьей двустволкой, ушёл ночью с партизанами в плавни. Ушёл, но до места не дошёл. (Обо всём этом партизаны рассказывали мне уже после войны, когда мне случилось опять побывать в этой станице). Присел где-то на полпути переобуться, отстал в темноте и больше его в отряде не видели. Спустя несколько дней партизанские разведчики донесли командиру отряда, что Наливайко вернулся домой и назначен немцами станичным старостой. Купил Наливайко «помилование» и даже доверие немецкого командования ценою предательства: выдал немцам партизанские базы. Но знал он расположение не всех баз, только тех, куда сам возил продукты за несколько дней до ухода партизан в плавни.

А затем, в новой должности, Наливайко делал всё, что делали и другие старосты, из кулаков и бывших белогвардейцев: угонял молодёжь в Германию, отмечал день рождения Гитлера, выдавал на расправу гестаповцам семьи партизан и коммунистов. За пять месяцев службы оккупантам успел, беря из лагеря на работу пленных красноармейцев, построить себе новый кирпичный дом в станице, получил от коменданта «в собственность» за усердие в выполнении поставок для немецкой армии бывшую колхозную вальцовую мельницу...

В январе сорок третьего года партизаны совершили удачный налёт на немецкий гарнизон в станице, разгромили роту эсэсовцев. Полицаев брали живьём. Наливайко подняли с постели в его новом доме в кальсонах и, не дав ему времени одеться потеплее, увезли в плавни. Разговор там с ним был недолог. Партизан не очень интересовали психологические подробности его падения: что и как заставило его продаться врагам родины? Экономя боепри-

пасы, спустили его в прорубь — «именем советского народа». В числе приводивших приговор в исполнение был и Максим Рогачёв.

О Рогачёве партизаны рассказали мне много хорошего. Дрался он с фашистами храбро, не щадя живота. Был три раза ранен. Уходя в плавни, Рогачёв отправил семью в дальнюю станицу, в горы, к родичам, а хату свою, не дожидаясь, пока немцы дознаются, что он в партизанах и уничтожат в отместку его домашность, сжёг собственноручно... Хату спалил, хватило духу, а когда подошли ночью в поле к скирдам необмолоченного колхозного хлеба — не выдержал: «Хлопцы! Да неужели ж не отобьём это добро назад? Это же хлеб! Сколько трудов вложено». И пошёл прочь, бросив на землю горящий пук соломы. «Не могу, палите сами»... Однако, отойдя немного и увидев, что ветер не перенёс огня с первой скирды на соседние, вернулся и доделал сам всё по-хозяйски... За боевые подвиги в отряде он был награждён орденами Ленина и Красного Знамени.

Сейчас он попрежнему председательствует в колхозе «Серп и молот».

Я спрашивал его: что он думает о Наливайко?

— Что думаю?.. — Рогачёв крепко, непечатно выругался. — Он мне всю душу, гад, перевернул!.. До сих пор думаю — за что нас братьями Копейкиными называли? Вот родич какой!

— Ну, это ты знаешь — за что... Помнишь, как Наливайко рисом торговал?

— Как же! Выделил пятьдесят продавцов, каждому два мешка риса под отчёт, командировку в зубы и — в разные города. Всю зиму возили. Пятьсот центнеров стаканами продали. Стаканами дороже выходило, чем крупным весом.

— А ты, глядя на него, муку блюдечками продавал в Харькове. Тоже держал целый штат разъездных спекулянтов. Превратили колхозную торговлю в какое-то мешочничество.

— То-то и оно — глядя на него... Не хотелось, чтоб меня худшим хозяином считали!..

Бывший командир отряда Алексей Кириллович

Осипов, вернувшийся из плавней обратно в свой секретарский кабинет в райком партии, вернувшийся, надо сказать, лучшим секретарём, чем знал я его раньше, более вдумчивым и серьёзным, говорил о Наливайко:

— Этого случая я до гроба не забуду. Как мы ошиблись в нём!.. Если бы не война, мы бы его, пожалуй, за хозяйственные достижения и к ордену представили. Ослепил он нас своими «показателями». Ведь нам в райкоме очень трудно приходится, когда председатели колхозов неопытные, неумелые. Уполномоченных держим безвыездно в таких колхозах, звоним, нажимаем. А к этому можно было месяцами не заезжать. Хозяйство у него — как часы! Забыли указание товарища Сталина, что колхоз — лишь форма организации, социалистическая, но все же форма, и всё зависит от того, какое содержание будет влито в эту форму. Такого шибая держали руководителем колхоза! А как мы его партийность проверяли? Опять же — по сводкам. Как он с людьми разговаривает, чему их учит, куда ведёт, какой пример им подаёт личной своей жизнью — в это не углублялись... Как его назвать? Перерожденец? А с чего бы ему переродиться? Обстановка влияла, среда? Вокруг него были советские люди и занимались все хорошим делом — социалистическим строительством. Нет, никакой он не перерожденец.

— Теперь он у тебя, Алексей Кириллыч, не выйдет из головы, пока формулировку не подберёшь.

— Да, такая наша обязанность — подбирать формулировки. Вам, писателям, что. Настрочил целый рассказ об одном человеке, литературный портрет, так сказать художественные тона, полутона, а нам надо — коротко и ясно. Протокол. Иной раз исключаем из партии, надо в двух словах сказать — за что? Вот ты рассказываешь про сапожников, как они того директора называют — «без стельки». Так этого же не запишешь в протокол... Не перерожденец он — от роду был сукин сын. Таким и в партию вступал. Не при царе ведь вступал, когда большевиков в тюрьмы сажали. Может, с должности председателя

колхоза метил и повыше, в предрика, а там, чем чорт не шутит, и в область, на какой-нибудь высокий пост?..

* * *

Труднее всего, пожалуй, «перевоспитать» карьериста, шкурника. Да и стоит ли над этим трудиться — в том смысле, чтобы уберечь такого человека от полного краха, сохранить его во что бы то ни стало, в «номенклатуре», в кадрах ответственных работников? Уберегать ответственные посты разных масштабов от таких людей — задача более своевременная и важная. Вот об этом и хочется ещё поговорить в этих заметках, вернувшись к началу.

В некоторых учреждениях у нас изучают людей не по их делам, а по их речам, учётным карточкам, дипломам, обещаниям и заверениям. Иной человек зажигательно, с пафосом говорит о необходимости быстрее двигаться вперёд, к коммунизму. Говорит, а самому коммунизм представляется неким журавлём в небе, не очень-то рвётся он к нему, не много сил тратит на это, норовит покрепче держать сегодня синицу в руках: персональную машину, отличную квартиру, высокий оклад. На словах он за демократию и критику, а на деле — самодур, не выносит критики, как чорт ладана. На людях — энтузиаст, а в личной жизни — обыватель, зевающий от скуки, когда сын ученик рассказывает ему о спорах на комсомольском собрании: «давай, сынок, хоть дома без политики, мне она и на службе надоела»... Коммунизм для него — служебная форма, и даже не повседневная форма, а парадный мундир, звучное слово для «закругления» митинговой речи. Смысл этого слова не доходит до его сердца.

А для советских людей борьба за коммунизм — всё содержание их жизни и в праздники, и в будни. Чем больше пота и крови стóит народу наше дело и его защита от врагов, тем дороже цели, тем непримиримее относится народ ко всему, что мешает нашему движению вперёд, к этим целям.

Об умении некоторых карьеристов пускать пыль

в глаза, производить внешне выгодное впечатление можно бы написать много, целое исследование. Тут и тонкое знание никем не писанного этикета, и угодливость, принимаемая по ошибке за служебное рвение, и обыкновенное нахальство, принимаемое за напористость, и ловкачество, похожее на инициативу.

Вероятно, у них есть свои «десять заповедей». Может быть, они и не заучивают их наизусть, не произносят вслух, ложась в постель или восстав ото сна, но живут они, безусловно, по каким-то интуитивно выработанным правилам.

Например:

Уезжая в отпуск, не оставляй заместителем человека умнее себя—могут сделать невыгодное для тебя сравнение, и твой отпуск превратится в бессрочный.

Учись. Не для расширения кругозора, а для отметки в личном деле о высшем образовании. Пригодится!

Люби критику, насколько сможешь. Не преследуй открыто, не увольняй людей за критику, это грубо и примитивно. Сумей обставить дело так, чтоб человек ушёл сам, «по собственному желанию».

Живи просто — проживешь лет сò сто. Побольше запрещай, поменьше разрешай. Иногда проще, безопаснее запретить какое-то «мероприятие», чем разрешить его.

Если уж провалился — старайся как можно искреннее признать свои ошибки. Признавай охотно, не артачься. Падай наземь и проси прощения — в характере русских людей не бить лежачего...

А впрочем — довольно. Не к чему перечислять все заповеди, а то как бы эти заметки не превратились в руководство для начинающих пролаз.

Рано или поздно, истинное лицо таких людей распознают у нас, и их карьере приходит конец. Товарищи убеждаются, что, действительно, «нет стельки», не к чему прибивать выговоры и последние предупреждения. Но между этими «рано» или «поздно» проходит иногда слишком много времени. Лучше бы раньше!

1948 г.

«ЛАВУЛИРУЮЩИЕ»

Слышал я в народе новый глагол — лавулировать. Новое слово, его нет ни в каких словарях. Похоже и на регулировать, и на лавировать, и на вуалировать. Но не то, и не другое, и не третье. Ёмкое по смыслу и очень точное слово. Зашла речь об одном ответственном работнике, и кто-то метко охарактеризовал его этим новым словечком: «Да он не работает, а так — лавулирует всю жизнь».

Ответственные работники потому и называются ответственными, что они на своих постах должны, обязаны самостоятельно решать многие серьёзные вопросы и отвечать за свои решения. Потому им много и даётся, что с них много спрашивается. Но некоторые товарищи принимают охотно лишь материальные и всякие прочие удобства, связанные с пребыванием на ответственных постах, а «неудобства», вытекающие из необходимости что-то решать, отстаивать и доказывать, согласны бы и отдать другим. Когда нужно решать мужественно, честно, они — «лавулируют». Удаётся им лавулировать иногда годами. На это уходят все их способности, без остатка.

Стоит ли доказывать, как важна в нашей жизни правдивая информация? Вот, скажем, на каком-то участке у нас плохо. Плохо в колхозах, где-то в каком-то отстающем районе или в области. Какие-то болезни сильно запущены, перешли в хронические. Необходимо вмешательство очень умного, опытного врача.

Изложить в информации всё честно и откровенно, что у нас, мол, в нашем районе, к стыду нашему, есть ещё колхозы, где новому председателю нужно начинать чуть ли не с того, с чего начинали в тридцатых годах — собирать актив и учить людей ценить общественное, как своё кровное; что мы непростительно скверно используем великолепную технику, растеряли старых трактористов и каждый год сажаем на новенькие, с иголочки, машины учеников; что в некоторых колхозах, действительно, образовался какой-то порочный круг — люди мало получили хлеба по трудодням потому, что мало его вырастили, а мало вырастили потому, что плохо работали, а плохо работали потому, что и в прошлом, и в позапрошлом году получили мало хлеба, и кто в этом виноват, не мы ли сами тем, что не помогли колхозникам до сих пор выбрать хороших председателей; что фактический умолот (то, что попало в амбары) намного оказался ниже учтённого на корню урожая — опять допустили большие потери и хищения при уборке, — написать обо всём этом, рассказать честно всё, как есть, значит, признать, что ты не справляешься с порученным тебе делом, самому, так сказать, напроситься на снятие с работы или строгое взыскание.

И «лавулирующий» товарищ предпочитает несколько приукрашивать истинное положение вещей. Ему нужды нет, что по точной, правдивой информации были бы своевременно приняты решения на пользу дела. Им руководят не интересы государства. Ведь коль скоро дело дойдёт до энергичных решений, ему не избежать ответственности. Так пусть уж лучше их совсем не будет пока, решений. Удастся продержаться, высидеть в своём кресле ещё годик, а там, может быть, учёба или перевод на другую работу — как-нибудь сойдёт с рук. Или, возможно, обнаружатся более серьёзные недостатки в другом месте. Какой-нибудь другой район, где ещё хуже, чем у него, будет фигурировать в решении, как пример того, к чему приводят негодные методы руко-

водства колхозами, и «затмит», спасёт таким образом его.

«Не суйся поперед батькà в пекло» — вот главное житейское правило лавулирующих.

Есть лавулирующие и в литературе.

Если человек по незнанию жизни пишет приторные пасторали — это явление тоже мало привлекательное, но по крайней мере в таких случаях автор хоть искренен: он, может быть, в самом деле, просматривая лишь газетные корреспонденции из передовых областей, думает, что у нас уже во всех колхозах председатели — агрономы с высшим образованием и кандидаты биологических наук и что, укрупнив колхозы, мы одним махом устранили все помехи на пути их дальнейшего развития. Судить такого незлонамеренного лакировщика можно лишь за наивность и недостойное писателя верхоглядство.

Но когда знающий колхозы писатель, проживший несколько лет в деревне, в гуще жизни, причём далеко не в передовой области, утверждает, что в наши дни в деревне конфликтов уже нет, ничто не мешает колхозам двигаться полным ходом вперёд, к коммунизму, — что это, как не сделка с совестью? Пишите, кому желательно, о контрастах, пестроте в урожаях, отстающих колхозах, а мне для моих сочинений о деревне хватит конфликтов и дореволюционной давности.

Удивительно, как он не чует своим профессиональным писательским нюхом, что он-то сам и есть персонаж для конфликтного сюжета — да ещё какого! — из нашей жизни.

Был у меня неприятный, оставивший тяжёлый осадок на душе, но в общем полезный, в смысле наблюдений, разговор с одним ответработником из лавулирующих.

Товарищ отвечает за большой участок работы, но не в первую голову, есть над ним начальники постарше, с них больше спросится. Ему-то уж и вовсе не к чему лезть «поперед батькà»...

Речь зашла о неравномерности урожаев, о легкомысленном подходе к подбору кадров председателей колхозов и т. п. В каком-то месте наших споров о методах руководства колхозами товарищ, вопреки очевидным фактам, упорно, но как-то вяло, бесстрастно, отводя глаза в сторону, убеждавший меня, что положение в общем терпимое и дела у них идут не так уж плохо, вдруг загорелся.

— А знаете, как ни плохо у нас — нам ведь не дадут окончательно развалить дело! В чём наша сила, сила советского строя?

Он вышел из-за стола и заговорил, как на трибуне, полным голосом, энергичным взмахом руки отрубая каждую фразу.

— У нас есть мудрая партия! У нас есть мудрое правительство! У нас есть государственный контроль! Рано или поздно нас призовут к порядку! Если мы докажем свою неспособность выправить положение, может быть, даже заменят нас другими работниками! Самая система советского строя такова, что жизнь у нас идёт вперёд и только вперёд! Здоровое, живое у нас всегда побеждает!

Глаза его светились радостью открытия. Лицо стало почти вдохновенным.

Вот, оказывается, чем некоторые лавулирующие успокаивают себя, оправдываются перед собственной совестью! «Советская система победит, предолеет всё! В том числе и трудности, возникающие у нас по вине таких, как я!»

Что советская система победит, преодолеет всё — в этом-то, разумеется, никто не сомневается!

Народ наш видел и видит на каждом шагу чудеса советской системы: восстановленную в неслыханно короткие сроки и далеко шагнувшую вперёд промышленность; великие сталинские новостройки; целые районы и области, где ещё девять лет назад сёла были сожжены дотла, а сейчас колхозы богатеют и процветают, будто и не было войны, оккупации. Он сам, народ, творит эти чудеса там, где руководят делом настоящие коммунисты.

Тем нетерпимее относится народ к «лавулирующим» горе-руководителям, по чьей вине какие-то участки нашего строительства пока ещё отстают.

И эта нетерпимость (вот в чём ещё сила советского строя!) тоже залог того, что у нас не будет отстающих участков.

1952 г.

В ОДНОМ КОЛХОЗЕ

В один из июльских предуборочных дней у конторы правления колхоза «Красное знамя» съехалось десятка три грузовых автомашин — из всех колхозов района. На каждой машине было полно колхозников. Но хозяевам не впервые было видеть у себя на площади такое скопление машин. Даже ребятишки спокойно поглядывали на эту выставку автомобилей разных марок. Разлёгшись в стороне, в тени под деревьями, переговаривались:

— Опять договор будут проверять?

— Какой договор! Всем районом, что ли, будут проверять? Видишь, сколько машин.

— Экскурсия?

— Понятно, экскурсия.

— По полям поедут?

— Сначала по полям, потом на фермы. Посмотрят, как электричеством коров доят.

— А потом, которых пригласят, пойдут к председателю обедать...

— Не все?

— Если всех кормить-поить, так у Павла Фёдорыча и зарплаты нехватит.

— У нас редкий день обходится, чтоб не было гостей.

Только одна машина привлекла внимание ребят. Они подошли ближе, долго рассматривали разнокалиберные скаты, кабинку, измятую, как старая консервная банка, с пробоинами, похожими на пулевые.

— Что, ребята? — высунулся из кабинки шофёр. — Такой техники ещё не видели? Ни за что не узнаете! Это машина марки «ГТТ».

— Первый раз слышим.

— То-то и оно! Передок и мотор немецкие, а задний мост с «форда».

— «Гитлер — Трумэна — Тащит», — объяснил один из колхозников, сидевших в кузове.

— Куда тащит? — спросила его женщина, сидевшая рядом.

— Потом разберёмся. Пока ещё поездим на них.

Из конторы правления вышли секретарь райкома Стародубов и председатель колхоза «Красное знамя» Назаров — Герой Социалистического Труда; оба высокие, в меру грузные для своих сорока с лишним лет мужчины, в защитного цвета гимнастёрках, галифе, хромовых сапогах, — издали по фигуре и костюму не отличишь одного от другого. Стародубов пропустил на заднее сиденье своего «газика» Назарова. Не оглядываясь, зная, что за его жестом следят, махнул рукой, сел рядом с шофёром, с треском захлопнул дверцу.

— Поехали!

Взревели моторы, заклубилась пыль. Колонна растянулась на полкилометра через всё село, впереди — вёрткий армейский «газик»-вездеход Стародубова.

— Куда? — спросил шофёр, чуть притормозив на выезде из села, где расходились три полевые дороги.

— Я думаю, Дмитрий Сергеич, — сказал Назаров, — начнём с тех полей, что захватило градом. Там похуже.

— А потом рожь Лисицына, перекрёстный сев, свёкла? Чтоб усилить впечатление под конец? Хитёр! Ладно, давай, Стёпа, по средней дороге.

На выбоине, заросшей травой, «газик» сильно тряхнуло. Назаров стукнулся головой о перекладину, почесал лоб.

— Амортизация!.. Когда же райком партии приобретёт себе «Победу»?

Стародубов усмехнулся, промолчал.

— Нам предлагали «Победу», товарищ Назаров,—сказал шофёр,— Дмитрий Сергеич отказался.

— Давали в обкоме на выбор: «Победу» или «газик», — сказал Стародубов. — Я говорю: «Мне машина для работы нужна, чтоб в любую погоду проехать куда надо». Взял этот вездеход... А вы, четырежды миллионеры, когда раскошелитесь на «Победу»? — обернулся он к Назарову.

— Должно быть, никогда, Дмитрий Сергеич.

— Почему так?

— Даже записано в решении отчётного собрания насчёт легковой машины для правления. А мне что-то не хочется её покупать. Боюсь, покажусь колхозникам каким-то чужим в «Победе». Они привыкли к моей таратайке.

— Ну, это глупости говоришь. Колхоз растёт, забот прибывает, всюду нужно поспеть, нужен хозяйский глаз. Зачем тратить лишнее время на разъезды?

— Не в том суть, чтоб за полдня все бригады обскакать. В иной бригаде можно и неделю не быть, если знаешь, что наладил там дело.

— Это так, конечно...

И больше ни словом не перекинулись до самой остановки на дальней границе земель колхоза «Красное знамя».

— Так вот, товарищи колхозники, — сказал секретарь райкома, когда экскурсанты сошли с машины и собрались вокруг него и Назарова, — это у них градобойные участки. Тут у них будет недобор.

— Это-то недобор?..

— Недобор, конечно, — сказал Назаров. — Присмотритесь, сколько колосков посечено, на земле лежит.

— Много лежит, но много и осталось!

— Потому много осталось, что много было, — сказал Стародубов. — Знаете, друзья, пословицу: пока толстый исхудает — из тощего дух вон.

— Нам бы, Дмитрий Сергеич, такой урожай, как у них этот недобор! — заговорила колхозница, при-

ехавшая на машине марки «ГТТ» из колхоза «Ударник», Христина Соловьёва. — А зёмли у них, глядим, никудышные. Глина, мел. Свистульки только лепить. — Метнула горячими чёрными глазами в сторону своего председателя. — Что бы они тут делали, радетели наши, на такой неудоби? Как бы они выкручивались? На чернозёме по семь центнеров берём!

— Если бы в колхозе «Красное знамя» были самые лучшие земли, я бы вас не привёз сюда на экскурсию, — сказал Стародубов. — Я привёз вас не землёй любоваться, а урожаем.

— Если на то пошло, — усмехнулся Назаров, — то можно похвалиться. Почвоведы утверждают, что хуже нашей земли нет по всей области. А на рельеф обратите внимание.

— Да уж обратили, Павел Фёдорыч, — подошёл председатель колхоза «Общий труд» Филипп Конопельченко. — Бугры, балки, косогоры. Карпаты!.. Жалко, что не захватили на экскурсию наших трактористов. Поглядели бы, каково вот тут работать! Того и гляди, загудишь вверх тормашками с комбайном в яр! Небось, пережогу в твоей тракторной бригаде — тонны! А?

— Третий раз приезжаешь ты к нам, Филипп Петрович, и всё допытываешься насчёт пережога. Нету, говорю, пережога!

— Ох, не обманешь, Фёдорыч! Сам десятый год председательствую. Чтоб по такому рельефу не быть пережогу? А спалит парень лишнего горючего рублей на пятьсот — вот у него уж и энергия отпадает...

— Как-нибудь открою тебе, Филипп Петрович, секрет, почему у наших трактористов нет пережога. Наедине поговорим. Не отвлекай, пусть люди поля смотрят.

— Ну как, товарищи, по-вашему? — обратился ко всем Стародубов.— Сколько возьмёт здесь колхоз «Красное знамя» пшенички, на этом градобойном участке?

— Погодите, пройдём дальше от дороги, посмотрим. Иван Спиридоныч! Как на твой глаз?

— Что — глаз? Сын плотник говорил отцу плотнику: «Наплюй, батя, на свой глаз, теперь у нас аршин есть». Обмеряем, посчитаем.

Отмерили в разных местах поля несколько квадратов, оборвали колосья, обмяли их в ладонях, провеяли зерно на ветру, взвесили даже — кто-то из гостей захватил с собой маленькие лабораторные весочки.

— Тринадцать центнеров будет, Дмитрий Сергеич.

— А почему с тех машин не слезли? Вы зачем, товарищи, ездите по полям? Катаетесь или урожай смотрите? Все слезайте, смотрите, щупайте! Вам же придётся дома отчитываться, что видели в колхозе «Красное знамя»!

И лишь после того, как все согласились, что, действительно, на этих самых плохих участках урожай будет не меньше двенадцати-четырнадцати центнеров, Стародубов скомандовал:

— По коням!..

Колонна грузовиков запылила по узенькой, извилистой — с перевала на перевал — полевой дороге. Пошли такие рослые хлеба, что местами приземистый райкомовский «газик» совсем скрывался в них, лишь пыль курилась столбом, словно смерч шёл по полям.

По сигналу Стародубова колонна останавливалась, экскурсанты спрыгивали на землю, рассыпались по хлебам, смотрели, щупали, обминали колосья.

— А здесь по сколько будет? — пытливо обращался ко всем Стародубов.

— Ну, здесь, пожалуй, все двадцать, Дмитрий Сергеич. Не меньше.

— А не больше?

— Да как уборка покажет. Если не прихватит суховеем. Зерно-то ещё, видишь, не окрепло, молочко...

— Вопросы к председателю есть? Сколько удобрений внесено, какой предшественник, чем подкармливали эту красавицу?

— Вопросов много к нему, Дмитрий Сергеич!

— А я думаю так, — подошёл Назаров. — Мне лучше бы ответить на все вопросы там, когда в клубе соберёмся. Расскажу и про нашу организацию труда и про агротехнику. А тут пусть люди смотрят, убеждаются.

— По коням!..

Возле свекловичных плантаций задержались дольше. Пышная зелень, без единой сорной травинки междурядья; дважды уже прополотые, ровные рядки — хорошо пойдёт здесь свеклокомбайн!.. Но Христине Соловьёвой приглянулось другое.

— Вот где руководители заботятся о нас, женщинах! Против участка каждого звена — шалашик. В холодочке пообедают, отдохнут. Видно, председатель сам когда-то с тяпкой работал, не забыл, как это от зари до зари спины не разогнуть?

— Мы, Христина Семёновна, эти шалаши строили не только от солнца, — обернулся к ней Назаров. — Придёт время копать свёклу — осень, ветры, дожди. Надо же где-то людям погреться.

— Ты смотри! — толкнула Христина Соловьёва другую колхозницу. — Второй раз сюда приезжаю, и он уже знает, как меня по батюшке зовут!

— А почему так распланировали? — спросил Филипп Конопельченко. — Один шалаш — в том конце поля, другой — в этом?

— Простой расчёт, товарищ Конопельченко, — ответил Назаров. — Если дождь захватит женщин ближе к тому краю загона — побегут в шалаш к соседнему звену. Если ближе к этому краю — сюда все прибегут.

— И что машинами возите сюда колхозниц на прополку — тоже расчёт? — спросил Стародубов.

— Ну-у? Машинами возите колхозниц на свёклу? — раздалось враз несколько женских голосов.

— А что же такого особенного? У нас в колхозе пять машин. Пусть мы затратим тысячу рублей на горючее, зато сколько выгадаем! Отсюда до села семь километров. Туда, обратно — четырнадцать. А работать когда? Постановили на заседании прав-

ления: в шесть часов утра все машины ждут пассажиров у конторы. Кто желает ехать — садись. Пришёл в четверть седьмого — опоздал, машины ушли. Так же и в обратный путь. Если хотите ехать, а не пешком итти, работайте до такого-то часа, ровно в назначенное время машины придут за вами в поле. Вот и увеличили рабочий день. Вдвое быстрее прополка пошла.

— Расчёт! И людям выгодно.

— А как же! За ходьбу трудодни не пишут.

— Ну и как, товарищи колхозники, — повёл рукой вокруг Стародубов, — сколько, по-вашему, возьмут они здесь сахарной свёклы с гектара?

— Если ещё дождик-два...

— Метеорологи обещают.

— Да ежели во-время уберут...

— А почему бы им не убрать во-время? Дисциплина, что ли, хромает у них?

— Да что говорить, Дмитрий Сергеич! — кинул всердцах фуражку оземь один колхозник. — Что ты нас агитируешь? Все — хлеборобы, не первый год землю пашем! По триста пятьдесят центнеров будет тут на круг!

— Кабы такой урожай по всему Советскому Союзу, дома бы строили из сахара вместо кирпичей!

— Как в сказке — молочные реки, кисельные берега?..

— По коням!..

Собрание в переполненном клубе открыл Стародубов. Президиум не выбирали. Это было не собрание, а просто подведение итогов экскурсии.

— Я привожу сюда, товарищи, уже пятую экскурсию, — сказал Стародубов. — Как Назаров не жалеет горючего на прополку свёклы, так и мы не пожалеем горючего на это дело. Дадим каждому колхозу дополнительные лимиты, — но чтоб все люди побывали здесь, посмотрели своими глазами, убедились! И трактористов привезём, покажем им здешние «карпатские горы» и урожаи на этих го-

рах!.. Предоставим слово Павлу Фёдоровичу. Пусть он теперь расскажет, каким путём это всё достигнуто: такая чистота на полях, порядок на фермах, доходы, строительство. Давай, товарищ Назаров! А потом ещё поговорим.

Доклад Назарова был суховат. Цифры и факты. Он почти не заглядывал в истрёпанные листки с «тезисами», — не первый раз отчитывался по ним перед таким собранием, помнил всё наизусть. В нынешнем году одни лишь капиталовложения в хозяйство составляют миллион. За прошлый год колхозники получили на трудодень по четыре килограмма зерна и по шесть рублей деньгами. Нынче, если выдержат план урожайности, доходность трудодня будет выше. Организация трудодня такая-то, всё делается, как положено по Уставу: главное внимание — укреплению бригад, но и звенья на пропашно-технических культурах не забыты. Из девятисот семидесяти пяти трудоспособных колхозников нет ни одного, не выполняющего рабочий минимум в трудоднях. Весенний сев был проведён в восемь дней, ни одного гектара весновспашки, всё по зяби. Минеральные удобрения по разнарядке полностью выкуплены и завезены, даже больше завезено — за счёт тех колхозов, которые отказались от них. Местные удобрения используются полностью, старого навоза не найдёте нигде ни грамма — ни на фермах, ни во дворах колхозников, — всё вывезено на поля. Уход за растениями — строго по утверждённым агроправилам: столько-то прополок, подкормок. Скот на фермах — исключительно племенной, высокопродуктивный. План развития поголовья по всем видам скота перевыполнен на двадцать-тридцать процентов. Дохода от животноводства получено столько-то и т. д.

Слушать его доклад было скучновато. Цифры, факты замечательные, но будто всё сделалось само собой, потому стал колхоз передовым, что все сознательно выполняют в точности Устав сельхозартели и министерские агроправила, не было будто борьбы, трудностей, помех. Он ни разу не сказал в докладе

«я», «у меня», «я сделал», только — «мы», «у нас», «мы решили». Хорошая скромность, но в ней стушёвывалась руководящая роль председателя.

Мне приходилось не раз слушать в другой обстановке рассказы Назарова о колхозе, о пережитом и сделанном здесь за пять лет. Куда лучше рассказывал он об этом под настроение, в небольшой компании, нежели с трибуны перед многолюдным собранием. Он обладал и меткой наблюдательностью и народной образностью языка, был горяч и остроумен в споре. Но здесь, в клубе, все собрались сегодня послушать о достижениях колхоза «Красное знамя», похвалить его, Назарова, поставить в пример другим председателям, споров как будто не предвиделось. Может быть, поэтому он и сделал свой доклад без огонька.

После доклада один колхозник из гостей, не дождавшись, пока Назаров ответит на все вопросы, попросил слова.

— Не о том вы спрашиваете, товарищи, Павла Фёдорыча, — горячо заговорил он. — Про агротехнику нам и свой агроном дома расскажет: когда лучше гречку сеять, когда клевер косить. По книжке — так, а на деле иной раз совсем не то выходит. Живыми людьми всё делается!.. Вы вот про что расскажите нам, Павел Фёдорыч. Сколько вы лет здесь председательствуете?

— С сорок седьмого года. С осени.

— Когда принимали вы колхоз, всё так же было здесь или похуже?

Назаров улыбнулся.

— Похуже немного.

— По пятьсот граммов авансом дали за тот год — только пила душа и ела! Вот как было! — подал голос кто-то из присутствующих в зале колхозников «Красного знамени».

— Ты нас спроси, — что тут было до товарища Назарова, — поднялся другой колхозник — гость. — Мы этот колхоз знаем, как свой. Соседи — через межу. Самый отстающий колхоз был в районе! Где падёж скота? У них. Где половина колхозников ми-

нимум не вырабатывает? У них. Каждый год семян им ссужали.

— Вот это-то нас и интересует, — продолжал первый колхозник. — Каким же вы чудом, Павел Фёдорыч, сделали этот колхоз самым богатым, что теперь вот ездим к вам любоваться вашим хозяйством? Либо, может, золото в земле нашли да сразу всего накупили, настроили? Либо, по какой-ся милости, поставки с вас не берут? А?

— Золото в нашей местности не водится. Никаких природных богатств нет. Даже воды не было. Артезианы пришлось бить. За десять километров возили воду бочками на фермы. И село-то наше называется — Сухоярово... А поставки меньше как по седьмой группе нам ни разу не начисляли. А нынче по девятой будем выполнять, по самой высшей.

— Ну-ну, Павел Фёдорыч, — поддержала колхозница Христина Соловьёва, — вот и расскажите нам об этом — с чего вы начинали, как пришли сюда на разбитое корыто? Как дисциплинку подтянули, как на фермах дело наладили? Пусть наши руководители послушают, поучатся. Может, пойдёт им на пользу.

— С чего начинал? — Назаров, простодушно-хитровато улыбаясь, почесал затылок. — Давно было, товарищи, не помню уж, с чего начинал... Принял печать от старого председателя, порожки в конторе починил, фитиль в лампе подрезал, стекло вытер. Электричества тогда не было... А ещё что?

— Ладно, ладно, — поморщился Стародубов. — Без кокетства. Не забыл, всё помнишь. Расскажи людям.

— Ну, с чего начинал... Учили людей честно работать, поощряли передовиков, наказывали лодырей, расхитителей колхозного добра. Назначили хороших бригадиров...

— Эх! — махнул рукой колхозник «Красного знамени» Никита Родионыч Королёв, бондарь, сидевший в первом ряду. — Работать умеет, рассказать про себя не умеет! — Встал. — Давайте, что ли, я расскажу? Только мой рассказ будет не

про него одного. И про других председателей расскажу, каких мы повидали тут.

По залу прошло оживление. Среди гостей сидело много колхозников «Красного знамени», знавших красноречие Никиты Родионыча.

— Валяй, Родионыч, рассказывай!

— Читай по писаному!

— Наш колхозный летописец, — обернулся Назаров к Стародубову.

— Слышал, слышал. Книгу пишешь про колхоз, Родионыч?

— Историю колхоза. А как же! После нас будут существовать внуки, правнуки, жизнью наслаждаться, механизация, электризация, вентиляция, а как же они узнают, как это всё зачиналось? В армии пишут историю дивизий. А я вот в свободное время, вечерами, пишу про наших председателей — что за люди были, про всё ихнее похождение. Павел Фёдорыч у меня под седьмым номером идёт. До него шестеро перебыло... Так что, рассказывать или погодить? Даёте слово?

— Даём! — голоса из зала.

— Со стороны виднее. Родионыч лучше расскажет.

— Пусть говорит.

Стародубов и Назаров переглянулись.

— Тогда уж выйди на сцену, Никита Родионыч, чтоб всем было тебя слышно, — сказал Назаров.

Никита Родионыч вышел на сцену — лет пятидесяти на вид, высокий, тощий, с впалой грудью, узловатыми кистями рук.

— Про всех шестерых не буду рассказывать, — начал он, — времени нехватит. Были и хорошие председатели, и так себе, и пьющие, и непьющие, и такие, что к женскому полу привержены, и наоборот — не любили некоторых бабы за то, что не обращали на них внимания. Всякие были. Один, бывало, нас на три шага вперёд толкнёт, другой — на четыре назад осадит... Расскажу про последнего, от которого ты, Павел Фёдорыч, дела принимал.

про Сторчакова... Это до вас было, товарищ Стародубов, — обернулся к секретарю райкома. — Тогда у нас такие порядки были в районе — в колхоз за наказание посылали людей. Если, скажем, всюду не сгодился, тогда уж его — председателем колхоза. Вот так и Васька Сторчак к нам попал. Работал он в Покровском, директором кирпичного завода. Вроде бы и ничего съедобного — кирпичи, глина, песок, но и там как-то занялся самоснабжением. И к тому же пьянствовал, безобразничал. Вызывают его на бюро, отчитался он о проделанной работе, — что ж, снимать? Сняли. Поставили ему строгий выговор на вид. Назначили директором завода безалкогольных напитков. Без алкогольных! Страдай!.. Это до вас ещё было, Дмитрий Сергеич, — опять глянул на Стародубова. — При бывшем секретаре. Товарищ Тихомиров — был у нас такой... Ну, поработал он, Сторчак, на этом заводе безалкогольных напитков — и там проштрафился. Какая-то, говорят, лаборатория у них там при заводе была, спирт для лаборатории выдавали. Подсобное хозяйство было, свиньи, а сала рабочим не попадало, пошло всё ему на закуску. Тянут его опять на бюро. «Не исправился — теперь поедешь председателем колхоза в «Красное знамя». В Сухоярово! Там и воды не так-то просто добыть». Приехал он к нам на отчётное собрание. Уполномоченный говорит: «Вот этого товарища вам рекомендуем». А нам так припёрло — были и непьющие и некурящие, а по работе — ни рыба, ни мясо. Хозяйство не в гору, а вниз идёт. Да давай хоть чорта, лишь бы другой масти! Проголосовали. Начал он руководить. Бьёт телеграмму какому-то приятелю в Донбасс: «Почём у вас картошка?». Повезли туда два вагона. А время — декабрь месяц, морозы, картошка помёрзла, выкинули из вагонов да ещё штраф заплатили за то, что насорили на путях. Подработали!.. Весна наступает — зяби нет, семян нет. Промучились мы с ним лето, уборку завалили, хлебопоставки сорвали — прощается он с нами. «Ну, товарищи, уезжаю. Выдвигают меня опять на районную работу».

— А куда его выдвинули, Родионыч? — голос из задних рядов. — Я что-то уж запамятовал.

— Да опять же директором какой-то конторы «Заготкождёрсырьё», что ли... «Прощайте, — говорит. — Покидаю вас». — «А как же мы тут без тебя, Василий Гаврилыч?» — спрашивают его. — «Да проживёте, — говорит. — Пришлют ещё кого-нибудь».

Вот, значит, распрощались мы подобру-поздорову с Василием Гаврилычем. С неделю было у нас безвластие, уполномоченный сидел тут, наряды бригадирам выписывал. Потом привезли нам Павла Фёдорыча. Хотя про него неправильно будет сказать, что привезли. Он сам сюда напросился. Работал он в райкоме партии инструктором, так, Павел Фёдорыч? И, значит, изъявил желание пойти сюда председателем. Это уже нас заинтересовало. В самый отстающий колхоз добровольно пошёл человек. Стало быть, есть у него приверженность к колхозному делу, к хлеборобству. И ничего не слышно было про него такого, чтоб где-то там чего-то натворил, чтоб снимали его. Так... Выбрали мы его, принял он дела. Ходит по селу в офицерской шинелишке фронтовой, потрёпанной. Худенький такой, моложавый. Это уж он после раздобрел, у нас, когда по три да по четыре килограмма стали давать... А начал ты, Павел Фёдорыч, если уж всё в точности говорить, с того, за что тебя в первые же дни райком чуть из партии не исключил. Помнишь?

— Да не забыл.

— Видите? Всё помнит, только рассказывать стесняется... Или, может, про это нельзя говорить тут, при беспартейных?

— Давай, давай! — махнул рукой Стародубов. — Я не слышал этой истории.

— Так было дело, — продолжал Никита Родионыч. — Тогда у нас ещё молотьба шла. В декабре месяце. Не молотьба, а загробное рыдание. По пять человек из бригады выходило на работу. Окончательно отпала энергия у людей. Видят, урожай плохой, поставки выполнили, еле хватит на семена

и фураж, а по трудодням получать нечего. Но всё же домолотить то, что в скирдах осталось, нужно, хоть его и мыши уже наполовину съели. Ковырялись помаленьку... Конечно, сами виноваты, что такой урожай вырастили, но опять же рассудить — при чём мы, что не было у нас хорошего руководителя? Мы от этого Васьки Сторчака слова человеческого не слышали, только: «Судить буду!..» Походил Павел Фёдорыч по бригадам, полюбовался на нашу работу — центнер в день намолачиваем, до следующей зимы хватит такими темпами молотить, — пошёл по селу, заглянул и к тем, что дома сидят, не выходят на работу. А у тех тоже положение незавидное. Сидит вдова с детишками, топлива нет, корму для коровы нет, хата раскрыта, ветер свищет. Сидит и сама не знает, зачем сидит, что высидит? Созывает он вечером в правление всех бригадиров и даёт такое указание: молотьбу приостановить на три дня, все мужики, что выходили на работу, пусть возьмутся и покроют вдовам хаты. Выдать им лошадей, сколько нужно для подвоза соломы, и только этим пусть и занимаются — кроют хаты. И пусть подвезут торфу на топливо особо нуждающимся. Как налетел уполномоченный! «Вы что — очумели? Молотьбу остановили! Товарищ Назаров! Тебя зачем сюда посылали? Укреплять дисциплину или разлагать?» На машину его, раба божьего, и поволок к Тихомирову... А какой у них там был разговор с товарищем Тихомировым, пусть он сам об этом расскажет, я там не присутствовал.

— История об этом умалчивает? — рассмеялся Стародубов.

— Да нет, она-то не умалчивает...

— Читай, как у тебя записано, — ответил Назаров. — Я после скажу, так ли было.

— В райкоме, по слухам, хотели сразу собирать членов бюро и снимать ему голову. А потом всё же сообразили, что как-то оно получится политически неверно: человек только что принял колхоз — и сразу исключать его из партии?.. И он, конечно, стал проситься: «Дайте, говорит, ещё неделю сроку, а потом

присылайте комиссию, пусть проверит — прав я был или нет». Так?

— Ну так...

— А через неделю у нас уже во всех бригадах не по пять, а по тридцать человек выходило на работу!..

— А почему? — перебила Королёва одна из колхозниц «Красного знамени». — Про это и ты, Родионыч, не расскажешь. Ты в нашей вдовьей шкуре не был. Как у нас бабы частушки поют: «Вот и кончилась война, и осталась я одна»... Пришёл Павел Фёдорыч к нам в бригаду. Зерно чистили мы на семена и в амбары возили. Мужики все на ответственной работе: тот кладовщик, тот весовщик, тот завтоком, тот учётчик. Сидят, покуривают, анекдоты рассказывают. А бабы веялки крутят, зерно грузят на машину. Да ещё сделали нам ящик-меру, центнер целый пшеницы влазит. Ну-ка, подними, перекинь его через борт! Животы надрывали. Поглядел Павел Фёдорыч на такие порядки, видим — аж побелел с лица, рассердился. Как трахнет тот ящик оземь! Разбил в щепки. «На чью силу вы, — говорит, — такие короба делали? Калечить женщин? Этим хотите поспешить?» Дал чертёж, какие ящики поделать, на двадцать килограммов, не больше. И разогнал потом всех мужиков на рядовые работы. А женщин — кладовщицами, учётчицами... Эх, думаем, есть, значит, люди, которые об нашей бабьей доле болеют! Ну и как же нам не возрадоваться, не сделать хорошее для такого человека, для колхоза? У кого совесть не заговорит?

— Короче сказать — продолжал Никита Родионыч, — поставили мы две молотилки да как ахнули в две смены — дней за двенадцать перемолотили всё, что оставалось. До снегу управились. Приезжает комиссия из района, видят — ошиблись, зря нашумели на человека. Дело в колхозе, похоже, пойдёт на лад...

Назаров вначале, когда заговорили о нём колхозники, несколько смущался. Он сел в первом ряду на стул, с которого поднялся Никита Родионыч, и, заметно было, не знал, куда себя девать. То ли сидеть

спиною к залу — неудобно, когда о тебе говорят, то ли повернуться лицом к людям — тоже нехорошо, как на выставке, смотрите, мол, все на меня, какой я есть. Сейчас смущение его прошло, он поднял голову и вполоборота, через плечо, широко раскрытыми глазами смотрел в зал. Половина людей в зале — колхозники «Красного знамени». Взгляды всех были обращены к нему. На всех лицах он видел хорошие, тёплые улыбки. Взволновало Назарова сегодняшнее собрание... Нет, не всё делал он с расчётом. Многое — от сердца, и сам уж позабыл. А народ помнит. Пять лет проработал он здесь. Большой кусок жизни. Каждый шаг его помнят...

— Так вот с чего начинал у нас Павел Фёдорыч, — заключил Никита Родионыч Королёв. — Понятно вам, товарищи? Сельское хозяйство — это такая штука: поднять дух человека — он тебе втрое больше сработает. А больше поработаем — во-время посеем, уберём, хороший урожай получим. А от хорошего урожая ещё больше дух у человека поднимается! И ещё скажу вам про сельское хозяйство. Когда председатель в четыре часа утра на ногах — и бригадирам уж как-то неловко на мягких перинах нежиться. А от бригадиров и другим передаётся. Так оно и идёт, беспокойство, по всему колхозу...

...Расходились из клуба все в каком-то приподнятом, взволнованном настроении. У женщин, как всегда, не обошлось без слёз. Христина Соловьёва, одной рукой вытирая слезы, другой влепила крепкого тумака в спину своему председателю.

— Эх!..

И в это в одно слово вложила всё, что пережила, перечувствовала за день.

Стародубов живо обернулся на возглас женщины.

— Так, так, Христина Семёновна! Не давай ему покоя, толстошкурому! Где ни встретишь его, на улице ли, в правлении, спрашивай: «А почему у нас хуже, чем в «Красном знамени»?»

— Да мы теперь, Дмитрий Сергеич, такие злые стали! — враз заговорили несколько женщин. — На свою голову привезли нас сюда!

— И к вам в райком придём, спросим: почему же вы так неровно руководите, что наши колхозы отстали?

— Что мы — у бога телёнка съели?

— Руки до нас не дошли, что ли?

Стародубов с довольным видом смеялся.

— Так, девчата, так! Как по-морскому говорится: «Так держать!».

Но хотелось, чтобы он на прощание сказал и Назарову что-то дружески-подхлёстывающее, вроде:

«А не привыкаешь ли ты, Павел Фёдорыч, к тому, что всё к тебе да к тебе ездят на экскурсию учиться? А тебе с твоими колхозниками некуда поехать поучиться? Разве твой колхоз самый лучший в Советском Союзе?..»

Но этого Стародубов не сказал Назарову. Вокруг Назарова собралось человек десять — председатели соседних колхозов, бригадиры, директор МТС, Христина Соловьёва. Назаров успел сказать им: «Обедать — ко мне». Остальные — кто побежал перекусить в сельпо, кто пошёл к своей машине. Стародубов взял Назарова за рукав.

— А то поле, что под Городенским, всё же поздновато вспахали вы под пар. Не все, может быть, это заметили, обратили только внимание, что чистый пар, ни соринки. А чистый потому, что неделю назад только вспахано. — Засмеялся. — Верно? Меня не проведёшь!

— Под выпас оставляли, Дмитрий Сергеич. Ничего, не хуже будет на том поле пшеничка, посмотрите будущим летом. По толоке — пар. Верите, некуда скот выгонять. По нашему животноводству нам бы ещё земли гектаров пятьсот. Где её взять?

— Подсевать, подсевать надо побольше! Искусственные выпасы. Культурно надо хозяйствовать, не надеяться лишь на ту травку, что бог вырастит.

— Есть и искусственные выпасы — нехватает. Хотели посеять больше ржи на выпас, — вы же сами попросили занять «Маяку» семян... Куда вы, Дмитрий Сергеич?

— Поеду. Стёпа! Давай машину.

— Да зайдёмте ко мне, пообедаем! С утра не ели. Уже шестой час.

— Нет, поеду, спасибо. Отдохну дома часок. А вечером — заседание исполкома.

— Всегда вы отговариваетесь заседаниями. Неправда, нет сегодня заседания исполкома! Почему же меня не известили? Я — член исполкома.

— Или что-то другое... Забыл, комиссия какая-то. Нет, поеду.

— Брезгуете нашим хлебом-солью?

— Ничего, ничего, как-нибудь в другой раз. До свидания. А ты и за столом расскажи ещё им о своих методах руководства. Я думаю, сегодня день не пропал зря. Крепко запало в душу людям то, что они видели здесь. Ты уж потерпи, Павел Фёдорыч. Ещё не раз побеспокоим тебя, оторвём от работы. Не одну ещё экскурсию поводишь по своему хозяйству.

Пожал всем руки, сел в «газик», уехал...

Назаров посмотрел вслед машине, огорчённо сказал мне:

— Третий год он в нашем районе работает, а ни разу не выпил у нас в колхозе и стакана молока. Ни ко мне домой не заходит, ни к себе не приглашает, когда бываю в районе. Только по обязанности встречаемся. Разойдемся — и будто чего-то главного не сказали друг другу...

* * *

Я много раз бывал в колхозе «Красное знамя» и не один вечер просидел в райкоме у Дмитрия Сергеевича Стародубова. Прилепился я как-то душою к этому району, где при многих недостатках и недоработках пульс жизни бьётся энергично и во всем чувствуется умное, помогающее делу вмешательство «первой головы» в районе — секретаря райкома.

Но всякий раз меня неприятно удивляло, что, когда я заводил речь о колхозе «Красное знамя» и его председателе Назарове, восхищался его организаторским талантом и прочими хорошими человеческими качествами, у Стародубова потухали глаза, он скучнел, отвечал что-то вроде: «Да, да, хороший кол-

хоз. Да, хороший председатель», и переводил разговор на другую тему. Он куда с бо́льшим увлечением рассказывал о самом отстающем в районе колхозе — что сделал он там, прожив два дня, и какие заметил после этого обнадёживающие перемены, — чем о «Красном знамени», крепко ставшем на ноги колхозе, знаменитом на всю округу.

Что это? Ревность к делу? В этот колхоз уже не нужно посылать толкачей? Там «кампании» идут своим чередом, без уполномоченных райкома. Там ему, Стародубову, делать нечего?

Однажды на прямо заданный вопрос Стародубов прямо и ответил мне, несколько, правда, иносказательно.

— У вас есть взрослые дети?

— Да, сын студент, на втором курсе.

— И у меня — два студента... Кончили десятилетку, поступили в институт, стипендия, взрослые люди — в крайнем случае, уж и без отца обойдутся. Ты уже не нужен им... Грустно провожать выросших детей в самостоятельную жизнь...

Как-то при мне в райкоме Стародубов и Назаров стали хвалиться — в шутку, кто больше сил положил на колхозное строительство.

— Я товарищ Назаров, — сказал Стародубов, — связан с колхозным строительством уже двадцать восемь лет!

— Как же это может быть? — развёл руками Назаров. — Колхозам-то всего двадцать второй год. Мы стали организовывать колхозы в тридцатом году.

— Кто это — вы? Вы, может быть, в тридцатом. А мы, батраки и бедняки села Глебово, Курской области, организовали коммуну ещё в тысяча девятьсот двадцать четвёртом году, и я работал в этой коммуне на тракторе. Первым был трактористом в районе!

Назаров усмехнулся.

— Вот так и моим словам удивляются, Дмитрий Сергеич, когда скажу, что я — колхозник с тысяча

девятьсот двадцать второго года. Я родом с Кубани. У нас была краснопартизанская коммуна. Отец мой был командиром отряда, его же выбрали и председателем. Мне тогда было четырнадцать лет. По началу коров пас в коммуне.

— Значит, выходит, мы оба с тобой — колхозники с «подпольным» стажем?

Посмеялись, вспомнили комсомольские годы, раскулачивание, бандитизм, трудное время, когда спали, не раздеваясь, с наганом под подушкой... Стародубов спохватился, встал, провёл карандашом по сводке, разложенной на столе.

— Там у тебя, Павел Фёдорович, недовыполнение по яйцу. Нехорошо, сводку нам портишь. Передовой колхоз. Я тебя прошу. Постарайся как-нибудь к двадцатому числу...

И Назаров встал, вздохнул.

— Выполним, Дмитрий Сергеич. Чем-нибудь заменим... Я же вам объяснял, почему мы не взяли цыплят с инкубатора. Недостроили новый птичник, не успели. А тут — холода, снег пошёл в апреле месяце. Зачем брать? На погибель? По птичьему поголовью немножко недовыполнили, зато коров — сто сорок процентов. Это же важнее. Заменим молоком. Какое сегодня число? Двенадцатое. Девятнадцатого покажу вам квитанцию.

А когда я присмотрелся ближе к делам в колхозе «Красное знамя», то увидел: нет, нужен ещё этому выросшему сыну отец! Только надо бы и отцу, когда дети поступили в институт, заглядывать в свои истрёпанные вузовские учебники, повторять кое-что забытое и узнавать новое, чтобы во всякую минуту знать и понимать больше, чем знают дети, обращающиеся к нему за помощью...

Стародубов увлёкся подтягиванием всех колхозов района к уровню передового колхоза «Красное знамя» и делал это, надо сказать, с душой. В районе, собственно, уже и не было резко отстающих колхозов. В последние годы, при нём, председателями

колхозов посылали действительно лучших людей из партактива. Было послано и несколько агрономов — не таких, что, имея диплом о высшем сельскохозяйственном образовании, не могут запрячь лошадь в телегу, а практиков, любящих колхозное дело, организаторов. Стародубов много занимался машинно-тракторными станциями. При мне как-то он созвал совещание бывших трактористов — узнал, что в каждом колхозе есть пять-шесть старых комбайнеров и трактористов, бросивших машины и устроившихся кто кладовщиком, кто просто ездовым, — и распорядился созвать всех в райком такого-то числа к такому-то часу. Там он подробно расспросил каждого: почему бросил он машину? Непорядки ли в МТС отпугнули, колхозы ли неаккуратно рассчитывались с ним, бытовые ли условия в бригаде были плохие? Пообещал, что займётся улучшением быта трактористов и проверит по каждому колхозу расчёты с ними. Рассказал им то, что они и сами, собственно, видели, — как в МТС ежегодно весною сажают на новенькие машины учеников и что из этого получается: богатейшая техника не даёт и половины того, что могла бы дать в опытных руках. Постыдил, поругал их за то, что бросили свою замечательную, трудную, но почётную профессию. После совещания многие его участники вернулись на машины.

Когда приезжали мы со Стародубовым в средний колхоз, у него находилось достаточно советов и дельных предложений председателю. Там он чувствовал себя, как рыба в воде, — где труднее. А в «Красное знамя» он и заезжать не любил. Только и бывал там, что с экскурсиями.

Но действительно ли ему нечего было там делать?

Да, когда клевер убирать и что сеять на искусственных выпасах, — это Назаров знал не хуже секретаря райкома и любого агронома. Да, кстати, и агроном у них был в колхозе. И поставки они выполняли без особого нажима, не нужно было посылать туда уполномоченных. А вот почему бы не спросить Назарова:

«До каких пор в таком богатом колхозе у людей

хаты будут соломой крыты? Случись пожару под хороший ветер — полсела сгорит. Начинал ты с того, что заставил бригадиров крыть соломой хаты вдовам, но ведь с тех пор уже прошло пять лет. Теперь уж нужно перекрывать те хаты черепицей. Агрогорода, что ли, напугали вас? Затея с агрогородами осуждена как преждевременная, есть более важные, первостепенные задачи — повышение урожайности. Да и вам, может быть, не нужно тут город строить. Но село благоустроить — нужно. Вам-то ваши доходы позволяют уже заняться бытовым строительством. Миллион — на капиталовложения!»

«А почему в вашем хозяйстве такое пренебрежение к садоводству? Сады — это и богатство колхоза, и изобилие, и украшение жизни. Десять гектаров старых, запущенных, обломанных деревьев — это не сад по вашим масштабам. Двести гектаров культурного сада надо бы вам иметь!.. Бывает, конечно, что сельский хозяин увлекается чем-то одним — пшеницей, или разведением свиней, или орловскими рысаками. Может быть, он просто не ест яблок. Но председатель колхоза, где живут и работают тысячи людей с разными вкусами и потребностями, не имеет права быть односторонним. У него не должно быть нелюбимых отраслей».

А самое главное вот что. Три года уже колхоз «Красное знамя» топчется на месте в смысле урожая. Хороший собирает урожай, но топчется на месте, рост приостановился. А удобрений и местных и химических из года в год всё больше вносится в землю. В чём дело? Подтянулись все бригады к уровню передовых и застыли? Никто больше не ищет путей к ещё лучшим урожаям? Или сказывается уже сильная распылённость почвы, разрушение её структуры? И, может быть, даже введённая на полях колхоза травопольная система не восстанавливает её в должной мере? Земли ведь в колхозе действительно выпаханы, распылены до крайности. А «карпатские горы»! Одни ежегодные смывы почвы на буграх весною какой наносят ущерб её плодородию!

До сих пор Назаров показывал себя на деле гра-

мотным, образованным хозяином и не одного специалиста удивлял своей эрудицией в вопросах культурного земледелия. Но его познания в агрономии — это многолетний крестьянский опыт, начитанность, добросовестное изучение всяких агротехнических учебников, журналов и только. Это ещё не творчество. Чем-то принципиально новым в земледелии колхоз даже под его руководством пока что не блеснул. Чтобы не зайти в тупик с урожаями. Назарову нужно упорно, напрягши все силы, искать возможностей для нового рывка.

Может быть, ему следовало бы съездить в Курганскую область к знаменитому уральскому полеводу-новатору, колхознику-учёному Терентию Мальцеву? Очень важно именно здесь, в среднерусской полосе, на сильно распылённых почвах, заложить опыты с севооборотом Мальцева. Самое «страшное», на первый взгляд, в агрокомплексе Мальцева — это то, что он в шесть лет лишь два раза глубоко пашет землю, а четыре года сеет пшеницу и ячмень по непаханной, только взлущённой дисковыми лущильниками стерне. Как — не пахать поля? Скажи только в каком-нибудь отстающем колхозе, что можно не пахать, — разведут тебе такие сорняки, что твои джунгли! Но «Красное знамя» — передовой колхоз. Здесь земли давно уже очищены от сорняков. В колхозе есть агроном. Бригадиры достаточно подготовлены агротехнически. Можно быть уверенным, что здесь не погубят предложений Мальцева.

Не «от бедности» ввел Мальцев такой севооборот у себя в колхозе, в Зауралье. Не для того, чтобы как-нибудь обойтись без пахоты. Для урожая. Для быстрейшего восстановления структуры почвы и, стало быть, повышения её плодородия. И на полях, которые в его колхозе «Заветы Ленина» перестали ежегодно пахать, урожаи из года в год растут.

Посоветовать, настоять, прямо усадить в вагон и отправить нужно Назарова туда, где люди в ещё более трудных природных условиях берут урожаи

гораздо выше, чем его колхоз «Красное знамя»! «Тебе, Павел Фёдорович, хоть ты и Герой Социалистического Труда, не зазорно поехать поучиться к Терентию Семёновичу Мальцеву. Он — лауреат Сталинской премии и кандидат в академики. Шадринский район, Курганской области, — место, где происходят сейчас интереснейшие события в сельскохозяйственной науке!»...

...Да, уполномоченные — толкачи по текущим «кампаниям», может быть, уже не нужны Назарову. А глубокое проникновение первого секретаря в дела, в жизнь колхоза — необходимо.

— Скажите, Дмитрий Сергеевич, — спросил я как-то Стародубова. — Вот вы бьётесь третий год над тем, чтоб сделать район передовым, подтянуть все колхозы. Есть такие препятствия, что вы не в силах сами преодолеть? Не от вас зависящие? Не местного происхождения препятствия?

— Есть, конечно, — Стародубов помолчал минуты две. — Самое большое зло — кампанейское руководство колхозами. Приезжает к нам уполномоченный обкома, требует, скажем, хлебопоставки. Ни о чём другом и речи нет. А в это время в сельском хозяйстве — целый комплекс работ! Для будущего урожая, для будущего хлеба! Что-нибудь одно упустишь из виду — всё расстроится. Нажимают на нас, и мы тоже начинаем психовать, и мы также рассылаем уполномоченных: только по заготовкам, — ни зябь, ни засыпка семян, ни корма в зиму для скота — ничто их не интересует. Потом уж, когда хлебопоставки закончим, спохватимся: надо же и зябь пахать! А тут уже — дожди, морозы... По-моему, такие методы руководства колхозами устарели на сто лет!.. Может быть, кого-нибудь из секретарей райкомов они и удовлетворяют, такие методы, — тех, кто в деревне на короткое время обосновался, пережить годик-два, потом на учёбу или на повышение, а после меня — хоть потоп. Но я в деревне родился и вырос, мне спешить отсюда

некуда. И в этот район я пришёл поработать, а не посидеть на чемодане до следующего поезда.

Стародубов рассмеялся.

— Надо бы закреплять секретарей райкомов хотя бы на одну полную ротацию севооборота! На восемь-десять лет. Как за бригадами участки закрепляем. В колхозах боремся с обезличкой, а среди нашего брата, руководителей районного и областного масштаба, обезлички этой самой — хоть отбавляй! Один сеял, другой жал, третий за всех ответ держал!..

— Что ещё от нас не зависит?.. Вот — планирование,— Стародубов обернулся к книжному шкафу, достал с полки томик Семёнова Тян-Шанского из собрания «Россия» — «Среднерусская чернозёмная область». — Наши районы—уезды, вернее, по-старому — славились урожаями бобовых культур, гороха, чечевицы. — Перелистал том. — Вот даже фото есть — грузят на баржи горох. И старики вспоминают, что горох здесь сильно родил. Земли и климат, стало быть, подходящие. Да что — старики. Опытная станция у нас есть — факты, доказательства за ряд лет. И нам не планируют ни гектара гороха. Планируют ячмень. А он здесь испокон веку плохо родит. Тоже есть тому доказательства. А попробуй заменить ячмень горохом! Пишем, пишем, спорим, доказываем — как об стенку горохом! И тоже ведь — ценная, нужная культура! Но почему же так планируют? А в те районы, небось, где ячмень лучше родит, — горох дают. Бездушное, канцелярское планирование!

— Что ещё?.. Ну вот нормы горючего... Конечно, в большинстве случаев мы сами виноваты в пережоге. Плохо работаем с трактористами, в эмтээс безобразно обращаются с горючим, цистерны у них текут, при перевозке, при заправке много проливают на землю. Но вот такой случай. Урожай в колхозе на каком-то участке — небывалый, тридцать пять-сорок центнеров. Техника наша от таких урожаев отстала. Высокоурожайных комбайнов мы ещё в районе не получили ни одного. А обыкновенный ком-

байн такой хлеб на полный хедер не берёт. На полхедера косят, и то молотилка с трудом перерабатывает. Выходит, что здесь трактористу и трудодней меньше запишут, потому что он нормы не вырабатывает, и горючего он в два раза больше спалит. Директору эмтээс-то, правда, разрешается увеличивать нормы расхода горючего на отдельных участках, но не намного. А где урожай всего десять центнеров, там тракторы с комбайнами бегом бегают, там — перевыполнение, экономия горючего, «передовики уборки». Дикая вещь, но получается, что трактористу куда выгоднее убирать средний хлеб, чем очень хороший!.. А вы знаете, что у Назарова получается на его «карпатских горах»? Конечно, есть перерасход, неизбежен там, на таком рельефе, перерасход. И урожаи у него к тому же всегда такие, что комбайны бегом не разгонятся. Но, как умный председатель, он не может допустить, чтоб его тракторист корову продавал в конце года, чтобы рассчитаться за горючее. Действительно — «энергия отпадёт» у ребят. Знаете, что он делает? Уплачивает из колхозной кассы за трактористов, за их пережог. Или покупает горючее. Незаконно, но что поделаешь, если в наших земельных органах товарищи не продумали как следует такие вопросы?.. Вообще, нужно сказать — урожай ещё не стал критерием всей нашей работы. Как у нас в обкоме определяют первенство районов, скажем, на уборке? Такой-то район убрал зерновые на сто процентов — он красуется в сводке на первом месте. А убрали они быстро только потому, что нечего было там, собственно, и убирать. Колос от колоса — не слыхать голоса. Семь центнеров — урожайность. И группу им установили самую низшую, и хлеба государству сдали они в три раза меньше, чем соседний район, где урожайность была восемнадцать центнеров. Так за что же они — «передовики»? За то лишь, что на неделю раньше отрапортовали?.. Много, много есть такого, что от нас не зависит. Думаю, что я бы здесь за три года больше сделал, если б не было помех..

А Назаров на такой же вопрос — о препятствиях не местного происхождения — повёл разговор не о своём колхозе, а об МТС.

— Да в колхозе-то у нас сейчас ничто, вроде, не мешает мне. С Дмитрием Сергеевичем в основном поладили. При Тихомирове хуже было. За всё в районе отдувались передовые колхозы... Вот на эмтээс нашу больно глядеть. Что получается — ни копейки ведь не дают им на капитальное строительство! Постройки у них до войны были богатейшие. Немцы всё спалили. И вот до сих пор бедствуют. Мастерской нет, есть там сарайчик — три трактора только загнать, наша колхозная кузница куда просторнее. Весь инвентарь зиму и лето — под открытым небом. Не на что построить хотя бы простенькие навесы — министерство не даёт денег. Это что — государственная экономия? Не могу понять такой экономии! Сам хозяин, знаю, на чём можно натянуть, а на чём нельзя натягивать. Копейку пожалеешь — рубль потеряешь! Самоходные комбайны, молотилки, тракторные сеялки под снегом зимуют. Срок службы инвентаря сокращается в три-четыре раза. Почему раньше у мужика лобогрейка работала двадцать пять лет? Кончил косовицу, обтёр её тряпочкой, разобрал, смазал и — в сарай. А тут — сеялки под открытым небом, солнце, дождь, снег. Дисковую сеялку правильно наладить на севе, вы знаете, это же — что скрипку настроить. И вот эти скрипки — под снегом! Дерево гниет, коробится, высевающие аппараты ржавеют. Эх!.. Взять бы тем финансистам, что фонды в эмтээс спускают, карандаш в руки да подсчитать: сколько стоит крыша без стен, столбы, дрань и сколько стоит тот инвентарь, что можно под этой крышей спасти?.. А трактористы зимою как у них живут? Приходят на ремонт, некоторые за пятнадцать-двадцать километров, каждый день туда-сюда не находишься. Надо тут где-то и жить, так, чтобы поспать в тепле, переодеться, помыться. Общежитий в эмтээс нет. Ютятся, где попало: кто в конторе, кто в кочегарке. И разобраться—директор не виноват. Опять же—не

дают ему денег на строительство. Выше головы не прыгнешь. Спрашивал я нашего директора: «Может, это ты один такой в области несчастливый? Или не умеешь выпросить денег, или рассердились на тебя за что-то, в чёрном теле держат?» — «Какое там один! — говорит. — Съедемся в областное управление на совещание, директора, станем спрашивать друг друга — многим не выделяют фондов на капитальное строительство». А ведь эта «экономия» нам боком выйдет! И дорогие машины калечим прежде времени и кадры теряем, старые трактористы уходят из эмтээс... Министр сельского хозяйства, что ли, у нас такой несмелый? Не решается обратиться к правительству, доложить, рассказать всё, как оно есть?..

Пожаловался мне однажды Стародубов на Назарова:

— Мужичок. Замкнулся в рамках своего колхоза, ни о чём больше знать не хочет.

— Замкнулся? Вот это на него что-то не похоже..

— Член бюро, член исполкома, а не живёт интересами района. В прошлом году он вывез по хлебопоставкам авансом, в счёт нынешнего года, восемьсот центнеров. Мы ему сейчас этот аванс засчитали. Но нам-то, району, не засчитывают! Да вдобавок после того, как мы уже довели планы до колхозов, получаем телеграмму: ещё вам десять тысяч центнеров. В других районах с заготовками хуже — боятся, что там хвосты останутся, и в порядке страховки дают нам дополнительно. Спрашиваем: «Как же размещать их?» — «Как хотите, так и размещайте»... Говорю Назарову: «Павел Фёдорович! Махни-ка ещё, в счёт будущего года, центнеров тысячу?». Жмётся... «Подумаем, Дмитрий Сергеич... Я же не директор — председатель. Что колхозники скажут»... А мне что скажут в обкоме, если я эти десять тысяч не выполню?..

— Но если они вывезут ещё тысячу центнеров, то ваш передовой колхоз поравняется в выдаче хлеба на трудодень с отстающими, с такими колхозами,

где люди плохо работали?.. Может быть, Дмитрий Сергеевич, это и есть те случаи, когда нужно обращаться в высшие инстанции? И у вас и у Назарова сколько наболевших вопросов! Вот бы вдвоём — такие практики колхозного строительства! — сели бы, обдумали всё и написали — что, по-вашему, мешает укреплению колхозов...

Стародубов взял со стола книжечку: «Устав Коммунистической партии Советского Союза», раскрыл её, полистал.

— Да... Для нас написано, чёрным по белому: «Член партии не имеет права скрывать неблагополучное положение дел, проходить мимо неправильных действий, наносящих ущерб интересам партии и государства», «Член партии имеет право... обращаться с любым вопросом и заявлением в любую партийную инстанцию вплоть до ЦК...», «Член партии обязан... бороться против парадного благополучия и упоения успехами в работе»...

Был у меня ещё разговор с «летописцем» колхоза «Красное знамя» Никитой Родионычем Королёвым.

— До Дмитрия Сергеича у нас и такие секретари бывали, — рассказывал Королёв, — что всё больше в богатые колхозы ездили. Душою отдыхали там, голова у них там от бабьего крику не болела. А мимо какой-нибудь бригады в отстающем колхозе промчатся — сто километров в час, — люди только пыль понюхают. То — хуже. То значит — руководители боятся трудностей, не нашли общего языка с народом. Распоследнее дело!..

— А вы, Никита Родионыч, в своей «Истории колхоза» и про секретарей райкома пишете?

— А как же! Я считаю, нет горше беды колхозу — плохой председатель, а для председателя колхоза нет ничего хуже — плохой секретарь райкома. А когда и тот и другой неудалые, то колхозу, значит, беда вдвойне... Товарищ Стародубов у меня под девятым номером идёт... Эх, был у нас товарищ

Круглых! При немцах в партизанах погиб. Орёл! Тот бы нас тревожил! Каждый день пускал бы ежа под череп нашему Павлу Фёдорычу!.. А про Дмитрия Сергеича не знаю, чего написать. Пока что ничего такого не заметил, ни положительного, ни отрицательного. Так, вообще, по делам в районе, слышно, неплохо он руководит, а как он к нашему колхозу относится — не поймёшь. Приезжает к нам с людьми, экскурсии привозит, показывает им наши достижения — вот так нужно бы вам! А нам ещё ни разу не сказал — как нам нужно! Да неужто мы высшей точки достигли? Вроде как на Северный полюс пришли, куда ни глянь — все на юг дороги, назад, а вперёд — нету?.. Почему мы, колхозники, тревожимся об этом — что, вроде, приостановились мы? Так ведь мы — хозяева, нам здесь жить. Может, и товарища Стародубова куда-нибудь на учёбу пошлют, и Павла Фёдорыча заберут от нас, переведут на руководящую работу. Пока попались нам хорошие люди — хочется с ними подальше вперёд продвинуться!.. А насчёт того, почему между ними дружбы нет, я вам так скажу. Всегда дружат либо толстый с тонким, либо длинный с коротким, так уж оно как-то в природе устроено. А когда оба ровные — скучно им, что ли, глядеть друг на друга? Да ежели ещё по уму равны — кому же у кого поучиться, кто кого должен вперёд подтолкнуть?..

Но в последний приезд к ним я застал горячий спор у Стародубова с Назаровым в райкоме.

Этому предшествовали такие события.

Стародубов возвращался как-то поздно вечером из района домой. В пути, в Сухоярове, его захватил такой ливень, что даже его «газик»-вездеход забуксовал. Вдобавок спустил скат. Пришлось заночевать. От колхозников он узнал, что Назаров ещё днём уехал на грузовой машине в МТС и не вернулся до сих пор — тоже, вероятно, где-то застрял. Стародубов не пошёл к нему, остался ночевать в той

хате, возле которой забуксовал в балочке его «газик». Это была хата бывшей звеньевой, а теперь старшей птичницы колхоза Марины Фомичёвой. Соседки, узнав, что у Фомичёвых ночует секретарь райкома, собрались к ним на «посиделки». Часов до двух ночи горел свет в хате, много было рассказано секретарю о жизни колхоза, много вопросов было ему задано, были и шутки и серьёзные разговоры, и были даже жалобы на председателя колхоза, непогрешимого и непревзойдённого Павла Фёдорыча Назарова.

Вот после этой-то задушевной беседы с колхозницами — в домашней обстановке, не на общем собрании — и произошёл у Стародубова крупный разговор с Назаровым в райкоме. Я застал спор в разгаре.

— Если бы ты послушал этих женщин! — говорил Стародубов. — Эх, какой народ!..

— А что же я — не видел, не слышал их никогда? — отвечал Назаров. — По десять раз на дню с ними встречаюсь.

Оба ходили по кабинету навстречу друг другу по разные стороны длинного узкого стола, приставленного в виде ножки буквы «Т» к письменному столу Стародубова, — оба в офицерских гимнастёрках, с орденскими колодками, оба рослые, с сильными покатыми плечами, чуть располневшие... Было у них даже в глазах какое-то сходство — живые искорки юмора, усмешливые морщинки под глазами и на висках. Только Стародубов — брюнет, с отброшенными назад длинными волосами — загорел как-то нежнее Назарова. Его лицо было матово-смуглое, словно припудренное. А Назаров, которого всё же больше обжигало солнце на полях, — остриженный под машинку безбровый блондин, — был краснокож, как индеец.

— Это вам, может, в диковину. Первый раз с ними встретились. Вынужденная посадка! А я в колхозе живу... Труженицы, стахановки, болеют о хозяйстве, знаю! Что ещё?

— Но ты же не даёшь этим стахановкам разворота.

— Я не даю им разворота?..

— Погоди, не сердись!.. Что-то мы, Павел Фёдорыч, с тобою вместе проглядели. А раз ты ближе всех к этим людям, то, значит, ты в первую очередь и проглядел... Скажи — какая бригада у вас самая передовая?

— Третья бригада, Николая Грачёва. Мы вам представляли материалы по проверке соревнования.

— Да нет у вас соревнования!

— Как нет соревнования? Все бригады имеют договора, есть проверочная комиссия, по три-четыре раза в лето проверяем!..

— Не в договорах, не в бумажках дело!.. А чья бригада у вас самая отстающая?

— Васюкова Михаила, шестая.

— И какая же разница между ними по урожайности зерновых, между третьей и шестой?

— Восемьдесят килограммов.

— Меньше центнера?.. Не намного отстал Васюков от Грачёва. Какая же это отстающая бригада?

— Значит, моя вина в том, что у нас в колхозе нет отстающих бригад?..

— Я был бы полным идиотом, Павел Фёдорыч, — рассмеялся и остановился против него Стародубов, — если бы упрекнул тебя в том, что у вас нет отстающих бригад. Не в том беда, что нет у вас отстающих бригад, а в том, что нет резко вырвавшихся вперёд! Дошло?.. А звенья на свёкле? Ещё не подсчитали вы урожай, знаю, но тоже, небось, не будет большой разницы между худшими и лучшими? Поравнялись? Да?..

Стародубов спорил с азартом, горячо жестикулировал, иногда даже, остановившись, пристукивал кулаком по столу, но был весел, вероятно, от сознания своего превосходства в споре, от ощущения найденной твёрдой точки опоры. Назаров хмурился, раздражённо курил одну за другой папиросы, поглядывал на Стародубова исподлобья. Когда тот посылал в его адрес резкое слово, у Назарова даже

дрожали губы от обиды... Отвык, отвык Павел Фёдорович от критики! Сколько лет уж — всё к нему да к нему ездили люди учиться.

Он долго собирался с мыслями, прежде чем ответить секретарю райкома.

— Я, Дмитрий Сергеич, — сказал он, — с первых же дней, как пришёл в колхоз председателем, решил: нужно кончать с этим очковтирательством! Утешаемся рекордами с трёх гектаров, а на остальных тысячах гектаров государственного плана урожайности не выполняем!

— Правильное решение... Только зря ты называешь вообще всякие рекорды очковтирательством. Поначалу нужно было, хотя бы на маленьких участках, показать колхозникам: вот что может дать наша земля, если применить передовую науку и приложить руки!.. Ну, может быть, потом где-то кто-то превратил это в очковтирательство...

— Да не где-то! У нас, в нашем районе, было два прославленных звена: в колхозе «Вперед» — Агриппины Плотниковой и в колхозе имени Чкалова — Ефросинии Сомовой. Только и было чем похвалиться. Шуму, треску вокруг этих звеньев! На всех слётах — только и разговору о них. А в целом район три года подряд плана хлебопоставок не выполнял!.. Я пришёл в колхоз и сказал женщинам: будем бороться за урожай сообща. Минеральных удобрений завезём вдесятеро больше, всем хватит! И не лазьте вы, пожалуйста, в уборные за фекалием. Этого вам ещё недоставало!

— Вот насчёт фекалия я с тобой вполне согласен. Действительно, этого только нехватало нашим колхозницам — фекалий собирать! Как будто не можем заменить химикатами. И так у девчат мало женихов, а тут ещё какие-нибудь хулиганы пустят похабные частушки про них по селу!..

— Да, да, так я и им сказал: сами себя не жалеете, так мы вас пожалеем. И чтоб не грызлись, не ссорились вы между собой из-за лишней пары волов и центнера сыпца, — вот вам всего поровну. Никаких никому привилегий!

— Ссору утишил и соревнование загубил...

— Загубил соревнование?.. Такое соревнование, как было, это кустарничество, Дмитрий Сергеич! Знахарство! Колдовала каждая что-то на своей делянке.

— А чем ты его заменил — то соревнование?.. И у вас были рекордсменки. Не такие, может быть, знаменитые, как Плотникова и Сомова, но тоже для своего времени сделали немало. Что ж, выходит, при высокой механизации, когда трактористы все площади засевают и убирают и когда председатель сам не профан, лучше других знает агротехнику, — такие колхозницы выключаются из соревнования? Ох, что-то не так!..

Стародубов сел за стол, помолчал с минуту.

— Марина Фомичёва говорит: «Много бы вы, командиры полков да батальонов, навоевали без нас, сержантов?». Слышишь? Армейские порядки знают! Всего за войну насмотрелись, наслушались. «Кто, — говорит, — на фронте бойцов в атаку поднимает? Сержанты! Армия без сержантов — не армия». Да... Очень обижалась на тебя Марина.

— За что?

— За твою доброту. Да сядь, не ходи, мельтешишь перед глазами!.. «Семь лет, — говорит, — работала я звеньевой, и людьми руководить немножко научилась, и к полю привыкла, и на курсы меня пять раз посылали, агротехнику учила, а теперь меня Павел Фёдорыч старшей птичницей назначил. «Отдохни, — говорит, — не век тебе с тяпкой гнуться». Да не хочу я отдыхать! Ликвидировали звенья на зерне, правильно ликвидировали, мешали они механизации, — так дайте мне бригаду! Васюков Михаил, — говорит, — в шестой бригаде — не бригадир, а нарядчик. Что Павел Фёдорыч ему прикажет — выполнит, а своей головой ничего нового не придумает. Дали бы мне эту бригаду да вот этих девчат, которых я семь лет учила, — их тоже рассовали кого куда, ту амбарщицей, ту учётчицей, — да съезжу в Москву в академию, узнаю, чего там нового по агротехнике выдумали, пока я

тут кур не по специальности щупала. Может, какой академик шефство возьмет над нами. И сделали бы! Показали бы людям, что нет конца-краю колхозному урожаю!.. Павел Фёдорыч, — говорит, — таких, видно, помощников любит, чтоб много не рассуждали. Лишь бы бригадир не безобразничал, не пил водку в неположенное время, да рано вставал, да все его распоряжения выполнял в точности, не перечил ему»...

Назаров присел к столу.

— Ерунду городит Марина!

— Не знаю... Женщина она, видимо, наблюдательная... Это очень хорошо, Павел Фёдорыч, что нет у тебя отстающих, — продолжал Стародубов, — всех ты подтянул. Но кто-то должен опять вырваться вперёд?.. Ну вот, в самом деле — достигли вы общего высокого урожая, но это же не предел, все понимают. И вот с этого трамплина какая-то бригада у тебя захочет сделать новый большой скачок. Захочет испытать у себя более сложный агрокомплекс, нежели та агротехника, которой все сейчас у нас придерживаются. Что ж, на первых порах, может быть, этой бригаде придётся больше помочь. Больше тягла им дать — обработка полей у них сложнее — и семян дать им больше — норму высева, может быть, они увеличат. И даже удобрений, может, лишних попросят у тебя. А главное — больше внимания этим людям, зачинщикам. А на свёкле остались звенья. Может быть, какое-то звено захочет показать всем, как по тысяче центнеров с гектара можно брать, а не по триста? А ты скажешь: «Очковтирательство! Особые условия!». Нет! Это маяк!.. Другое дело, что нельзя баловать передовиков «вечным первенством», нельзя давать соревнованию закостенеть. Вырвалась одна бригада вперёд, проверили урожаем её опыты, убедили людей, что это всем доступно, — сразу же подтягивай к ней все остальные бригады. А потом опять рывок вперёд! Так, по-моему, а?.. На низком ли уровне, на высоком ли уровне — застой есть застой, дорогой Павел Фёдорович. Страшное дело! В самом лучшем

нашем показательном колхозе жизнь остановилась. За три года урожаи не выросли ни на полцентнера! Вопрос — для специального обсуждения на бюро. Будем тебя ругать! Да и самим придётся признать, что прошляпили, проглядели... Добрый ты человек, Павел Фёдорыч, — усмехнулся Стародубов. — За доброту тебя колхозники и полюбили. А теперь, вот видишь, обижаются... Народ, знаешь, любит, чтоб его и пожалели и подтолкнули, когда надо... А ты говоришь: «Не нужно! Не надо мне ни отстающих, ни рекордсменов! Всё за всех обдумаю и сделаю сам!». Задавил всё и вся собственным авторитетом... Может, Золотую Звёздочку, кроме тебя, десятки людей в колхозе желают носить? И докажут делом, что достойны носить?

Загорелое лицо Назарова то бледнело как-то пятнами, то багровело до такой степени, что, казалось, вот-вот брызнет кровь из кожи на скулах. Рука его, лежавшая на столе с зажатой в пальцах потухшей папиросой, дрожала.

— Не думал я об этой Звёздочке, Дмитрий Сергеич, и не об авторитете думал, когда загонял последние оборотные средства в суперфосфат да в семена клевера, — сказал он. — Мне в то время нужно было платить полмиллиона просрочки за Сторчака и всех прочих, кто до меня разваливал колхоз. Ладно, думаю, напишу в Совет по делам колхозов, войдут, может, в положение. А без урожая нам — не жить!

— Верю, верю, Павел Фёдорыч, — положил ему руку на плечо Стародубов, — что ты ночей не спишь, думаешь о том, чтоб колхозу было лучше. Но сам всего не поднимешь. Тем умная голова и умна, что понимает — всего за всех сама не обдумает. Кроме того, ты же — фронтовик, знаешь: веди бой главными силами, а разведку вперёд всегда пускай!.. Вот повешу замок на кабинет, приеду к тебе в колхоз ещё дня на три, походим вместе по хатам, поговорим с людьми — найдём у тебя не одну новую Марию Демченко.

Назаров встал, с треском отодвинул кресло, опять заходил по кабинету.

— Нашёл бы и сам! Что ж, я людей своих не знаю? Знаю таких, что поедут поучиться и на Урал и на Дальний Восток, куда угодно, где только можно хороший опыт перенять. И сам бы поехал — да не знаешь, за что хвататься!.. Вы бы когда-нибудь захронометрировали рабочий день председателя колхоза — чем он занимается? Много ли времени у него остаётся подумать о самом главном? Председатель должен и от науки не отставать и от людей не отрываться. А нас мелочи заедают!.. Вот теперь прочитал доклад товарища Маленкова на девятнадцатом съезде — чувствую, будет нам, председателям, облегчение! Хотел уж было свой черепичный завод открывать — товарищ Маленков говорит: не нужно, наша промышленность в состоянии с этим справиться. Правильно, не нужно! Ведь о чём только не приходится хлопотать председателю колхоза: и где гвоздей добыть на строительство, и чем крыши покрыть, чем коней подковать, во что запрячь? На иного председателя посмотришь — так это же не председатель и даже не завхоз — экспедитор! Дни и ночи мотается по разным конторам, «снабам», ищет, достаёт, выпрашивает, выменивает. Уголовное дело на председателя колхоза можно завести — как он это всё добывает. От хорошей жизни, что ли, пооткрывали мы свои заводы? Кирпич палим, уголь древесный выжигаем для кузниц, мазь колёсную сами делаем. И колёса делаем, и дуги гнём, и верёвки вьём. Не колхоз, а какой-то кустпромкомбинат! Вот разгрузите меня от всего этого — больше буду заниматься урожаем! А как же вы разгрузите? Хорошо, закрою я кирпичный завод. И людей оттуда всех пошлю в полеводческие бригады. Но откуда же нам возить кирпич на строительство? Нам его много нужно! Из Курска, за сто пятьдесят километров? Дорого обойдётся!

— Построим такой завод, Павел Фёдорыч, что всему району хватит кирпичей!

— Давно надо бы! Местную промышленность

надо развивать, Дмитрий Сергеич! Ваша обязанность об этом подумать! Завалите магазины и хомутами, и колёсами, и мебелью!..

— Вот с твоей помощью всё обдумаем. Ты тоже член бюро. Но эти колёса увозят нас в сторону.

— Нет, Дмитрий Сергеич, это очень серьёзное дело! Как в паутине, бьёмся! Отпадут эти доставальческие заботы — наполовину очистятся мозги для других мыслей.

Назаров присел на подоконник, распахнул створки окна. С улицы, вероятно, похоже было, что в райкоме пожар — табачный дым повалил из окна клубами.

— Где же ты раньше был, товарищ секретарь райкома? — заговорил после большой паузы немного успокоившийся Назаров, перейдя с вежливо-холодного «вы» на «ты». В глазах его заиграли усмешливые огоньки. Кажется, впервые за все мои встречи с ними, он назвал Стародубова на «ты». — Это же счастье наше, что у тебя скат спустил в Сухоярове! Ни разу не задержался у нас на часок, не поговорили по душам. В собственном соку варюсь!.. Не взлюбил ты чего-то наш колхоз.

— Я не взлюбил ваш колхоз? Глупости!

— Ты тоже, видно, добренький. Бедных любишь, а богатых нет. А оно, видишь, и у богатых свои болезни... По обязанности ты, Дмитрий Сергеич, все делал, что нужно. И хвалил нас и возил к нам людей поучиться, а душа твоя к нам не лежала... Или, может, я тебе не приглянулся?

— А что ты — девушка? Любоваться тобой? Не приглянулся!..

— Да нет, бывает так... Может, не нравилось, что я сам по себе существую, никогда ни в чём помощи у райкома не прошу? Так мне помощь нужна, может, не такая, как другим. Если мне неисправный комбайн вывезли на участок из эмтээс — я с таким пустяком в райком партии не побегу, как-нибудь сам добьюсь, чтобы исправили.

Спор угасал. Я ушел в гостиницу за чемоданом — из райкома отправлялась машина в К-скую МТС,

куда и мне нужно было съездить. Когда я зашёл в кабинет Стародубова минут через двадцать, оба сидели на высоком подоконнике, свесив ноги, и предавались фронтовым воспоминаниям.

— Так, значит, ты на Крымском фронте был в кавдивизии генерала Книги? — разминая в руках папиросу, говорил Стародубов.

— Ну да. В Михайловке стояли, во втором эшелоне. Готовились к прорыву. Потом нас спешили.

— А я был в восемьдесят второй бригаде, в морской пехоте. Ротой командовал. Так мы же вместе в Керчи дрались! Рядом!..

— Рядом, рядом... Ты знаешь, Дмитрий Сергеич, как мне в эту войну пришлось. Уже после Крымского фронта, в другой армии. До Берлина прошёл с родным братом в одной дивизии! И не встретились. В разных полках были. После войны уже списались: ты в какой дивизии служил? В такой-то. И я — в такой-то! Как же так?.. До сих пор не могу с ним повидаться. Инженер. Работает начальником строительства в Казахстане.

В дверь заглянули посетители, ожидавшие приёма. Стародубов спрыгнул с подоконника.

— Ну, до завтра, товарищ Назаров! Приеду на три дня. А к субботе готовь доклад на бюро: «О мерах дальнейшего повышения урожайности и продуктивности животноводства в колхозе «Красное знамя».

— О животноводстве мы, вроде, не говорили...

— Ничего, ничего, там поговорим. Походим по фермам без экскурсии, вдвоём. И не обижайся на меня. Мне народ подсказал, и я тебе подсказываю. Давай поработаем так, чтоб никакие летописцы не смогли написать про нас: «Были, мол, у нас такие-то товарищи, с виду не хворые, при здоровье, а ничего особенно примечательного не сделали».

— Сам того боюсь, Дмитрий Сергеич! — усмехнулся Назаров. — Как бы не попасть в историю не с того конца!.. Никита Родионыч наш? Тот запишет!

— Запишет!..

Посмеялись.

— А вот подкалываешь ты меня зря: «Вынужденная посадка. Это вам, может, в диковину, а я-то в колхозе живу»... А я не живу в колхозе. Что поделаешь, такая моя должность. У меня — двадцать три колхоза. Ночую дома. А дом — в райцентре, не в колхозе. Может, и секретарю обкома прикажешь в колхозе жить?

— Так и меня не упрекайте: ты ближе к ним живёшь, ты в первую очередь проглядел. Я — ближе, а вам — с горы виднее. Вот и подсказывайте нам, куда двигаться. Зачем время терять?

— Да, времени терять не нужно... А землю я тоже люблю, товарищ Назаров, как и ты, хоть и не в колхозе живу. И всё, что на ней растёт... И, может быть, не так люблю то, что сегодня на ней растёт, как то, что завтра вырастет!

Крепко пожали друг другу руки на пороге. Стародубов сел за стол.

...Звонил телефон, заходили очередные посетители, забегали заведующие отделами с проектами резолюций и докладных записок, помощник приносил только что доставленные, с мокрыми ещё наклейками телеграммы из области.

Рабочий день секретаря райкома продолжался.

1952 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор В. Бычкова
Художник В. Полянцева
Техн. редактор П. Севрюков
Корректор З. Шиле

Подписано к печати 5/III—1953 г.
2,8 б. л.= 9,2 п. л., 8,5 уч.-изд. л.,
8,3 авт. л. Бумага 84×108 1/32.
ИЕ 68057. Тираж 15.000. Заказ 6089.
Цена 3 р. 60 к.

Типография изд-ва «Курская правда»,
г. Курск, Ленина, 77.

Цена 3 р. 60 к.
(по прейскуранту 1952 г.)